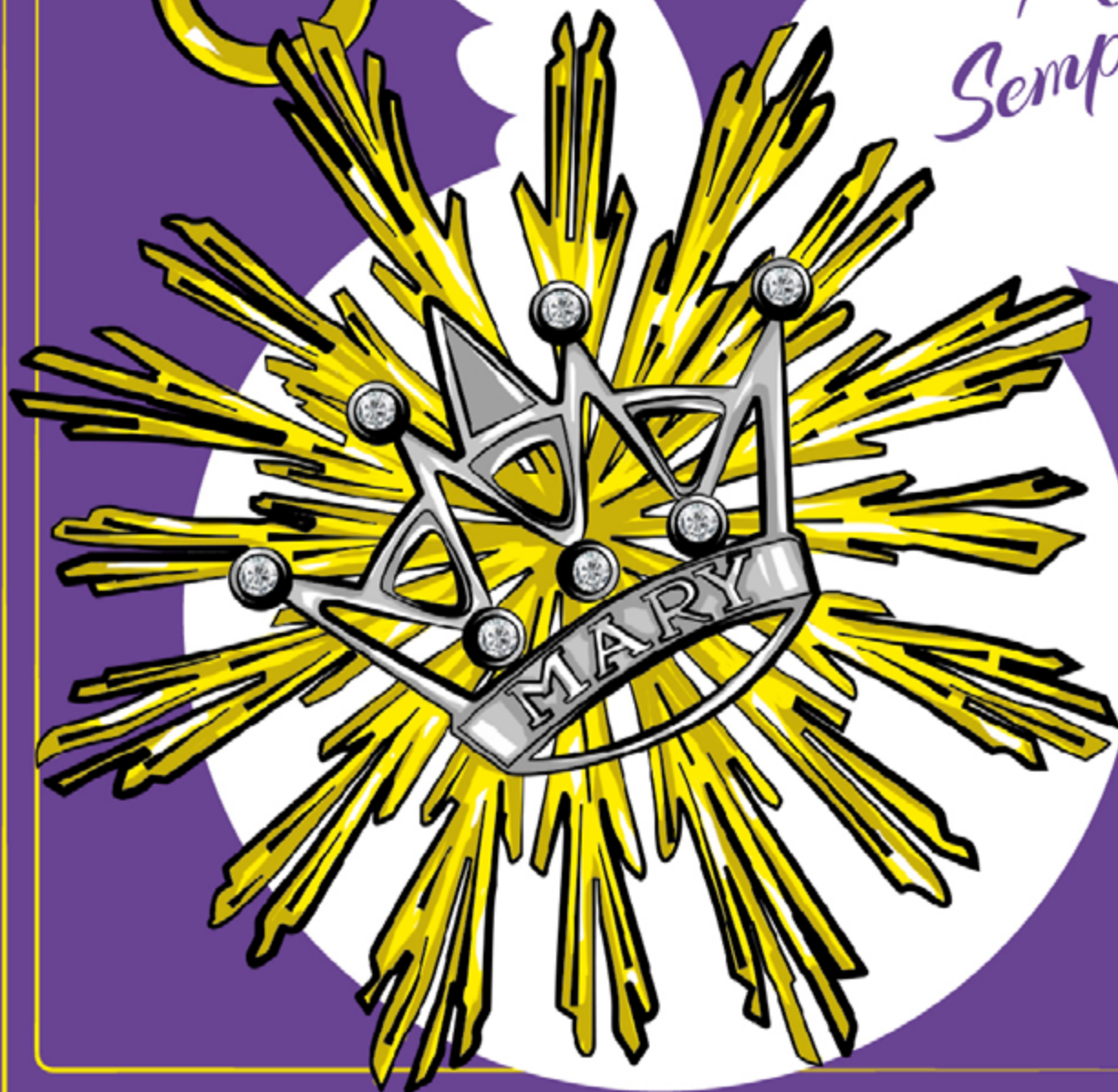

Первый закон РАЯ

*Maria
Semperparica*

КНИГА I

Первый закон рая

*Maria
Semprericca*

КНИГА I

Copyright © 2019 Maria Semprericca
Все права защищены.

Эта книга — о преодолении и преображении, внешней и внутренней красоте, приключениях духа и изменениях тела. Посвящается ломовым лошадкам, женщинам, страдающим от лишнего веса, неприятия себя, уставшим, загруженным работой, проблемами и ответственностью. Автор очень хочет, чтобы они тоже смогли изменить свою жизнь и стать счастливыми.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Maria Semprerissa, 2019

© [Екатерина Бисерова](#), иллюстратор, дизайнер обложки, 2019

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Глава I. Введение. Шесть лет вдохновения	10
Глава II. Земля	13
Глава III. Закон Притяжения: рецепт Милки	21
Глава IV. Тодд	29
Глава V. Хватит дурака валять!	32
Глава VI. Хочу парить, порхать, летать, как птица!	35
Глава VII. Три ложки хлопьев	42
Глава VIII. Сказка	48
Глава IX. Сюрприз	53
Глава X. Вздернутый нос	58
Глава XI. Богиня городов Земли	62
Глава XII. Маг Мерлин и волшебный чаёк	84
Глава XIII. Шоколадный десант	104
Глава XIV. Соус из воспоминаний	114
Глава XV. Путешествия былые и грядущие	144
Глава XVI. Доска визуализации	153
Глава XVII. Отпуск для Золушки	165
Глава XVIII. За книгой через Цербера	171
Глава XIX. Заклинание	181
Глава XX. Игривые чертики	189
Глава XXI. Соблазнительная медитация	195
Глава XXII. Фиолетовый оргазм	204
Глава XXIII. Невидимая сила	215

Глава XXIV. Центр Божественного Действия	230
Глава XXV. Визуализация.....	246
Глава XXVI. Чудотворные деньки в метамодерне.....	257
Глава XXVII. Жаренка	267
Глава XXVIII. Прощай, ломовая лошадь.....	277
Глава XXIX. Берись и делай!.....	284
Глава XXX. Время возвращается назад... ..	298
Глава XXXI. Любовь свята	306
Глава XXXII. Прощание.....	318
Глава XXXIII. Еда богов и волшебная вода	327
Глава XXXIV. Casa dolce casa — Вот я и дома	337
Глава XXXV. Талисман	341
Глава XXXVI. Начало всех начал	354
Глава XXXVII. Церковь святого Иосифа.....	369
Глава XXXVIII. За пределами разума.....	377
Глава XXXIX. Придет тебе идеяка... ..	388
ОТЗЫВЫ.....	395
КОНТАКТЫ	398

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель, эта книга — первая в тетралогии, которая будет носить то же название: «Первый закон рая». Вы прочтете о событиях, которые покажутся невероятными, — но они вполне реальны, разве что немного приукрашены и перемешаны во времени. Главные герои имеют прототипы (один из них я вижу в зеркале), и я благодарна людям, которые позволили мне использовать их имена. Впрочем, далеко не все в книге опирается на реальность: многие имена и моменты вымышлены. Например, если вы узнаете в ком-то продавца пудры, Рамульду или Жорика — можете быть уверены, это случайное совпадение.

Эта книга не увидела бы свет без людей, которые поддерживали, вдохновляли и верили в меня: их так много, что невозможно всех перечислить, но я помню каждого. Назову лишь нескольких — а то книга, пожалуй, станет вдвое толще!

Выражаю признательность и благодарность:

Моему любимому Mark Elliott — он мой Герой и Король, без его поддержки я никогда не смогла бы дописать эту книгу. Благодарю за любовь и веру в меня. Наша встреча, это что-то потрясающее — примерно, как победить шторм и высадиться на заветном берегу.

Моим детям Alessandra и Andrea за то, что поделили со мной мечты.

Родителям за мое воспитание и за все прочитанные в детстве книги — писатель зарождался именно тогда.

Моей тете Тане — стержню, на котором несколько лет держалась моя семья. Двое малышей требовали внимания и заботы, а мне нужно было работать и учиться. Когда я начала писать, тетя Таня стала первым читателем и благожелательным критиком.

Брату Николаю и его жене Наталье.

Бывшим мужьям Alessandro и Riccardo.

Куратору и корректору Наталье Филюшиной, моей подруге, вдохновительнице и правой руке.

Редактору Инне Мискарян — я два года искала специалиста, который сможет деликатно подойти к делу, не обломать меня, а наоборот, раскрыть писательский талант,

Художнице Екатерине Бисеровой (Медник) — волшебнице и телепату (ох, сколько же иллюстраторов я перебрала! Об этом можно отдельную книгу написать — «Мои приключения с художниками»).

Меня восхищают люди, построившие себя с нуля, как Ричард Брэнсон — он один из моих героев, на кого я равняюсь.

Такой же герой для меня Павел Пискарев — Ph.D, психолог, автор метода «Нейрографика» и создатель Института Психологии Творчества, мой ментор и учитель, прототип одного из героев книги.

Назову еще несколько имен с выражением признательности и благодарности: Тамар Сагинашвили, Natalia Kosecki, Елена Юсова, Надежда Литевская, Кристина Кашкан, Владимир Фей, Михаил Янош, Тамара Гембицкая, Наталья Кузнецова, Любовь Олейник, Ирина Сокол, Ирина Соколова, Дарья Кушнерева, Вера Смирнова, Инна Ким, Julia Bugayenko, Елена Артемьева, Любовь Бабякина, Светлана Шишковская.

Мои коллеги по Нейрографике:

Nina Margules-Yablonsky, Марина Романцева, Елена Тальменева, Ирина Мартынова, Ирина Рекшинская, Лариса Горбунова, Алёна Алхимиста.

Основная идея книги опирается на произведения Женестье Беренд «Ваша незримая сила» и «Осуществление желаний: 21 волшебный урок для полной и счастливой жизни». Вторая из них увидела свет благодаря Джо Витале, за что я ему очень благодарна.

Книга, после шести лет с начала ее написания, была успешно и быстро закончена с помощью метода «Нейрографика» и эстетического самокоучинга. Использование техник нейрографического рисования расширяет сознание, привлекает новые идеи, снимает ограничения, сомнения и страхи, помогает создавать новые сюжеты, находить нужных героев и многое другое. Я использую этот метод для достижения целей во всех сферах жизни как для себя лично, так и для работы с людьми.

Кто я? Обычная женщина, которая смогла изменить свою жизнь во всех направлениях и неустанно продолжает развиваться. Родилась в Москве 28 октября 1969 года, более 25 лет прожила в Италии, во Флоренции, последние пять лет нахожусь на Кипре. Модельер-конструктор, успешный предприниматель, автор сайтов <http://semprericcaneuroarte.com>, <http://perviy-zakon-rayia.ru>, и <https://idealhomescyprus.com>, практик осознанных сновидений, с 2000 года — практик буддизма Ничерена Дайшониана, инструктор Нейрографики, Эстетический Коуч, тренер «Архитектуры Реальности», тренер «Лабиринта Развития».

Меня действительно зовут Мария, а вот Semprerissa (всегда избыточная) — это псевдоним, ставший ником на просторах Интернета. Можно считать, это память о браке с Риккардо (Рикка — сокращение от его имени, sempre — всегда). В его представлении это означало «я такой же, как и прежде», но для меня наполнилось другим смыслом: изобилие во всем и всегда.

Посвящаю эту книгу всем людям, ищущим пути к изменению и улучшению своей жизни. Я всем сердцем верю в то, что каждый человек может стать счастливым.

С благодарностью,
Maria Semprerissa (Мария Назарова)

Если разум нечист, тогда и жизнь людей нечиста, но если разум чист, тогда и жизнь их чиста.

Не существует чистой или нечистой земли как таковой: разница состоит только в том, насколько чисты или нечисты мысли у живущих на ней людей.

Ничирен Дайшонин

«О достижении состояния будды
в этой жизни» (WND, I-4)

ПЕРВЫЙ ЗАКОН РАЯ

КНИГА I

Глава I

Введение. Шесть лет вдохновения

Ту ночь я провела в машине под собственным балконом. Желания, да и физических сил подниматься домой не было. Я просто тупо сидела и ненавидела всю свою жизнь, работу, тело, да и вообще всё! Я ненавидела всё лютой, свирепой ненавистью, от которой хотелось кричать, как сумасшедшая, кататься по земле и биться головой об стенку, а может, даже умереть.

Дело было не в том, что новое любовное приключение закончилось: после бурной, страстной ночи он сказал мне, что в общем-то я классная, и даже почти супервумен, вот только с фигурой у меня не в порядке, а по-сему влюбиться он в меня никак не сможет.

Нет, дело было не в нем, этот случай просто стал последней каплей в долголетней битве под названием «Моя Неудавшаяся Жизнь».

— А помнишь ли фильм «Загнанных лошадей пристреливают»? — ехидно спросил кто-то в моей голове.

— Боже мой!.. — содрогнулась я. — Ведь этот фильм про мою жизнь! Ради выживания я на десятилетия закабалила себя без выходных и про-

ходных непосильной работой. Я взвалила на плечи все проблемы, семейные и финансовые обязанности, растолстела и была измучена, не выходила из невроза и депрессии.

В какой-то момент страдание настолько зашкалило, что казалось — спасения больше нет, но... Ангел-Хранитель был рядом, и я взмолилась всем сердцем.

Остаток ночи я взывала к Богу и просила прощения за все страшные мысли, за нелюбовь к себе, за то, что стыдилась своего тела, за презрение ко всем мужчинам и желание им отомстить.

Я молилась и просила помочь мне стать лучше, чище, чтобы горечь вышла из моего сердца, чтобы я поняла, почему я так живу и зачем так страдаю, и чтобы наступило облегчение. Я молилась, чтобы жизнь моя каким-то чудом изменилась, и чтобы я перестала сидеть в своей мастерской с утра до поздней ночи.

Я молилась, чтобы не быть зависимой от работы и иметь много денег и свободного времени, путешествовать, быть окруженной красотой, хорошими людьми, радоваться своему отражению. Мне хотелось лежать под пальмой с бананом в руке и ничего никогда больше в жизни не делать!

Я вдруг почувствовала себя достойной получить все это. После стольких лет напряженного труда, учебы и ущемления себя во всем я готова была принять полное благополучие, я готова была превратиться из Ломовой Лошади в настоящую Королеву.

Рано утром, в полуобморочном состоянии, я вошла в спальню и провалилась в сон...

А потом начался поиск себя, и однажды вечером, через несколько месяцев, я лежала в номере отеля после «Школы Коучинга» и размышляла о смысле жизни.

В какой-то момент перед глазами встал огромный открытый сундук с драгоценностями. Ожерелья, кольца, цепи игриво переливались, испуская яркий разноцветный свет. Свет излучал тепло и пронизывал все мое существо — оно наполнялось умиротворением, состоянием полного бла-

женства и спокойствия.

— Этот сундук — моя жизнь, — сказала я сама себе, и от этого осознания наполнилась счастьем. Потекли слезы благодарности, благодарности не обычной — осознанной и страстной. Вся моя жизнь пробежала перед глазами, и КАЖДОЕ событие я увидела как бесценную драгоценность. Мне всё стало ясно — СМЫСЛ ЖИЗНИ ЕСТЬ САМА ЖИЗНЬ.

В этот момент меня пронзила Любовь — нет, не та, которую испытываешь к любимому мужчине или родителям и детям, это была Любовь к Себе, к собственной Жизни.

И тогда мне захотелось писать... Мне захотелось оставить это наследие, этот бесценный опыт Ненависти и Любви — Жизни обычной женщины.

Я сказала себе, что напишу книгу о серьезных женских проблемах и путях их разрешения в легком, юморном стиле, и это будет долг благодарности Жизни и Богу, который я отдам через тех ломовых лошадок, которые хотят все изменить и нуждаются в поддержке.

«Смысл жизни в самой жизни, — сказала я себе. — А раз книга о моей жизни, значит, книга и есть смысл, и отдавая, делясь своим самым сокровенным, я получу бесценную пользу, потому что буду развиваться во всех направлениях, как интеллектуально, так и духовно, и это поможет моим изменениям. А еще я заряджусь бесценной энергией от тех эмоций, которые испытаю, когда книга кому-то поможет. И если я добьюсь (а я так и сделаю), чтобы книга увидела Мир и стала успешной, то я достигну и материального признания. Ведь так устроен Мир».

И я стала писать... Нет, не сама, а с помощью своего нового замечательного окружения, с его сильной поддержкой. И чем больше я писала, тем сильнее и лучше изменялась моя жизнь.

Прошло шесть лет с той ночи... Шесть прекрасных лет вдохновения. Первая книга написана, все желания исполнены, и я даже могу лежать под пальмой с бананом в руке и ничего больше в жизни не делать, но ведь желания как облака — плывут себе и плывут, изменяя форму и порой — окраску...

Глава II

Земля

— Козёл! — с ненавистью выкрикнула я и грохнула кулаком об стол. Брошенный телефон отлетел на самый край и едва не свалился на пол. Острый ком мимолетно подкатил к горлу, и едкие слезы хлынули по щекам. Обида грызла, хотелось упасть на кровать и забиться в очередной истерике.

Как назло, кровати поблизости не оказалось — я сидела за рабочим столом в мастерской. Здесь можно было лишь броситься на пол и развалиться между манекенами на разбросанных кусках бумаги и картона или залезть на высокий стол и рухнуть на рабочие инструменты.

Невозможность растянуться во весь рост и дать ход истерике бесила еще больше: «Что ж это за жизнь такая?! И нареветься как следует нельзя! Вот сейчас возьму и брошусь на пол!» Я резко сделала движение вперед, но, посмотрев вниз, остановилась.

«Нет уж, лучше отревусь я здесь, в своем любимом и удобном кресле, ведь оно, как верный друг, уже столько лет свидетель моих жалоб и истерик!»

Громко рыдая, я приняла привычную позу — согнутое тело, голова на сложенных руках. Мысли о несчастной судьбе-злодейке, как наводнение, захлестнули разум, а черные тучи негативных эмоций стучались в моей ранимой, истерзанной душе. Обида, горечь, злость и главное, жалость — беспощадная, съедающая жалость к себе — одинокой, уставшей, измученной работой и заботами, к себе, растолстевшей, обезобразившейся и утратившей красоту.

«Одна! Всегда одна! Верней — опять одна! Очередной козёл убрался год назад, и вот теперь, когда я так нуждаюсь в помощи, — нет рядом никого!

И как это могло случиться? И почему со мной? Я что, хуже других? Честная, ответственная и работающая... Не то слово «работающая» — настоящая ломовая лошадь! Почему же мне так в жизни не везет? Все их вина!

Этих толстокожих, непробиваемых, тупых осеменителей, не способных ни на что другое, ленивых трутней и безответственных животных.

Где же они — настоящие мужчины: заботливые, верные, умеющие содержать семью, любящие своих детей и жену? Где же они — истинные джентльмены и кавалеры, о которых пишут в книжках? Видать, повымирали все, как мамонты и динозавры.

Нет, они есть только в сказках про «серого бычка», верней про «серого козла», а в жизни — одна лишь размазня и маменькины сыночки, а также алкоголики, лгуны и бабники, а еще насильники и извращенцы, и твари, бьющие детей и жен, — уроды, одним словом, все!

Да, да, уроды, но еще и классные притворы — все настоящие актеры! Распустят хвост под стать павлинам и начинают завлекать: внимание, подарки, рестораны, а как поют-то (пташки сраные!) прямо пенье соловья! А то еще оставят под подушкой любовное письмо на несколько страниц (писаки драные!), или в обнимку под луной мечтать о будущем возьмутся (романтики хреновые!), и посочувствуют, и пожалеют, при случае отвагу проявят (рыцари поганые!), и, что ведь самое обидное, заставят тебя, дуру, верить, что ты Принцесса, а не!..

И вот готова ты, как утка с яблоками на праздничном столе, — влюбленная и страстная, способная на все ради него... а дальше что? А то, что сказка кончилась и маски сброшены — принц превратился в злого чародея, воткнул нож с вилок в жертву и начал резать на куски!»

Картина с жареной уткой ярко нарисовалась перед глазами, и, словно сорвавшись с цепи, меня яростно поперло...

«С каким бы удовольствием сняла б штаны со всех, поставила бы задом и выпорола бы плетью всех подряд! Или колючей проволокой в пучок связать всех гадов и пнуть с обрыва — пусть летят! Или устроить бы охоту — злодеев привязать к летающим шарам и, как по уткам бы, из лука — пусть потечет у каждого в испуге по штанам!»

От представленных картин я через слезы рассмеялась. Стало чуть легче, и мысли приобрели новый оттенок.

«Конечно же, я не злодейка, чтобы стрелять по мужикам, но!.. Ведь обидно, мочи нету! И как же верить хочется мне в это, что есть Он где-то там на свете, пусть даже на другой планете, — тот самый настоящий: семейный, верный, любящий, отважный, заботливый, воспитанный, прекрасный!»

Не поднимая головы и изредка всхлипывая, я, окончательно измученная, стала проваливаться в сон. Душевная боль притупилась, печальные мысли плавно перешли в дремотные фантазии, и я ощутила невесомость.

Вдалеке появился яркий свет. Он медленно приближался, постепенно превращаясь в голубой шар, похожий на нашу планету.

Земля, словно сувенирный глобус, была маленькой и могла поместиться у меня на ладонях. Я протянула руки и, приблизив эту живую игрушку к глазам, стала рассматривать ее поверхность — планета завораживала своей необычностью и красотой.

По воздушной, прозрачной массе медленно плыли белоснежные облака со сменяющимися под ними узорами. Цветовые гаммы морей и океанов переходили в разноцветные рельефные оттенки островов и материков с дремучими лесами, извива-

ющимися реками, солнечными пустынями и белоснежными макушками гор.

Руки почувствовали холод от ледяных просторов и жар от палящих пустынных песков. Где-то дули ветры и бились волны, где-то сверкали молнии и шли дожди, а где-то шумела жизнь мегаполисов. Планета напоминала живой орган, и я вдруг осознала:

«Она такая же, как и я, только другой формы и другого уровня сознания, но мы одинаковые — мы обе живые!»

— Мы с тобой одной крови, — подтверждая мои мысли, раздался незнакомый голос.

Я тут же вспомнила мультфильм «Маугли» и спросила:

— Это кто?

— Это я — Земля, и ты права — мы обе живые и неразрывно связаны между собой. Я — райское место для человечества, и я люблю вас, люди! Я живу для вас, для вашего благополучия. Мало тех, кто знают об этом и позволяют себе жить в наслаждении, как должно бы быть.

Планета замолчала, и что-то ласковое прикоснулось к моим рукам, разливаясь нежными струйками по пальцам и приятно стекая в центр ладоней.

Каждая клеточка рук стала наполняться блаженным ощущением умиротворения. Оно быстро переходило во все тело, и я оказалась в необычном состоянии мира и любви, которое не поддавалось никакому описанию.

— Смотри! — вновь заговорила Земля и, как в компьютерной графике, тут же из шара преобразилась в плоскую круглую поверхность с едва заметным прозрачным куполом, внутри которого медленно перемещались оба светила.

— Но ты ведь круглая, а не плоская, — удивилась я.

— Я такая, какой ты меня представляешь. Не думай, просто смотри, что я тебе покажу.

Планета стала увеличиваться, и я медленно «поплыла» по пространству, где сменялись день и ночь, разглядывая распростертые куски суши

и воды.

«Какая же она красивая, — подумала я, пролетая над лазурного цвета океаном. — Интересно, где же я лечу?»

Внизу показалась песчаная равнина, уходящая за горизонт.

«Это точно Африка, я над Сахарой... хотя может, над Австралией? Там тоже должно быть все в песках...»

К неожиданной радости, показался родной «сапожок».

— Вау! Я почти в Европе! А это Италия, и где-то здесь должна быть Тоскана и Флоренция, где я живу.

Полуостров, как стильный ботфорт, стоял, окруженный морями, и сиял ночными огнями.

Я принялась вспоминать географию.

«Здесь Средиземное море, а здесь Адриатика... А ведь были времена, когда я любила ездить на пляж и совсем не стеснялась себя...»

Ностальгический взгляд пробежал по побережьям в поиске знакомых мест. Пиза и Виареджио с одной стороны и Римини и Равенна с другой, вот и все места, где я когда-то — очень давно — бывала.

Я с грустью посмотрела на Сицилию, потом на Сардинию, рядом красовалась французская Корсика.

«А вот эта малышка, наверное, Эльба... И как же такое могло случиться? Двадцать с лишним лет живу в Италии, и за эти годы никуда еще не ездила! Мне уже сорок, а кроме работы и забот я в жизни ничего не видела!»

Меня захлестнула волна потерянных надежд и неосуществленных мечтаний, и я медленно полетела прочь от родного полуострова.

— Не кисни! — раздался снова голос. — В твоей жизни все только начинается, конечно, если ты этого захочешь.

Слова планеты меня взбодрили.

— Итак, наш путь лежит на юго-восток. Расправь крылья и вперед!

Суша подо мной сменилась морской долиной, усеянной островами.

— Не узнала? Ну конечно же, это Греция, посетить которую не найдет времени лишь последний лентяй и невежда.

Камушек явно попал в нужный огород, и я с обидой ответила:

- Я не невежда, мне все интересно, но я постоянно занята работой.
- Это только потому что ты хочешь быть занятой.
- Нет... — запротестовала я, но Земля продолжала болтать без умолку.

— В Греции все есть! Раскопки, храмы и гробницы — ведь это настоящий исторический музей. А отдых знаешь там какой? Воды лазурные, пески золотистые, рощи апельсиновые, виноградники древнейшие. Пицца — пальчики оближешь! Для любителей поесть там, как и в Италии, настоящий рай.

Я было улыбнулась, представляя вкусняшки, но вдруг:

«Ведь ни в какие ворота не влазию! Девяносто с лишним килограмм! До нормального веса и вида как до китайской границы! Хватит думать о пальчиках!»

— Это остров Кипр, — продолжала планета, — а это бывшая Османская империя — Сирия, Ирак... вот уже Персидский залив, Арабские Эмираты, Аравийское море... и, наконец, сказочная Индия, колыбель старейших цивилизаций, страна самых ярких красок...

— А еще ярких фильмов! — вставила я свои пять копеек, вспоминая «Гиту и Зиту».

— И самых жгучих специй! — закончила Земля и на секунду замолчала.

Я посмотрела на яркую, цветную сушу. «Всем роженицам срочно сюда!» — мне вспомнилась первая свекровь. Эта «затычка к каждой бочке» при любой возможности лезла с наставлениями: «Самый лучший метод от геморроя после родов — это красный перец чили, ты должна есть его стручками!»

— Теперь смотри направо, — продолжала планета, — там рай влюбленных.

Россыпь маленьких островов переливалась на лоне океана.

— И как этот рай называется?

— Это Мальдивы, там воды поразительной чистоты, пляжи невероятной красоты, растения, от которых ботаники в экстазе, и такой подводный мир, что дайверы вылезать не хотят. А еще... тишина, спокойствие и полное наслаждение для влюбленных пар.

«Да уж... — подумала я, — это не на пруду устраивать пикник — шашлык, соленый огурец, вино, бутылка водки, комары, блатные песни и в дурака резня».

— Дальше Малайзия с тропическими лесами, множеством животных — ты когда-нибудь видела обезьяну-носача? — белоснежными песками, чайными плантациями и невообразимыми цветниками.

«А еще с магнитами на холодильник, — вспомнила я сувенир от Милки. — Вот кто умеет жить!» Давняя подружка раз двадцать в году летала отдыхать, и каждый раз за счет нового любовника.

— Вот Австралия, а там подальше одно из моих чудес — Новая Зеландия.

Мой взгляд устремился на два зеленеющих острова, и каждая клеточка затрепетала от нахлынувшего волнения.

— Земля, ты великолепна, красива, богата и щедра! Я хочу все в жизни изменить и начать путешествовать! Я хочу полететь в Новую Зеландию! — воскликнула я, но тут же по телу пробежали леденящие мурашки.

— Но как это возможно осуществить? Я ведь боюсь летать на самолетах и совсем не знаю английского языка... А денег сколько

нужно, чтобы попасть туда!

Планета отвечала:

— Если сможешь совершить это дальнейшее путешествие, то сможешь изменить и всю свою жизнь. Ведь ты же этого хочешь? Тогда — действуй! Я помогу тебе!

Глава III

Закон Притяжения: рецепт Милки

Очнувшись от видения, я долго находилась под впечатлением пережитого, потом нашла старый школьный глобус, и он показался мне таким родным и близким, что все последующие дни я не расставалась с этим шариком, словно ребенок с любимой игрушкой, и даже спала с ним в обнимку.

Просыпаясь, я мысленно просила Землю о путешествии в Новую Зеландию и постоянно с завистью задавалась вопросом:

«И как же этой уже не первой свежести Милке удастся вот так красиво и беззаботно жить и постоянно путешествовать, завлекая столь щедрых мужиков? Я тоже так хочу!»

Вскоро подружка вернулась с очередным подарком из страны, где живет много-много диких обезьян, и я напрямую у нее об этом спросила.

— Дорогуша, это все потому что я так хочу. Ты же помнишь фильм «Секрет» про Закон Притяжения и все такое прочее? Мы с тобой и вторым муженьком твоим, Риккардо, года три назад его бурно обсуждали, — ответила Милка, накручивая свой длинный рыжий локон на палец.

«Ах да, как же, как же, «Секрет», — подумала я, вспоминая о завалявшемся где-то диске и недоделанной доске визуализации.

— Вот уж не думала, что ты во все такое так сильно веришь... Эта идея одно время меня тоже увлекла, но заниматься этими вещами, к сожалению, совсем некогда.

— Это уже даже не смешно! — Милка, сверкнув голубыми глазами, приняла грозный вид и вздернула заостренный носик. — Некогда хотеть лучшей жизни? Ты хоть понимаешь, что ты несешь? Да у тебя нет времени ни на что, ты же замуровала себя в этом подвале и живешь под девизом: «Отцепитесь, мне некогда, у меня нет времени!» Да когда же ты проснешься и поменяешь эту чертову аффирмацию и начнешь нормально жить? Смотреть на тебя невозможно!

Я в сотый раз возразила и выставила свои аргументы про огромные налоги и то, как трудно иметь мелкий бизнес в Италии, а особенно в нашей сфере деятельности.

— Ты что, не понимаешь, что если я не буду крутиться как белка в колесе и удовлетворять потребности моих клиентов, то у меня просто не будет никаких клиентов! Меня заваливают заказами именно потому, что я ответственная, хорошо знаю свое дело и никогда не подвожу своих работодателей!

Милка наступила на старую больную мозоль, и теперь мое нытье прорвалось, как из забитой ржавчиной трубы.

— Ты что, забыла, какими усилиями и жертвами мне дался мой успех?

— Но ведь отдыхать... — Милка попыталась что-то вставить.

— Нет, ты объясни мне, когда? Когда мне отдыхать? С июля по декабрь осенне-зимняя коллекция, с января по июнь весенне-летняя. Начинаем с прототипов, заканчиваем производством, а между этим еще и sfilate di moda (показ мод)!

— Зая, налить водички? — сменив тон на мягкий, как у котенка, спросила подружка. — Успокойся, киса, ну разве можно так нервничать? Устала моя девочка, устала.

Милка обняла меня и ласково погладила по голове. Из глаз тут же хлынули слезы: «Ох, как же я действительно устала, и как же мне хочется все изменить!»

— Понимаю, понимаю... ты у нас честная, хорошая девочка, и еще гордая, все на себе, все одна... Но ты пойми, надо просто захотеть жить по-другому.

Я резко подняла голову и, шмыгая носом, угрожающе посмотрела на Милку.

— Ну, хорошо, хорошо, прекращаю, все равно... как об стенку горох.

Несмотря на мое сопротивление, очередная Милкина взбучка все же пошла на пользу. Я понимала, что если хочу так сильно все в жизни изменить, как почувствовала в пережитом видении, то нужно самой начинать

что-то делать.

Поэтому я все же заставила себя по утрам уделять немного времени на внутреннее расслабление и поиск новых встреч с Землей. Эта практика улучшала мое настроение, заряжала энергией и еще большим желанием все изменить.

Так однажды, размышляя о превратностях жизни и проблемах с мужчинами, я опять услышала голос Земли.

— Ты любишь животных?

— Да, конечно.

— А ты знаешь, что мужчины такие же, как и они?

— Ха-ха, вот с этим точно не поспоришь: все мужики — настоящие звери!

— Ты права, но только не в том смысле, который имеешь в виду. Все вы, мужчины и женщины, как и животные, насекомые и растения — вы отличные по оболочке, но одинаковые по существу, вы все есть живое! Смотри!

— Уху! — я в одно мгновение оказалась на огромном жирафе и, ухватившись за длинную шею, понеслась по необъятной саванне. Рядом бежали жирафята, и в клубах поднятой пыли скакали зебры, буйволы и антилопы.

Неожиданно все разношерстное стадо остановилось у водоема. Из воды торчали морды бегемотов, на солнце грелись крокодилы, тут же полоскались дикие поросята с длинногривой мамашей, львиное семейство с играющими котятками отдыхало под лоном акации, слоны и слонята поливали друг друга, бежали страусы и страусята, какие-то птицы, похожие на индюков, и много разной другой живности.

Я обошла все семейства и поняла, что, несмотря на отличия в разуме и облики, жизнь для нас всех устроена одинаково: мы все соединяемся, размножаемся, оберегаем своих детенышей, заботимся о том, чтобы прокормиться, ссоримся, миримся, ласкаемся, наслаждаемся и в конце... умираем. Это осознание потрясло меня, и картина сменилась.

Я оказалась в косяке птиц, потом ныряла с дельфинами и плавала в стае рыб, скользила по пескам со змеями, превращалась в насекомых и разные

растения и даже почувствовала дыхание каменных глыб.

— Все есть живое! — озаренная, воскликнула я. — От человека до простого булыжника, мы все есть жизнь!

— Теперь посмотри получше на людей, — раздался вновь голос планеты.

Я почувствовала мужчин и женщин, плачущих и радостных, сердитых и веселых, влюбленных и ненавидящих, задумчивых и беззаботных, но одинаково страдающих от несбыточных мечтаний и неисполненных желаний.

Как же близки мне были их переживания! Я расчувствовалась, захотелось добра и прозрения всему человечеству — слезы сострадания потекли из глаз.

Это мимолетное озарение и ощущение любви ко всем людям, в том числе и к мужчинам, вызвало в последующие дни удивительную реакцию: меня не покидало отличное настроение, я чувствовала себя энергичной и молодой, дни, как по волшебству, пролетали легко, и все события чудесным образом складывались для меня выгодно и удачно.

Все это происходило в самом конце февраля, а отпуск начинался в первых числах августа. Пять месяцев на подготовку и преодоление всех преград. Я занялась изучением английского языка и истории Новой Зеландии, уточняла стоимость билетов и в какой город мне лучше лететь. Все интернациональные рейсы шли через индустриальный центр Новой Зеландии — Окленд.

Прошло недели две, и как-то утром зазвонил телефон:

— Лапуть, привет! Открывай быстрее дверь!

Через секунду в мастерской появилась взбудораженная Милка.

— Ты не представляешь! — почти визжа, начала она с порога. — Я завтра улетаю!

— Правда? Ну надо же, какая новость... — я усмехнулась.

— Нет, ты не понимаешь — я улетаю на Виргинские острова!

Не имея ни малейшего представления, на каких чертовых куличках они находятся, я съязвила:

— Как, разве там ты еще не была?

— Радость моя, это неправильный вопрос! Ты должна спросить: «С кем?! С кем я туда лечу?!» — трясая руками, протараторила девица, и тут же добавила: — Дорогая, выручай! С Жориком опять посидишь?

Жорик — полуметровый домашний ящер — проводил больше времени с нами, чем с собственной хозяйкой, мы все его любили: я, сын, дочка, а наши три кота были от него просто без ума, чего нельзя было сказать о летающих в квартиру мухах.

— Ну что за вопрос? Привози, конечно, нашего любимого дракошу. Мы уже соскучились. Так кто же твой поклонник на этот раз?

— Солнце мое, ты не представляешь, как я счастлива — у меня новый бойфренд!

— Да неужели? Ах, какой сюрприз! — я засмеялась.

— Но главное — он англичанин! Мы познакомились позавчера и завтра улетаем в почти свадебное путешествие! Но это еще не все! Ты не поверишь, мой милый — друг самого Ричарда Брэнсона, и мы летим к нему в гости!

По запалу, с которым Милка произнесла неизвестное мне имя, стало понятно, что весь мир, кроме меня, знал, кто такой Ричард Брэнсон, поэтому я на мгновение смутилась, но, к счастью, болтушка без остановки продолжала:

— Я всегда говорила, что англичане — это самые славные и щедрые джентльмены на свете! Если бы мой «дедушка» не испустил дух в ту роковую ночь, я не смогла бы даже думать о другом мужчине, — Милка на секунду приняла грустный вид и тут же бодро добавила. — Вот и тебе, и тебе обязательно нужен англичанин!

Говоря о «дедушке», фифочка имела в виду своего первого и единственного мужа английского происхождения. Этот настоящий лорд и джентльмен на закате своих лет, когда на горизонте осталась лишь желто-красная полоса, а виагру можно принимать только строго по рецепту врача, страстно влюбился в совсем еще молоденькую Милочку.

Он вытащил провинциальную девочку, приехавшую покорять итальянские сердца, из ночного клуба и в один миг сделал из нее избалованную цыпочку, а сам из трухлявого старика преобразился в... «Игого!» — настоящего жеребца.

На свадьбе они смотрелись забавно — благообразный пожилой джентльмен с царственной осанкой и ухоженной бородкой и юная Милка, подвижная, как ртуть, на две головы ниже партнера и в таком пышном платье, что жениху едва нашлось место перед алтарем.

Купив «Камасутру», молодожены на собственной яхте отправились в свадебное кругосветное путешествие и провели в этой нирване на волнах нескончаемого экстаза и оргазма месяцев пять или шесть, пока однажды ночью, на самом пике наслаждения, стоя в позе «мост», жеребец не выдержал и не перешел из блаженства земного в блаженство небесное. Так, скоропостижно приказав долго жить, «дедушка» не успел завещать Милочке почти ничего, кроме огромной квартиры в центре Флоренции.

Потрясенная молодая вдова по наказу любимого мужа поклялась долго

и счастливо жить, и посему в память о дорогом и возлюбленном супруге посвятила оставшуюся жизнь нескончаемым путешествиям и бесконечным поискам нового достойного джентльмена.

— Ну, ты рада за меня? — спросила Милка, уставившись своими круглыми, как у совы, глазами.

— Безумно! Но только я прошу, поосторожней с виагрой и не берите «Камасутру»! — вылетела не совсем уместная шутка.

— Смешного мало, но мне нравится, когда в тебе просыпается хотя бы намек на веселую девочку, а то все работа да работа. Какая скука, как можно так жить? И надо ль было уезжать из Союза, чтобы вот так пахать? — принялась за свое неугомонная подружка.

— Я, между прочим, как ты знаешь, уехала из-за любви к своему первому мужу, а не потому что стоило или не стоило, — гордо ответила я.

— Ну да... знаю, знаю... нашла эдакого «достойного» принца на белом коне — или на чем он там был? — который вытащил нашу красавицу из советской клетки и привез ее в европейское бизнес-рабство. Марусик, — Милка вновь уставилась на меня, словно филин на несчастного кролика, — это все потому, что не в тех мужиков ты влюбляешься! Кстати, ты продолжаешь крутиться на сайте знакомств, куда я тебя после расхода с Риккардо записала?

— Ну да.

— Что за кислый настрой? Давай посмотрим, какой там сейчас контингент... — заумно высказалась Милка и полезла в мой компьютер.

— У тебя здесь куча неоткрытых сообщений, — сказала заботливая подружка и нажала на первое. — Угу! — воскликнула любопытная варвара, — ты посмотри, какой красавчик, да еще и молодой... и он должен быть тоже англичанин, ну или хотя бы иметь их корни, ведь... — не успела Милка договорить, как зазвонил ее телефон. Она тут же расцеловала меня и испарилась: за ней подъехал новый бойфренд.

Я посмотрела на открытое сообщение и... не поверила своим глазам! Мне написал сорокавосемилетний симпатичный мужчина, живущий

в Окленде, в Новой Зеландии! Я была на этом сайте уже целый год, но никогда мужчины из Новой Зеландии мне не писали. Это был явный знак от Матушки-Земли! Я была в шоке, насколько быстро действовал Закон Притяжения: ох уж эта Милка, ведь как права, чертовка!

Глава IV

Тодд

«Привет!

Я не мог налюбоваться твоей фотографией. Такого чувственного взгляда я еще никогда не встречал. Прочитав твою анкету, я подумал, что ты особенная женщина.

Зовут меня Тодд, и я уже несколько лет разведен. У меня есть красавица дочка, которую я безумно люблю. Имею процветающий бизнес, огромный дом, где, если бы не Зевс — тибетский спаниель и Гера — моя любимая кошка, я бы чувствовал себя одиноко. Люблю лето, море и пляж, а также проводить выходные дни на своей небольшой яхте.

Для полного счастья мне не хватает спутницы жизни — Особенной женщины, с которой я мог бы разделить спокойные и счастливые дни нашей жизни. Меня не интересуют ни расстояние, которое нас разделяет, ни другие препятствия. Для меня не существует преград в достижении счастья.

Если почувствуешь, что я заинтересовал тебя, мне было бы приятно получить от тебя ответ.

*С наилучшими пожеланиями,
Тодд».*

*«Заинтересовал меня?! — воскликнула я, прочитав сообщение. — Твоя **Особенная** женщина уже сидит на чемоданах! А Милка точно в обморок упадет!»*

Изучив его анкету, я осталась в восторге. Мне нравилось все: и то, что он написал, и внешность, и его солидное положение в обществе. А еще меня очаровала его фантазия: «Зевс и Гера... Любитель мифологии, а значит, романтик, такой же, как и я!»

Я быстро перешла на профиль новозеландца. С фотографии смотрел симпатичный мужчина с большим открытым лбом и едва выющимися аккуратно зачесанными темными волосами. Широкие мохнатые брови уси-

ливали выразительность его серых глаз, а крупноватый и немного вздернутый нос придавал вид самоуверенного, слегка заносчивого и знающего себе цену человека. Смягчали это ощущение веселые ямочки на щеках, которые делали его лицо добрым и приветливым. Выраженные скулы говорили о решительности, а слегка искривленные губы вносили некий шарм.

Нет, он не был красив. Он был из тех мужчин, которых легкие изъяны делают чертовски притягательными и завораживают женщину... Меня к нему тянуло.

Фасад огромного трехэтажного дома покорила меня еще больше. А когда я увидела великолепную большую лужайку, на которой мой новый поклонник жарил барбекю, мои фантазии полились рекой...

«...Солнышко греет, травка зеленеет, бабочки летают, букашки прыгают, птички щебечут... Я лежу на лежаке... (или нет — лучше в гамаке). Слегка покачиваясь, я наслаждаюсь своей замечательной, счастливой жизнью! Вот оно — счастье-то! Ко мне подходит мой любимый Тодд с тарелкой поджаренных на мангале овощей. Он ласково меня целует и спрашивает, что бы мне, его любимой, драгоценной и ненаглядной еще хотелось? Я медленно, лениво потягиваюсь и отвечаю:

— Дорогой мой, а может нам отдохнуть на яхте? Смотри, какой великолепный день.

И слышу в ответ:

— Сокровище мое! У тебя, как всегда, отличная идея, ангел мой! Я так тебя люблю, *Особенная* ты моя, — едем!

Я плюхаюсь в какой-нибудь кабриолет «Бугатти» или «Феррари», и мы едем к нашей яхте. Ветерок обдувает, дорога великолепна, пейзажи неопишимо красивы...»

Не успели мы доехать до причала, как завизжал проклятый телефон, звон которого прервал мое сладостное видение и вывел из состояния полетов и мечтаний. Звонили с фабрики насчет новой, срочной работы, которая должна была быть сделана вне очереди, к следующему утру.

Летающее в облаках, наполненное фантазиями о будущей прекрасной

жизни настроение шмякнулось со всей силы о Землю, и я, недовольная и ворчащая, стала собираться на фабрику.

Глава V

Хватит дурака валять!

Упустить возможность познакомиться с таким завидным мужчиной могла лишь последняя дура, тем более, что он явно был послан Землей. Поэтому, вернувшись с фабрики, я с энтузиазмом потерла ручки и твердо решила сделать все необходимое, чтобы заинтересовать симпатичного новозеландца. Мне страсть как хотелось воплотить в реальность и гамак, и лужайку, и, чего уж мелочиться и душой кривить, и яхту, и дом, и кабриолет. Но больше всего мне хотелось оказаться той самой «Особенной». Я вспомнила фразу Тодда: «...разделить с ним счастливые и спокойные дни нашей жизни».

Собрав мозги в кучу с помощью гугл-переводчика, я написала приветливый ответ и с приятным сердцебиением его отправила. К моему удивлению и чрезвычайной радости, новый знакомый не заставил себя долго ждать, и буквально через несколько минут я с возбуждением читала его новое сообщение:

«Hi, Мария, рад знакомству! Если ты не против, предлагаю продолжить вживую — по скайпу. Как ты на это смотришь?»

Сердце тут же екнуло и, казалось, провалилось в пятки, а радостная улыбка сменилась ошарашенной испуганной гримасой:

«Это конец! По скайпу, вживую! А вдруг я ему не понравлюсь?! Не вдруг — а точно не понравлюсь! Куда я спрячу все вот это?!..»

Я брезгливо покосилась на свой живот и, схватившись за одну из складок, стала с отвращением ее трепать.

«Ну неужели нельзя было подождать месяц или лучше два?! — с досадой подумала я. — Я бы быстренько подхуднула, да заодно и похорошела...»

Размышляя о красоте, я взяла небольшое настольное зеркало и приня-

лась рассматривать свое лицо:

«Ну, допустим, живот он сразу не увидит, а круглую физиономию куда я дену? Корсетов-то для лиц еще не придумали, а на фотографиях я выгляжу худее! Да еще и эти круги под глазами от постоянного недосыпания!»

Я потрепала себя за щеки и вдруг, заметив маленький прыщ на носу, с усердием принялась ковырять и выдавливать нежеланный бубон.

Когда я расправилась с прыщом, из зеркала смотрела по-прежнему круглая мордаха со вздутыми щеками и кругами под глазами, и теперь еще с распухшим красным носом.

«Да уж... ничего не скажешь — красавица! Как там было у него? «...такого чувственного взгляда я еще никогда не встречал». Боже мой, что же делать? Что же мне делать?» — поникнув и вздыхая, я с досадой перевела взгляд с зеркала на профиль новозеландца и принялась заново рассматривать его фотографии.

Вот он сам красавчик, а вот лужайка, а вот и дом... Объяввшие меня страх и неуверенность быстро развеивали яркие, счастливые фантазии, заменяя их на жуткую сцену в скайпе: звонок, я нажимаю на «ответить», и передо мной появляется Тодд:

— Опс... Hello... — вместо ожидаемой улыбки лицо мужчины вытягивается, глаза округляются:

— Are you Мария? Это разве ты? Я... я... если честно, немного... — в замешательстве не знает, что сказать, но все же делает усилие и продолжает. — По фотографии ты мне показалась... Кхмм... Кхмм... — опять неудобная пауза с якобы «что-то в горле запершило».

— Але, але — откашлявшись, он все же собирается с мыслями. — Что-то со связью... але, — при этом все отлично и видно, и слышно, — але, связь пропадает... але, але, ничего не вижу и не слышу, але? Ну, раз связи нет — Goodbye my friend, goodbye!

Окончательно расстроившись после нарисовавшейся сцены побега Тодда, я все же заставила себя вернуться в чувство:

«Так и что? Вот так вот сдать? И даже не попробовать? Мозги совсем,

что ли, сломались?! А как насчет: «хочу все изменить?», а поездка в Новую Зеландию? Да сколько ж можно ныть?! Нет уж, не позволю! Хватит дурака валять! Как там Милка говорит? Проснись! Села, быстро написала, прихорошилась и вперед!»

«Хелло, Тодд! Спасибо за ответ. Да, согласна — отличная идея перейти на скайп. Думаю, что смогу послезавтра, тебе подойдет?»

Отсрочка встречи на день давала возможность морально настроиться, привести себя в порядок и дать бедному носу вернуться в нормальный вид.

Тодд согласился, мы назначили время, обменялись скайпами и распрощались.

Весь следующий день я мысленно находилась в приготовлениях к предстоящей видеотрансляции. Мои руки механически передвигались, выполняя необходимую работу, и части производимой модели выходили сами по себе, будто из-под конвейера.

Физическое тело находилось в мастерской, но настоящая я витала совсем в других местах. Мысленно перебирались все имеющиеся наряды, украшения и косметика, продумывалась укладка волос, на которую я заранее записалась, и помимо всего прочего, прорабатывались фразы, улыбки, взгляды и разные ужимки и стратегии. К концу вечера я почувствовала, что наконец-то готова к встрече.

Глава VI

Хочу парить, порхать, летать, как птица!

Долгожданный момент почти настал, оставалось минут пять до видеосвязи. К собственному удивлению, я сидела в мастерской в своем обычном виде. Единственным новым атрибутом были большие черные очки от солнца, которые почти наполовину закрывали лицо.

Никакому логическому объяснению не поддавался мой выбор места скайп-встречи и главное, моего вида. Возможно, после часов головоломок, продумывания стратегий, одеваний и раздеваний мои мозги, как кипящая вода, просто испарились.

А произошло это вот так...

В диком волнении, раздумывая, что же все-таки надеть и где провести встречу, я галопом вбежала после парикмахерской в квартиру и на минуту остановилась в зале.

— Итак, где же лучше устроиться для нашего знакомства? Может, вот здесь, на софе? — я плюхнулась на мягкое сиденье и, держа ноутбук на коленях, включила камеру:

«О боже — нет! Ряха еще толще под этим наклоном! И я похожа на бабу-ягу! Может, лучше прилечь?»

Я откинулась на подушки, пышная грудь закрывала половину экрана.

«Это что еще за порно-стар?! Так совсем неприлично... Что он подумает? Может, лучше напротив террариума?»

Жорик как раз заполз к себе и наслаждался ярким светом лампы между булыжниками и сухим длинным стволом, на вершине которого брал начало искусственный водопад, стекающий в мелкий бассейн.

Я посмотрела на довольную мордашу бородатой агамы. Ящер чуть отодвинулся, поднял голову, вытянул шею, растопырил колючие щеки и... схватил залетевшую, на свое несчастье, муху.

«Да... сцена не из приятных, оставим эту затею. Пожалуй, сначала выберу одежду».

Я нервно открыла гардероб и окинула взглядом содержимое. Вся одежда была из каталогов для пышных дам. В магазинах на мои почти сто килограммов налезали только чехлы для дивана.

— Начнем вот с этой кофточки.

Быстро раздевшись, я влезла в сиреневую блузку в рюшках.

— «Подлецу все к лицу», — это явно не про меня. — Эй, ребята, посмотрите, я толстая в этой блузке или нет? — прокричала я, обращаясь к сыну и дочке, и выбежала в коридор.

Оба, к удивлению, выскочили на мой крик.

— У тебя что, наконец-то свидание? — они переглянулись.

— В каком-то смысле, да... по скайпу. Так я толстая или нет?

— Нормальная.

— Андрей, у тебя всегда все «нормально». Але, ну а ты что скажешь?

— Повернись, — сказала дочь, — ну... если наряд для восседания на самоваре, то как раз то, что надо.

— Это вам не шутки! — у меня чуть не начался нервный срыв. — Здесь, может быть, судьбоносная встреча намечается, а вы тут смеяться над бедной мамашей задумали! Вот останусь одинокой, старой и вредной — будете тогда со мной возиться.

Угроза явно подействовала, и оба заторопились вслед за мной в спальню.

— Давай попробуем вот это черненькое платье, у меня, кстати, к нему есть хорошая бижутерия, — Але побежала к себе в комнату.

Через секунду я стояла обтянутая черным платьем, как гидрокостюмом для дайвинга, со всеми выпирающими складками, и увешанная серебряными побрякушками.

— О! К этим железным цепям у меня кое-что есть! Чувак будет просто в улете! Раздевайся! — Андрей испарился.

Еще через секунду из зеркала смотрела сорокалетняя рокерша в черной футболке, разукрашенной по центру мечами, ножами, звездами, стрелами, непонятными надписями и кулаком с оттопыренным средним пальцем.

На голове — черная кепка с надписью AC/DC.

— Еще бы наклеить татуировку, и глаз от тебя не отвести.

— Я сейчас тебе на одном месте татуировку поставлю!

Меня вдруг осенило:

— Я знаю, что мне надеть! — я вспомнила о недавно доставленном бирюзовом шелковом платье. — Где же оно тут висело?..

— Мяяяууу! — что-то замotanное в бирюзовый цвет вылетело из гардероба и помчалось прочь. Следом из шкафа спрыгнул Жорик и рысью бросился за платьем. Я с визгом «Вы как сюда залезли, негодяи?» понеслась за ящером. Сын и дочка побежали за мной.

В зале начались настоящие гонки: замотанным оказался Барсик — папаша остальных котов, Виспо и Кодино. «Детки» присоединились к Жорику и втроем понеслись за платьем. В какой-то момент все выскочили на балкон, Барсик прильнул к решетке и был настигнут преследователями. Когти всех троих яростно впились в нежный шелк, как в сливочное масло, и платье в один миг стало тряпкой на выброс.

Дикий крик обезьяны-ревуна пронзил всю квартиру — это кричала я. Все, включая сына и дочку, словно саранча, разлетелись кто куда.

Я схватила истерзанное платье и, все еще вопя, полетела обратно в спальню. Раскрыв широко гардероб, я вывалила на двухспальную кровать все его содержимое. Времени до встречи оставалось все меньше и меньше.

Я истерично ковырялась в набросанной горе одежды, подбирая к ней аксессуары, разбросанные там же, на кровати — кулоны, цепи, серьги, кольца, броши лились не пойми откуда нескончаемой струей, в ход пошла даже пара каких-то шляпок, а заодно шелковые шарфики и платки-фулары.

Я бесконечно раздевалась и одевалась, безнадежно крутилась, спрашивала у ребят, как я выгляжу, рассматривала себя со всех ракурсов в зеркальные длинные дверцы икеевских шкафов и бегала, как одержимая, по всей квартире, выискивая новые возможности посмотреться, корчила рожицы в ванной, смотрелась в стеклянные двери балконов и даже заглядывала в аквариумы (а их у меня было пять!), ища в прозрачной воде свое отражение.

Все было тщетно — я себе не нравилась!

Устав, я на мгновение остановилась — из зеркала смотрела пестрая новогодняя елка, ярко разряженная во все тона и цвета. Руки по локоть усеяны сверкающими браслетами, на каждом пальце — по паре колец. Шея чуть ли не сгибалась под увесистыми цепями вперемешку с шелковыми платками.

Увидев это чудо в перьях, я рухнула на заваленную вещами кровать и начала истерично смеяться — и когда же я успела закупить столько барахла?

Внезапно меня пробила мысль:

«Барахло не нужно — будь собой, в этом и есть твоя особенность».

От этой мысли мне почему-то стало легко. Я, к своему удивлению, успокоилась, и, что самое странное, — согласилась. Единственное, что меня беспокоило, это въевшиеся круги под глазами.

— А надену-ка я очки от солнца, — вслух сказала я сама себе и мысленно продолжила: «...и, кстати, не только круги, но и щеки ими прикрою».

Скайп зазвонил, и сердце забило. Я нажала на кнопку.

Тут же появился улыбающийся новозеландец:

— Хай Мария, хау а ю?

Он проговорил классическое приветствие, при этом лицо его не вытянулось и глаза не округлились, мужчина продолжал пленять меня ярко выраженными ямочками на щеках. Такое начало меня приободрило.

— Хай Тодд, хау а ю? — как попугай, повторила я.

— У меня все в порядке, спасибо. Ты там загораешь, что ли? Какие красивые очки, они тебе идут.

— Да... здесь солнце бьет в глаза, — с трудом вспоминая слова, я решила пошутить, и, чтобы лучше объясниться, начала жестикулировать.

Рабочий кабинет действительно был хорошо освещен многочисленными неоновыми лампами, которые необходимы при работе модельера-конструктора.

— Ха-ха, так может, ты просто вампир и скрываешься от света? — засмеялся Тодд и тут же сделал испуганную гримасу, жалобно сведя кустистые брови. — Только не кусай меня!

Я весело зацокала зубами и замахала руками:

— Вампир? Ха-ха. Может быть.

Тодду явно понравилось мое кривляние и оскаленные зубки, и мы оба засмеялись.

Начало знакомству было положено в очень даже приятной атмосфере. Я почувствовала, как напряжение уходит, и смогла наконец-то расслабиться. Фотография не вралась — Тодд оказался действительно привлекательным мужчиной, и даже вздернутый нос его не портил.

— Это твой офис? — продолжил мужчина. — Как у тебя там интересно... Сколько разных вещей, фотографий, выкроек и одежды. А это что за милый котик?

Сзади меня на стене действительно висели многочисленные лекала, фотографии одежды разных эпох, прототипы новых коллекций и рисунок с чудным котом, который нарисовала мне в подарок дочка.

— Да, это место, где я работаю. А это рисунок моей дочери. Мне он тоже очень нравится.

— Она хорошо рисует, а я люблю котов, собак и всякую живность. Сколько ей лет?

— Дочке девять... восемнадцать, а сыну семнадцать, — я запуталась в английских цифрах. — И еще у меня есть три кота, и рыбки, и такой большой... — я расправила руки и сделала страшную гримасу в поисках описа-

ния Жорика, потом надула щеки и раскрыла рот.

— Это что за monster у тебя там живет? — Тодд наигранно вытаращил глаза и опять свел брови. — Прямо настоящий «Jurassic park» («Парк Юрского периода») какой-то.

— Да, да, «Jurassic park»! — обрадовалась я хорошей находке для объяснения, кто такой Жорик. — Он такой, такой... как динозавр, только маленький, ест мух и... — «тараканов», подумала я, но решила не упоминать об усатых насекомых, которых Милка специально разводила для своего любимца, — и... любит фрукты, а особенно бананы. Это зверь моей подруги, она много путешествует и оставляет его у нас.

— Я понял, — засмеялся Тодд. — Это, наверное, lizard, сейчас вышлю тебе перевод.

— Да, да, lizard, — это ящер желто-коричневого цвета.

— У меня не было ящериц никогда, но, думаю, интересно иметь такого питомца. Кстати, я тоже люблю рыбок, у меня большой морской аквариум.

— Вау! Я так люблю морских рыб, но за ними трудно ухаживать... А сколько лет твоей дочке?

— Моей пятнадцать, кстати, вы с ней чем-то похожи. Она у меня красавица.

Я на мгновение засмузилась.

— А ты где сидишь?

— В отличие от тебя, я уже почти лежу, ха-ха, в постели. Это моя спальня.

Он встал и прошелся по комнате. Она была на удивление большой, с огромной кроватью, отдельной просторной гардеробной и ванной с туалетом. Широкие, во всю стену, окна были завешены плотными шторами.

— Здесь выход на шикарную террасу, но сейчас уже темно и ничего не видно, — сказал Тодд, указывая в сторону окон. — Я тебе утром покажу, какой здесь великолепный вид на море.

От услышанного внутри все приятно защеколало — он явно намеревался продолжать знакомство!

- С удовольствием, будет очень интересно посмотреть.
- Договорились. Можно теперь на тебя без очков посмотреть? Зачем прятать такие очаровательные глазки?

Выкручиваться было невозможно, и я, к своему удивлению, просто сказала:

- Я много работаю и мало сплю, поэтому у меня круги под глазами. Мне стыдно.

Тодд нежно улыбнулся — весь его вид выражал сочувствие.

- Тебе не стоит переживать, никакие круги не смогут заменить душу человека, а это для меня важнее.

Я покорно, но медленно стянула очки и в упор посмотрела прямо в камеру.

- Какой очаровательный взгляд и какие красивые глаза. Thank you, Мария.

Я почувствовала, как стрела Амура резко пронзила мое сердце: «Боже мой, какой мужчина! Понимающий, ласковый и душевный!»

- На сегодня не буду больше тебя отвлекать, твое время очень ценно. Хочу обязательно увидеться завтра утром. Хотя у тебя будет сегодняшняя вечер.

— Да, конечно, я согласна. Спасибо за приятную беседу.

— Это тебе, Мария, спасибо. Хорошего дня.

— Спокойной ночи, Тодд.

Скайп отключился, и я, счастливая, рухнула на стол с раскинутыми, как крылья, руками.

«Неужели я нашла достойного мужчину?! Это все медитация! Благодарю тебя, Земля! Хочу парить, порхать, летать, как птица!»

Я подскочила и закружилась, напевая «ля-ля-ля» — веселый мотивчик, прямо как в детстве, и подумала: «Даже совсем и не нужно мне было это бирюзовое платье, пойду-ка дам вкусняшек моим усатым и когтястым».

Глава VII

Три ложки хлопьев

День промчался мимолетно, и наступил момент второй встречи. Я сидела все там же — в мастерской, но уже без очков, с густым слоем крем-пудры под глазами. Правда, мне казалось, косметика так и не смогла скрыть заставляющие меня стесняться круги, хоть килограммами ее наноси.

Скайп зазвонил. На экране появилось в ярком солнечном свете улыбающееся лицо Тодда. Он, по всей видимости, стоял на той самой террасе, о которой говорил в предыдущий вечер. На нем была элегантная светло-розовая рубашка, галстук и костюмный жилет.

Мы поздоровались. Тодд, в отличие от меня, выглядел отдохнувшим и возмутительно бодрым.

— Смотри, какой сегодня великолепный день.

Он повернул монитор в сторону потрясающего морского пейзажа. По голубому, в солнечных лучах, небу с писком летали чайки. Они то взвивались, набирая высоту, то стремительно возвращались вниз, к лазурной воде.

— Beautiful! — не удержавшись, воскликнула я с восхищением.

— Да, здесь очень красиво... — романтично произнес Тодд и продолжил нормальным голосом. — Мне пора собираться в офис, сегодня много дел. Есть ли у тебя еще минут двадцать поговорить со мной, пока я буду завтракать?

Времени, конечно же, не было — я сильно устала и хотела спать, а еще предстояло закончить заказы. Но как можно было отказать такому чудному джентльмену?

— Yes, of course, — заулыбалась я.

Тодд вышел из спальни и направился в непонятном направлении. Он долго шел по дому и рассказывал о помещениях, мимо которых проходил, затем спустился по лестнице и наконец-то оказался на кухне. Послышалось звонкое тьяканье, и мой новый знакомый направил камеру на маленького

рыженького пса.

— Познакомься, это Зевс, а вот там моя красавица Гера.

Недалеко, развалившись на полу, с поднятой лапой сидела белая с разноцветными пятнами кошка и старательно занималась утренним туалетом.

— Я взял ее в приюте для брошенных животных.

«Боже мой! Какое же у него доброе сердце», — Тодд явно завоевывал меня со скоростью света.

Я поприветствовала питомцев, и новозеландец принялся за приготовление завтрака, болтая о том и о сем.

Первым делом он бережно, почти по-женски, накрыл на стол и аккуратно, красиво расставил приборы на одинаковом расстоянии друг от друга. Затем насыпал в маленькую тарелку кукурузные хлопья и залил их молоком.

— Очень полезно для здоровья употреблять с утра натуральные хлопья без сахара с обезжиренным молоком. А ты что ешь на завтрак? — спросил Тодд.

Этот простой вопрос вывел меня из ошолобенения, в котором я находилась от увиденного, и поверг в смущение.

Я уже несколько лет была вегетарианкой, но плюшками, булками и жирными молочными продуктами побаловаться я любила. Обычно утром я выпивала две чашки кофе с молоком, причем дочка называла мою любимую кружку лоханкой, и съедала пару любимых итальянских булок с кремом.

Надо было что-то срочно отвечать.

— Кхх, кхх... I like cappuccino and I like some fruit, — облегчив завтрак, я заменила булки на фрукты.

— Я тоже обязательно ем один фрукт.

К этому моменту Тодд доел свои три ложки хлопьев и стал очищать яблоко от кожуры, разрезая его на небольшие кусочки, которые он аккуратно клал в рот и спокойно, медленно разжевывал. Завтрак закончился чашкой чая без сахара.

Мягко говоря, я была в некотором шоке от увиденного. Нет, не легкий завтрак меня смутил, а сам процесс его приготовления и этакое изящное его поедание.

Пока я наблюдала за необычной сценой, перед моими глазами вставали большие итальянские закрытые «панино», густо напичканные разными сырами, колбасами и овощами. Дело было в том, что я привыкла к совершенно другому типу мужчин — любителям не поест, а скажем, с аппетитом пожрать, которые запихивали в себя огромные куски бутербродов и, чуть ли не брызгая слюной, смачно их жевали — я была озадачена:

«Хмм... какой необычный мужчина... пришло время менять завтрак...»

Проснувшись утром, я вошла на кухню и грустно посмотрела на свою кружку. Любимая лоханка с изображением улыбающейся сисястой коровы, похожая на пузатый глиняный горшок, ожидала утреннюю порцию «safelatte» и воплощала в своей обильной емкости все те глубокие и обширные чувства, которые испытывал ко мне мой бывший второй муж в момент преподнесения этого подарка.

— Прости... — тихо сказала я и убрала чашку на самую верхнюю полку кухонного гарнитура, заслонив ее другой посудой.

Я решила, что завтракать буду, как Тодд. Хлопьев в доме

не оказалось, зато были сладкие фаршированные кремом подушечки, которые любили мои сын и дочка. «На первый день сойдет. Сегодня же поеду в Био-шоп и куплю себе все, что надо».

По возвращении с фабрики я выкроила двадцать минут и заглянула в магазин натуральных продуктов, куда мы с моим вторым мужем Риккардо часто ездили в начале нашего совместного вегетарианства.

— Buongiorno! Где у вас тут хлопья?

Длинный, с лошадиной гривой, и худой, как палка, продавец оголил кривые зубы:

— Добрый день! Вот сюда, пожалуйста, — парень засеменил между обильно заполненными полками, его белая туника развевалась, как простыня на веревке, и мне вспомнилось лучшее в мире привидение с мотором. — Вот хлопья ржаные, а это овсяные, а еще кукурузные... а вот хлопья из зеленой гречки... а...

— Спасибо, спасибо, я сейчас сама все посмотрю, — я оборвала услужливого продавца, но тут же об этом пожалела.

«Вот только этой карги здесь еще не хватало...» — в дверях появился знакомый силуэт пожилой, низкого роста, женщины, и белая туника молниеносно улетела к прилавку. Я отвернулась к полкам, стараясь быть незамеченной, и усердно сконцентрировалась на выборе хлопьев.

— Простите, не могли бы вы мне помочь достать коробку с мюслями, — за спиной раздался режущий уши и все внутренности голос моей бывшей первой свекрови.

«О, боже, приплыли... вот она — причина моего первого развода!» — я развернулась, пришлось улыбнуться.

— Чао, синьора Марта! — я так и не привыкла называть ее просто по имени.

Свекровь замешкалась, но быстро пришла в себя.

— О... чао... тебя не узнать.

«Вот зараза, и секунды не прошло, а уже язвит и играет на нервах... Не узнать! Попахала бы, как я, все эти годы, посмотрела бы я на тебя! Изба-

лованная домохозяйка!»

— Так же, как и вашего сынка, — парировала я.

— Я не понимаю откуда у него растет живот... Ведь ужинает он у нас.

«Да... на ваших харчах и ноги протянешь...» — я вспомнила, как в начале замужества, после «сытного» обеда, мы делали вылазки в знаменитые ночные кондитерские за «paste di notte» — ночными пирожными.

— Я ему всегда говорю: «Алессандро, не ешь все эти гадости вне дома». Я ведь покупаю ему натуральные продукты и готовлю, чтобы он вез к себе домой, — продолжала толковать о своем почти сорокапятилетнем дитяте озабоченная мамаша.

«Фу... попу еще подотри «малышу» своему».

В этот момент раскрылась дверь, и на пороге появился «малыш».

Увидев меня, он, как и мамаша, замешкался:

— О... какие люди, привет. Завтра заеду к детям. Мама, ну ты скоро?

— Да, да, я уже иду платить. Внукам передавай привет, — кинула све-
кровь и затрусил к кассе.

— Пора готовиться к экзаменам. Ребята занимаются?

«Ты посмотри, какой заботливый папаша...» — съязвила я, но вслух от-
ветила нормальным голосом:

— Думаю, надо поднажать... ты же знаешь — все из-под палки.

— Хорошо, завтра приеду и поговорим. А ты прямо цветешь, что слу-
чилось? Вышла замуж, ха-ха, в третий раз?

— Пока еще нет, но скоро выйду, брошу все и уеду...

— И пожалуйста, как можно подальше! Ха-ха-ха! На какие-нибудь да-
лекие острова! Ха-ха-ха! До завтра, лягушка-путешественница, пока, ха-ха-
ха! — шутник давно мечтал от меня избавиться и периодически мне об этом
напоминал.

«Смейся, смейся... вот как перееду в Новую Зеландию, будешь потом
здесь один смеяться... и локотки кусать!»

Я подошла к кассе и увидела разложенную на прилавке натуральную
косметику. Мой взгляд сразу упал на тональный крем-пудру. «Может, нату-

ральная лучше, чем все эти химикаты?» — подумала я, и не успела раскрыть рот, как тощий продавец вылил в мои уши всю подноготную этого крема: как, из чего, где, когда, почему и все остальное. Заверив, что эта волшебная пудра замажет даже синяк от ушиба, он всучил мне чудотворную коробку и несколько видов хлопьев, после чего я довольная поехала восвояси.

Глава VIII

Сказка

Итак, слава Интернету, я очутилась в новом романтическом приключении, которое с каждым днем открывало для меня новые грани и будоражило во мне Женщину.

Несмотря на сильную загруженность, я уделяла время для общения с новозеландцем и с нетерпением ждала его звонков два раза в день — утром за завтраком и вечером перед сном.

Каким-то чудом мы друг друга понимали и могли общаться на разные темы, даже непростые. На помощь моему скудному английскому приходили чат и гугл-переводчик, разные картинки, а также язык жестов.

Тодд оказался серьезным, вежливым, заботливым и умным, хотя порой немного импульсивным. Помимо этого, он любил шутить и часто доводил меня до слез от смеха.

Его интересовало все: кто я, где родилась, как попала в Италию, что люблю, чем занимаюсь в свободное время, хобби, работа, дети и — чего я ожидаю от новых отношений.

— Чего ты ожидаешь от мужчины? — как-то он спросил меня.

Чего я, собственно, ждала? Ничего необычного — честности, уважения и любви.

Тодд посмотрел с пониманием.

— Я тоже. Никакие блага и богатства не заменят честные отношения, не заменят твою soulmate (родственную душу), — его нежный взгляд пронзал меня насквозь.

Обычно видеотрансляции начинались с показа твякающего Зевса и кошки Геры, затем, если это было утро, он начинал готовить мини-завтрак, а вечером, расхаживая по вилле, рассказывал о прошедшем дне и показывал мне свое жилище, которое иначе как дворцом было не назвать.

Как-то раз, зайдя в комнату для отдыха, похожую на настоящий кинотеатр, с мягкими креслами и диванами и огромным, на всю стену, экраном,

он заботливо заметил, что женщине нельзя работать в таком режиме, женщине нужен отдых и покой. И мне, такой красивой, умной и, главное, Особенной, необходимо больше думать о себе.

— Ты очень мало спишь, и это может отразиться на твоём здоровье. А вот круги под глазами — это от вегетарианского питания, — с наставлением сказал он.

«Чёрт! Вот же тощая зараза, одним словом — козё... — я вспомнила на мгновение о медитации и о любви ко всему живому, — одним словом — мужик! Ушибы у него эта пудра замажет! Ну, я тебя, гада, найду и моторчик твой откручу!» — я разозлилась на привидение в белом.

Словно спелый помидор, я залилась краской и попыталась что-то высказать в защиту кругов, но Тодд настаивал:

— Я все об этом знаю. Моя бывшая жена была вегетарианкой, и у нее такие же круги...

Наставник хотел еще что-то добавить, но, увидев мое смущение, замаха руками и быстро начал оправдываться:

— Но тебя никакие круги не испортят, ты просто красавица! Я говорю о здоровье, а не о красоте. Послушай, обязательно купи в аптеке рыбий жир и употребляй его два раза в день. Я бы сам тебе его купил, если был бы рядом... но знай, — он грозно погрозил пальцем, — я буду тебя контролировать каждый день, — и мягче добавил:

— Вот увидишь, через две недели от кругов не останется и следа, обещаю! И вообще, о чем мы здесь говорим? Главное, что ты — Особенная женщина, и я это чувствую, — закончил Тодд, делая ударение на слове особенная.

От услышанного я внутренне засияла и почему-то подумала, что он прав — я действительно Особенная женщина, и он в этом убедится, я-то уж обязательно постараюсь! И как же не постараться для такого мужчины? Ведь он такой внимательный и заботливый! Речь шла всего лишь о каком-то рыбьем жире, но как было приятно!..

«...И как в такого не влюбиться?..»

В один из этих прекрасных дней, уже довольно поздно, в скайпе раздался звонок.

— Хелло, май френд! Ну как вы там и как мой бейби? — Милкина физиономия, расплываясь в счастливой улыбке, ярко светилась под лучами солнца на голубом фоне огромного бассейна.

— Привет! Здесь все отлично, с Жориком все в порядке, вот только твои тараканы закончились, надо ехать за новыми в зоомагазин. Ты там где?

— Ты его, наверное, слишком балуешь и часто кормишь. Как же я ску чаю по своему динозаврику, — сказала Милка, жалостливо сведя бровки и печально оттопырив нижнюю губку.

— Я все еще здесь, в гостях у Ричарда Брэнсона, — уже через пару секунд совершенно веселая продолжала путешественница. — Ты просто не представляешь, как здесь здорово и интересно! — Милка с бульканьем втянула через трубочку розовую жидкость из коктейльного бокала, украшенного дольками фруктов. — Вот у кого надо учиться предпринимательству! А не сидеть и ныть по поводу налогов и трудностей в мелком бизнесе. Ричард так интересно и захватывающе рассказывает о своем успехе и проделанном пути, что невозможно оторваться от его повествований! Если бы не мой любимый и не жена Ричарда, я бы точно в него влюбилась! Срочно купи все его книги и начинай читать с «К черту все! Берись и делай!»

«Боже мой! Какие книги?! К какому еще черту все? И когда мне что-то читать? И вообще, что это еще за Бренсон, от которого эта пройдоха Милка чуть ли не писает в трусы?» — я тупо смотрела, не зная, что ей ответить.

— Ну давай уже, не томи! Рассказывай, что у тебя там с новозеландцем? — быстро перейдя на любимую тему о мужиках, Милка удобно устроилась на лежаке и вновь потянула из трубочки.

— Ой... даже не знаю, с чего начать... — я расцвела, как майская роза, и приняла загадочно-романтичный вид.

— Начинай с главного — когда вы увидите? — выпалила Милка.

— Нет, об этом мы еще не говорили, но он знает, что мой отпуск в августе.

— Как это не говорили? Вам что, пятнадцать лет? Сколько можно лясы по скайпу точить? Тебе надо срочно хватать быка за рога и ковать железо, пока горячо!

— Ну не знаю... что уж тут торопить? Он сам все знает... он такой... такой умный, серьезный, веселый, ответственный, заботливый, звонит мне по два раза на дню, всем интересуется, проявляет внимание ко всем мелочам... он просто лапа!

— Хи-хи, кто-то, кажется, влюбился, ха-ха, ну наконец-то, хоть не в избалованного мамашей итальянца. А чем он занимается и как у него с деньгами?

— Ну ты же знаешь, что для меня не это главное! — я начала возмущаться.

— Да, да, конечно, с милым рай и в шалаше. Ты уже все шалаша облазила, неужели еще не надоело?

«Хороший вопрос... конечно, надоело, — взгрустнув, я почесала за ухом. — И она права... но как можно выбирать и влюбляться только лишь из-за денег? Хотя... как же мне хочется перестать пахать как лошадь, и чтобы хоть кто-то позаботился обо мне и взял на себя финансовую ответственность».

Не услышав мой ответ, приставала продолжала:

— Ну дом-то ты его хоть видела по скайпу?

Я оживилась:

— Ты не представляешь! По этой вилле можно гулять часами, и в этом трехэтажном дворце есть все! Спальни с собственными ванными, гостиные с шикарной мебелью, две кухни, библиотека, кинотеатр, сауна и даже прачечная! Ты представляешь, как это удобно?!

— Я в шоке. В доме сауна, а она в восхищении от прачечной. Горбатого могила не исправит! Ты опять не туда мозги направляешь! Ты что, собралась стирать всю жизнь, или может все-таки лучше отдыхать и в баньке париться?

— И не только в баньке, — понизив голос и убавив энтузиазм от оче-

редной взбучки Милки, продолжала я. — У него еще есть бассейн и огромная цветущая лужайка.

— Вот, вот! Из баньки сразу в прохладненький бассейн — вот это жизнь!

— А еще там огромный гараж с тремя машинами, одна из них коллекционная, он мне ее показывал.

— Да ты что? Какая марка? У моего любимого их две.

— Милка, ты же знаешь, что в марках я не разбираюсь.

— А надо уже начинать интересоваться и разбираться. Такого мужчину встретила! Ты больше не можешь быть серой забитой мышкой. Пора выходить на другой уровень!

«А ведь Милка, наверное, права, — размышляла я после нашего разговора. — У Тодда другая жизнь и совершенно другой уровень, неужели такое бывает, и он мог всерьез заинтересоваться мной? Неужели все это правда? Я живу как в сказке и даже не верю в собственное счастье... А может, я сплю и скоро проснусь? — от этой мысли меня охватил ужас. — Нет! Нет, только не это! Мне страшно даже об этом думать!»

Глава IX

Сюрприз

В одно чудесное воскресенье, войдя в скайп, я тут же прочитала: «Очень хочется с тобой поговорить, жду с нетерпением, когда ты появишься!»

Через минуту Тодд смотрел на меня с экрана каким-то нежным и ласковым взглядом.

— Знаешь, сегодня был длинный день, — начал он. — Обычно воскресенье я провожу с дочерью, но сегодня она была в школьной поездке. Сначала я валялся, читал, смотрел телевизор — было скучно и грустно. Тогда мы с Зевсом пошли на прогулку на берег моря. Я долго шел и думал... Я думал, как мне сильно хочется, чтобы ты шла рядом... Ты знаешь, здесь недалеко есть пляж из черного вулканического песка. Я люблю смотреть, как он сверкает и переливается на солнце, и поэтому часто хожу туда гулять... Мимо проходили счастливые пары, они держались за руки и нежно смотрели друг на друга. Я наблюдал за ними и особенно остро ощутил свое одиночество... — Тодд в раздумье на мгновение замолчал. — Море было спокойное, и едва слышался шум волн... Мне так захотелось внимания и ласки... Я подумал о тебе, о нас, и желание держать тебя за руку и вместе гулять по пляжу нарастало с невероятной силой.

Лицо его выражало столько нежности и чувств, что глаза мои наполнились слезами.

— А потом я представил, — продолжал он, — как было бы здорово очутиться вдвоем на необитаемом острове и окунуться в незабываемое приключение среди дикой природы с экзотическими растениями, с песчаным пляжем, прозрачным океаном, голубым безоблачным небом и... — он принял романтично-задумчивый вид, от которого мое сердце забилося, как будто мне было шестнадцать. Я уже приготовилась услышать что-то сексуально возбуждающее, от чего бы захотелось прыгнуть в первый самолет до Новой Зеландии и воплотить любые фантазии этого опьяняющего меня мужчи-

НЫ.

— ...И... и... с аборигенами-каннибалами, — смеясь, закончил он.

Я взорвалась от смеха.

— Жесть! Вот уж точно незабываемое романтическое приключение. Представляю, как я бегаю, визжа, по острову, — ответила я на неожиданную шутку.

— А я, пожалуй, с удовольствием присоединился бы к каннибалам и отведал кусочек тебя... ням-ням, — притворно оскалившись, зацокал зубами и задержал руками неугомный шутник.

— Бедняжка, ты мной подавишься или, скорее, отравишься — ведь я, как кубомедуза, могу быть очень даже ядовитой...

— Не может быть! Уверен, что ты сладкая, как сочный персик или наш новозеландский киви, и вкусная, как пироженка с кремом или сладкая булочка, — он ласково улыбнулся. — И я бы с удовольствием полакомился таким пирожком.

«О Господи! Пироженка, булочка, пирожок... а так все хорошо началось! Это он точно про мою фигуру! Ну как же мне быстрее похудеть?! Пусть лучше балуется сочным персиком или сладким киви, чем объедается сдобной булкой и пирогом!»

Я смутилась, но, по счастью, он не понял моих мыслей и весело продолжал:

— И пока мы будем бегать и прятаться от каннибалов, мы... — интригуяще протянул он.

— Найдем там клад, — выпалила я, не желая возвращаться к разговору о сдобе.

— О! Это уже пахнет «Островом сокровищ» — ха-ха, теперь нам не хватает только пиратов!

— Точно! Все закончится тем, что каннибалы сожрут пиратов, а мы увезем сундук с драгоценностями!

Мы продолжали еще долго фантазировать, шутить и смеяться — с ним было так легко и интересно!

Вволю надурочившись приключениями на необитаемом острове, Тодд вновь принял серьезное выражение и сказал:

— Мы обязательно побываем когда-нибудь на необитаемом острове и, надеюсь, он будет без каннибалов и пиратов, но для начала я хочу, чтобы ты увидела пляж из черного песка. Я уверен, что тебе здесь понравится, ты сможешь хорошо выспаться и отдохнуть. Здесь очень спокойно и уютно. Невозможно не влюбиться в это место.

Я слушала и не могла поверить своим ушам. Мое желание шло само собой в руки, безо всяких усилий с моей стороны! Он говорил так трогательно и с таким чувством, что я ощутила, как в мою душу вошло что-то теплое и нежное. Сердце учащенно забилося, а он продолжал:

— Я вижу нас обоих, идущих по берегу, радостных и веселых. Черный песок переливается и блестит под лучами яркого слепящего солнца. Мы гуляем и наслаждаемся целый день. А вечером я веду тебя в хороший ресторан и ухаживаю за тобой весь вечер. А потом наступает долгая, сладостная ночь... Мария, я хочу, чтобы ты приехала провести свой отпуск в Новую Зеландию — ко мне.

Еще секунду, и мое сердце выскочило бы от радости! Невероятно, но чудо происходи-

ло на самом деле! Так быстро и так просто Закон Притяжения вел меня к цели! Я тут же внутренне поблагодарила Матушку-Землю, и мне захотелось закричать: «Да, я же ведь как раз об этом и мечтаю!» — но, овладев нахлынувшими эмоциями, я просто радостно произнесла:

— Тодд, какой сюрприз! Какое удивительное приглашение, я очень рада, и благодарю тебя. Конечно же, я хочу к тебе прилететь и увидеть Новую Зеландию. И я хочу, очень сильно хочу гулять с тобой по пляжу из черного песка, я хочу видеть, как он переливается на солнце, я хочу, чтобы ты ухаживал за мной в ресторане и я хочу... чтобы настала долгая, сладостная ночь.

Лицо моего поклонника сияло от счастья:

— Отлично! Ты говорила, что твой отпуск в августе? В этом месяце у меня будет пара поездок по бизнесу, но я что-нибудь придумаю. Возможно, мы даже сможем вместе слетать куда-нибудь, например, ха-ха... на необитаемый остров в гости к каннибалам, — он засмеялся. — Кроме шуток, я должен буду лететь в Австралию, а потом в Китай.

Я чуть не подпрыгнула на стуле, счастьем моему не было предела, и я не удержалась:

— Правда? Ты сможешь взять меня с собой?!

— А кто мне в этом помешает? — увидев мое возбуждение и радость, он опять засмеялся.

Происходило что-то невероятное! Желание путешествовать со скоростью света подходило к своей реализации, безо всякого труда с моей стороны и затрат! В это трудно было поверить. Договорившись, что он сам подумает о моем билете, как только вернется из бизнес-поездки, в которую он собирался на днях, мы с ним распрощались.

Настроение в следующие дни было просто удивительное. Я излучала радость и была самой добротой. Хотелось делать всем что-то приятное, и окрыленное состояние не покидало меня ни на секунду. Было достаточно времени на организацию отпуска и, самое главное, на улучшение моей фигуры, которая не давала мне покоя ни днем, ни ночью, особенно после

разговора о пирожках и булочках.

Я была счастлива вдвойне. Помимо удивительного путешествия казалось, что я нашла действительно достойного моей любви мужчину: «Вот он! Настоящий мужчина и джентльмен, который сделает меня счастливой!» — я в этом больше не сомневалась.

Глава X

Вздёрнутый нос

Через несколько дней Тодд улетел по делам на неделю в Сингапур. Прислав по прибытии короткое сообщение, он пропал. Прошло четыре дня, и я не знала, что мне думать. Хорошее настроение сменилось переживаниями и тоской. Черные картины заволакивали, как тучи, мой шальной мозг, стирая со скоростью света счастливую сказку, в которой я пребывала последнее время. И даже никакие уговоры Милки по поводу «не лезь в бутылку» и «будь ласковой, терпеливой и хитрой» не повлияли на меня.

Привычный образ мысли взял верх и не хотел слушать никаких оправданий. Из ангельского создания, в которое я превратилась благодаря удивительной медитации — счастливой, доброй и ласковой Маши, — выскочила нетерпеливая, злая, ревнивая, подозревающая, обиженная ведьма.

Я рвала и метала, полностью забыв о медитации и о состоянии любви ко всему человечеству, чьей частью являлся и мой обидчик. Злая как собака, со скоростью боевого быка на корриде, я летела в своем воображении на стервеца:

«Козел! Очередной Козел! Подлец!.. Ну а ты-то — раскатала губищи! Средних лет, богатый, симпатичный, сидит и ждет тебя?! Посмотри на себя! Идиотка! Да у него там целая очередь таких вот дур, как ты! И всем втирает одну и ту же байку! Вот же гад — как умеет завлекать красиво и правдиво — честность! Родная душа! Рыбий жир! Черный песок... Ручку держать... Долгая, сладостная ночь! — при воспоминании о ночи я почувствовала острую боль в груди, и все тело сжалось. От нового прилива обиды я в бешенстве опять закричала:

— Необитаемый остров! Пираты! Каннибалы! Так и сожрала бы этого гада живьем и поджаривать бы не стала! Ну бывают же такие дуры, летающие в облаках?.. Остров сокровищ! Спустись уже на землю, тетя! Лет-то тебе сколько? И когда ты только повзрослеешь и поумнеешь?! Побаловался му-

жик, поиграл, и надоело! Напиши подлецу какую-нибудь гадость, да и пошел он...»

Слезы текли, было обидно и больно. Импульсивно и не раздумывая, я села писать письмо:

«Тодд,

Твое молчание мне совсем непонятно, особенно после всех построенных планов насчет нашей встречи. Если это была шутка, то она отлично у тебя удалась. Только мне совсем не смешно. Я поверила в то, что ты честный, серьезный, порядочный джентльмен, а ты оказался просто жестоким шутком. Могу себе представить, сколько несчастных женщин ты разыграл, можешь записать и меня в свой черный список. Не считаю более нужным тратить время на общение с тобой.

Мария».

Весь день я нервно ждала ответ. Сомнения разрывали и мучили меня. Мой внутренний Ангел стонал и безнадежно пытался достучаться до беспощадной, озлобленной Ведьмы.

— А вдруг с ним что-нибудь случилось? Бедняжка... А может, он в больнице...

— Ага... в больнице, как же. Там что, нет Интернета? Хватит сопли распускать, жалеет этого уroda, козел он самый настоящий!

— А может, зря я резко так? Ну, всякое могло произойти. А может, он нуждается во мне? Он ведь казался таким заботливым, таким порядочным.

— Вот именно — казался! А ты уже совсем с приветом? Давай — покайся! Напиши уроду ласковое письмецо и пусть теперь поржет, козлиная, от души! Да не будь же ты дурной, как валенок, открой глаза — другую он уже нашел!

— А может, вот как раз и надо написать и объяснить, пока не поздно. Ведь такого мужчину обидеть, и явно ни за что!

— Ну и дура! Ничего — не растает. Зато будет знать, как нужно с жен-

щинами обращаться и сколько внимания уделять! В следующий раз подумает хорошенько, прежде чем пропасть на столько дней. Никуда не денется — приползет, и пусть упрашивает теперь!

Ведьма ехидно потирала ручки, Ангел с грустью молился. Внутренний конфликт в конце концов меня совсем измучил, и только я хотела написать еще одно письмо, как наконец-то увидела долгожданный ответ. С похолодевшими руками и с выступившей испариной на лбу я начала читать:

«Мария,

Я не могу передать, насколько я разочарован, прочитав твоё послание, и нет слов, чтобы высказать, насколько я шокирован твоим беспочвенным обвинением. После прочитанного у меня даже нет ни малейшего желания объяснять причины, по которым я не писал тебе последние дни, и нет желания оправдываться или комментировать те глупости, которые ты написала обо мне. Я разочарован. Ты показалась мне той женщиной, которую я искал — интересной, умной, предприимчивой, а самое главное, Особенной, той самой, которая отличается от всех других. Как я мог так ошибиться!? Ты самая Обычная Истеричная женщина, как и все!

По возвращении из поездки я хотел сделать тебе сюрприз и выслать вот этот билет, который я купил для тебя и прикрепляю скриншот в этом письме. Можешь посмотреть, и я сегодня же от него откажусь.

Желаю удачи в твоём поиске счастья.

Тодд».

Сколько я просидела в окаменевшем состоя-

нии, прочитав это письмо, — я не знаю. Я не могла двинуть какой-либо частью тела и, как парализованная, лишь пялилась на билет в Новую Зеландию, который был воплощением моего волшебного желания. Я не понимала, как могла случиться такая ужасная развязка в такой удивительной истории.

Ангел сжался от боли, Ведьма — молчала.

Я сидела и думала, что вот так я порчу любые отношения всю свою жизнь. Ведь он прав — истеричная, не умеющая себя контролировать, не имеющая терпения, вечно с претензиями, обидами и ревностью.

«Как? Как я могу измениться?»

Я увидела, насколько удачно и быстро смогла притянуть желаемую ситуацию, и как мгновенно и легко смогла все разрушить.

Признав свою ошибку, я поняла, что нужно срочно действовать. Мне было жалко потерять такого мужчину, мне было жалко потерять возможность полететь в Новую Зеландию, но больше всего мне было жалко себя за его сравнение: «...Ты самая обычная истеричная женщина, как и все...» Было обидно за нас — женщин! Внутри что-то кричало, что это не так, я все равно Особенная, и я ему это докажу!

Написав письмо с объяснением своего поведения и попросив прощения, я попыталась выслать его, но не смогла. Мой адрес был заблокирован получателем. Я попыталась отправить письмо через сайт знакомств, но и там меня ждала неудача. В скайпе — то же самое. Возможности выйти с ним на связь не осталось.

«Вот он, вздернутый нос! — подумала я. — Знает себе цену и не хочет идти на компромиссы. Сдаться? Нет! Я ведь Особенная женщина, и я ему это докажу... Я придумаю что-то интересное и верну его!»

Глава XI

Богиня городов Земли

На следующий день была назначена рабочая встреча в главном офисе одной известной фирмы. Находился он в самом центре Флоренции. После вчерашних событий настроение было, мягко говоря, нерабочее, идти куда не хотелось, но что мне оставалось делать? Жизнь, пусть даже и без Тодда, продолжалась...

Мы корректировали первые образцы новой коллекции, дело затянулось. Выскочив из офиса, я обнаружила, что скоро начнет темнеть, но, несмотря на позднее время, решила немного прогуляться.

Повернув с набережной Lungarno Corsini, я пошла по самой модной, наполненной элитными магазинами виа Торнабуони...

Вот «Damiani» — ювелирный салон, затем бутик «Dior», справа «Salvatore Ferragamo»... Я остановилась. На манекене красовался знакомый кожаный мужской пиджак.

«Ну что, «Манька-петельщица»? — так называл меня мой первый партнер по швейному бизнесу и, к несчастью, сожитель. — Мечты сбываются, и одежда, сделанная «петельщицей», продается в таких вот магазинах. Хммм... теперь даже трудно поверить, как все начиналось. Интересно, как же это жуткое чмо закончило свою карьеру «стилиста-дизайнера?»»

Я двинулась дальше. Шикарные магазины сменяли друг друга: «Дольче и Габбана» — вот с кем было интересно работать, «Burberry» — ох уж эти щепетильные англичане, к миллиметру придираются, а чертить все приходится в дюймах. «Фенди» — было дело... А это — «Прада», а вот и мой любимый, «Джорджо Армани», — я приостановилась, — чьи корректировки надо срочно доделать завтра. Следующий был «Gucci», на меня нашло воспоминание...

— Какая прелесть этот «Giubbino» и какая же ты молодец! Покупаю! —

так лет восемь назад верещала Милка, крутясь в изящной короткой куртке от Гуччи со сборкой вдоль молнии.

Что касается меня, то я к тому времени уже обабилась и больше не влезала в обтянутые вещи, мне оставалось только облизываться и с завистью смотреть на других.

Я глубоко вздохнула: «В один прекрасный день приду на эту улицу, до неузнаваемости стройная и красивая, и накуплю самых модных и изящных вещей!»

Размышляя о фигуре и одежде, я дошла до площади Антинори и вновь вспомнила про Милку — где-то здесь очень давно был бордель. «Тонкости» непристойной средневековой и последующих лет жизни Флоренции поведал нам очередной претендент на руку и сердце нашей путешественницы — настоящий разорившийся «conte» (граф).

Услышав о дворянском титуле, Милка страстно захотела влиться в голубую кровь и тоже стать графиней, ее не смог остановить даже опустевший кошелёк родовитого вельможи.

Conte давно утратил не только все имения и деньги, но и аристократическое воспитание с подобающими манерами и должным поведением. Он был настоящим «оторви и выбрось», любил гулять, играл на деньги и без устали болтал о своих знаменитых предках, которые, как оказалось, разбогатели в свое время на доходном бизнесе «красных фонарей».

Так однажды, пообещав интересную историческую экскурсию по Флоренции, дворянин окунул нас в средневековые страсти, и мы увидели все сохранившиеся здания, в которых находились злачные места древнего города.

Не успокоившись, граф долго рассказывал о древнем Риме и особенно Помпеях, где при раскопках было найдено аж двести публичных домов с неприличными рисунками и надписями на стенах. Античные любители «клубнички» умели развлекаться...

Экскурсия в сопровождении красноречивых рассказов, описывающих во всех подробностях древнюю сексуальную жизнь, потрясла воспитанную

лордом-дедушкой Милку настолько сильно, что она даже расхотела стать графиней и быстренько порвала с непристойным голубокровным ухажем...

Я вышла на виа дей Черретани и направилась к самой главной площади города — Пьяцца Дуомо. Справа показался известный книжный магазин, меня вдруг что-то подхватило и понесло во внутрь.

«Старая, закоренелая привычка...» — подумала я, оказавшись среди книжных полок. — «Я же так любила читать! Ах... вот только время!»

Я посмотрела по сторонам, взгляд упал на обложку с гипнотической улыбкой белобрысого мужчины, и книга тут же оказалась у меня в руках:

«К черту все! Берись и делай!» — я не поверила своим глазам. «Так вот он каков, Милкин обворожитель!» — я открыла книжку и ткнула пальцем в первую попавшуюся строчку:

«Бросая себе вызов, ты растешь. Меняется твоя жизнь. Взгляд на мир становится позитивнее. Достичь поставленных целей не всегда легко, но это не значит, что нужно сдаваться. Вместо этого скажи себе: «Я могу и я буду пытаться, пока не добьюсь победы».

Влетевший в голову абзац электрическим током пробежался по всему телу и вылился в ершистые мурашки. Вслед за ними в ушах прохрипел голос Магистра Йоды:

— Да пребудет с тобой Сила!

Окрыленная и уверенная, сама не понимая в чем, я воспрянула духом: «Вызов... вызов... А ведь этот дядька с обложки дело говорит... Ну и Милка — опять права! Как бы я сейчас хотела оказаться на ее месте на тех самых островах, в гостях у этого Брэнсона!» — на каких, правда, островах, я так и не вспомнила, зато меня осенило: «Это же опять знак Земли!»

Я пулей подлетела к кассе, оплатила волшебную книжку и, как бабочка, выпорхнула из магазина, направляясь к главному собору города — базилике Санта-Мария-дель-Фьоре.

Через несколько метров моему взору предстала величественная церковь с уникальным куполом Брунеллески и колокольной Джотто. Напротив

фасада собора — удивительный памятник архитектуры: восьмигранный Баптистерий святого Иоанна Крестителя со своими знаменитыми «Вратами Рая», который (где-то я читала) стоял на основании римского храма бога Марса.

Это была любовь с первого взгляда — увидев грандиозный комплекс достопримечательностей, я почувствовала страстное желание отдаться представшей сказке и связать всю оставшуюся жизнь с этим городом. Могущество, красота и чувство соприкосновения с самой историей вызвали во мне тогда сильное потрясение, рожденное ощущением чего-то потустороннего и совсем нереального. Вся эта гигантская масса представлялась огромным инопланетным космическим кораблем, спустившимся на центр города и готовым в любой момент взлететь обратно в небо. Я была эмоционально возбуждена и одновременно почти испугана.

«Как же давно это было! — я остановилась. — Интересно, какой была бы сейчас моя жизнь, если бы тогда она не развернулась ко мне своей задницей, и я бы все же стала, как хотела, гидом-переводчиком...

Я поплыла в воспоминаниях и почувствовала, как лирическое настроение коснулось меня своим вдохновением. По всему телу растеклась не только напророченная Йодой Сила, но и поток вдохновения от неудержимой Музы:

«Флоренция, Ты несравненная Жемчужина Европы! Богиня городов Земли!

Одно лишь Твое имя чего стоит! Дурманит, как Цветочный Рай, воображение, и пробуждает сказочные сны!

Тебя, Волшебница, ваяли Гении и непростые Мастера, в тебе, Красавица, они — достойные — остались живы навсегда!

Ты, как прелестная и непорочная девица, всегда свежа, чиста, наивна, молода и хороша собой! И ты, как зрелая тигрица, пылаешь страстью и огнем!

Ты элегантна, сексуальна — весь мир склонился пред тобой. Всех соблазняешь своим шармом и неподдельной красотой!

И, как мудрейшая, в летах, Царица, всегда с достоинством и теплотой, радушно всех гостей встречаешь, струящихся к тебе рекой.

Никто не сможет никогда сравниться с очарованием вековым, и будет бесконечно вдохновение литься под именем твоим...»

Вся площадь и близлежащие улицы, как ручьи, журчали от потока туристов, а трактиры и рестораны жужжали, как при разделении пчелиного роя, и в воздухе разлетался вкусный манящий запах поджаренного на углях «bistecca alla fiorentina» — флорентийского бифштекса.

Несмотря на вегетарианскую диету, этот щекочущий нос аромат заземлил мое возвышенно-творческое состояние, вызвав сосущую пустоту в желудке и обильное слюновыделение. После насыщенного дня я почувствовала, как мне жутко хотелось есть.

Сглотив слюну, и наплевав на трещавшие по швам джинсы, я решила быстро пробежать кратчайшим путем до знакомой булочной, находящейся в трех шагах от одной из самых старых башен средневековья, где в свое время жила Джемма Донати, будущая жена создателя «Божественной комедии» Данте Алигьери. Мне тоже посчастливилось пожить здесь несколько первых лет моего пребывания в Италии: в башне до сих пор жил мой первый муж.

Я двинулась в сторону колокольни и оказалась возле братства «Милосердие» («Misericordia») со стоящими каретами скорой помощи. Меня всегда восхищало и поражало население Флоренции — больше половины горожан, сменив средневековые длинные рясы и черные колпаки на современную одежду, занимались волонтерством, дружно продолжая благородное дело своих средневековых предков.

— Мария!

Мне навстречу шагал бывший первый свекор. Этот худощавый с залысиной и орлиным носом итальянец напоминал святого Франциска. Нет, не носом, и не тем, что посвятил всю свою жизнь милосердию, работая в администрации сообщества, а поразительным ангельским терпением. Чехов явно писал про него: «В семейной жизни главное — терпение... Любовь продолжаться долго не может».

Казалось, страдалец давно смирился с «волей Божьей» и, приняв обет молчания, покорно тащил на себе крест семейной жизни, полностью отдавшись во власть своей «всезнающей» мучительницы — чемпионки по искусству ворчания, осуждения и упреков, которая, словно новенькая бензопила без устали пилила всех и вся, начиная с собственного мужа. Терпеливый «мученик» был достоин ранга святых еще при жизни...

— О! Синьор Марино, добрый день. Соскучились по бывшей работе? Как отдыхается на пенсии? — я приветливо улыбнулась и тут же про себя добавила: «Бедный дед, не знает куда себя деть и куда сбежать из дома».

— Ну что же мне сидеть без дела? Я так не могу. Вот... помогаю братству. Ну, а ты как? Как работа? На днях приеду к внукам, помогу готовиться к экзаменам.

«Наш поппо (дед), хоть и подкаблучник, но все же неплохой мужик!..» — подумала я и хотела еще что-то спросить, но тут поппо посмотрел на часы и заметно занервничал:

— Пора бежать! Марта уже поставила кипятить воду для спагетти.

Он тут же распрощался и как будто ветром сдулся.

«Несчастный...» — подумала я, представляя, какая взбучка его ожидает, если вдруг он опоздает к ужину.

Посмотрев вслед исчезнувшему свекру, я продолжила свой путь за пиццей и повернула за угол. Проскочив небольшими улочками, я увидела в конце дороги знакомый силуэт квадратных очертаний, с поседевшими кудряшками и запущенной бородой, который быстро приближался на скутере.

«Ну конечно — и папаша, и сыночек мчатся на ужин к маме, прямо часы можно сверять», — желая скрыться, я заскочила на маленькую площадь, находящуюся справа, и направилась к стоящей на ней достопримечательности — самой старой башне города, Торрэ делла Пальяцца.

Эта жемчужина была построена то ли византийцами, то ли лангобардами на фундаменте древнеримских термальных ванн, а может, просто бассейна. Уникальность заключалась не только в преклонном возрасте «синьоры», но и в ее необычной круглой форме.

Я прикинулась туристкой и остановилась в созерцании красавицы.

— Чао, ты чего тут делаешь, на острова, ха-ха, еще не улетела? — за спиной вперемешку с ревом скутера раздался голос Алессандро, вернее, Шурика, — именно так мой папа окрестил первого мужа при их знакомстве...

— Алессандра... ооо, тьфу ты, ха-ха-ха, язык сломаешь, — засмеялся тот, наливая рюмку водки своему будущему непьющему зятю, — а давай-ка лучше по-русски — просто Шурик!.. Ну, поехали! Чтоб все до дна!

Пришлось повернуться — «Черт, ведь ты же к маме опоздаешь!» — подумала я и в голос добавила:

— Привет. Ой, как смешно... ха-ха, переезд на острова пока отменился... Вот, люблюсь достопримечательностями после работы, а вообще иду за пиццей.

— Хи-хи. Все еще мечтаешь стать гидом-переводчицей? Папуасам будешь рассказывать про историю Флоренции, ха-ха.

Я промолчала — что толку с дураками разговаривать?

— А ты, между прочим, здесь очень кстати, — продолжал Шурик. — Я Андрею игру для плейстейшн обещал, и никак не выберусь ее завезти, и завтра не получится — у меня ночное дежурство в Мизерикордии. Сейчас я, правда, опаздываю на ужин к маме, но давай заскочим ко мне, и ты ее заберешь.

«Двадцать лет прошло, а дитя так и не перестало в игрушки играть. Совсем не изменился...» — идти к нему не хотелось, но что не сделаешь для родного сына?

Я села на скутер. Через две секунды мы оказались на закрытой малюсенькой площади, где стояла знаменитая башня — давно же я здесь не бывала.

Башня, как и все остальные древние постройки, на протяжении веков изменялась: достраивалась, перестраивалась, увеличивалась, а потом укорачивалась так, что до нас она дошла высотой в три средневековых этажа, на каждом по одной квартире необычной планировки.

Узкая входная дверь отворилась, и нас тут же обдало сырой прохладой

с запахом многовековых, в некоторых местах оголенных стен. Даже тусклый свет, словно угасающая старость, дополнял антикварную атмосферу и напоминал своим мерцанием зажженные свечи.

— О боже! Да как же ты все эти годы каждый день поднимаешься и спускаешься по этим метровым ступеням? Как вспомню — так вздрогну, как я таскала по ним двоих маленьких детей, коляску, да еще и авоськи с продуктами! — я вступила на высокую узкую ступень длинной крутой лестницы и, глубоко вздохнув, приготовилась к «взятию Эвереста». Путь лежал аж на второй этаж, который порядком отличался от современных и мог приравняться как минимум к четвертому.

— Зато эти упражнения хорошо влияли на твою фигуру... — хихикнул провожатый.

«Урод!» — мои глаза грозно сверкнули, но «язва» пыхтел впереди и их не увидел.

— Интересно, почему же на твою фигуру эти упражнения не влияют? — хотелось хоть как-то отыграться, но не получилось.

— Хорошего человека должно быть больше, ха-ха-ха, и вообще, красив не тот, кто красив, а тот, кто нравится, ха-ха-ха... а я, между прочим, ха-ха... нравлюсь... — шутник повернул голову, крепко держась за перила, и весело закривлялся.

«Ага... нравишься, как же... — маме своей».

Поравнявшись с первой дверью, я вспомнила приветливую добрую соседку — милую старушечку с большими голубыми глазами и белыми как снег волосами. Мое сердце вдруг сжалось, и угрызения совести засверлили, как дрель. Бабушка, услышав шум на лестнице, выглядывала из-за двери, пытаясь пообщаться, а я все бежала и бежала... то на работу — в свой видеопрокат, то с детьми, то по делам, времени на разговоры со старушкой не было, а ведь можно было уделить внимание и скрасить ее одиночество. На глаза навернулись слезы.

Почти задыхаясь, мы наконец-то забрались на крошечный пяточок возле нужной двери.

— Ой, мамочка, ох... ох... Сейчас упаду! А ведь когда-то я по этой лестнице прыгала, как кенгуру, — и про себя добавила: «Вот что вытворяет с людьми любовь...»

Тяжело дыша и кряхтя, Шурик вставил ключ.

Дверь открылась, и мы оказались в узкой прихожей с низким потолком. Нос унюхал знакомый приятный запах от чистящего средства для антикварной мебели. Память расшалилась, и вместо ожидаемого неприятного ощущения все мое существо наполнилось будоражащими воспоминаниями:

«Вот она, спасительница, — единственная газовая печка на всю квартиру, только здесь зимой можно было купать детей и спастись от холода, в дальних комнатах на носу вырастали сосульки».

— Могу я в туалет сходить?

— Конечно, конечно, почувствуй себя как дома, — прокричал Шурик, поднимаясь по короткой лестнице в спальню. — Не забудь про ступеньки!

Как же было про них забыть? Вся квартира усеяна ступенями, из-за которых мы постоянно мотались в детскую больницу с разными ушибами.

Я вошла в первый зал. Каменные стены с висящими факелами, высокий потолок с огромными балками создавали атмосферу загадочного замка. Комната хоть и завораживала, но одновременно пугала.

Бррр... как же было страшно ночью спать одной, вернее, с живущими здесь привидениями... странные шумы и звуки... а вот однажды...

— Вставайте, вставайте! — наперебой кричали несколько голосов. — На нас нападают! Они штурмуют нашу крепость!

Я в ужасе проснулась, но не смогла открыть словно залитые клеем глаза, парализованное тело тоже не поддавалось. Шурик был на дежурстве в братстве милосердия, я лежала одна.

Вокруг бегали женщины, мужчины и даже дети, они с криками, плачем и воплями о помощи носились по всему дому, хлопали дверями, бежали по лестнице... везде раздавалось брнчание железа и лязг ударов. Возле меня кто-то молился, взывая к деве Марии. Под окнами слышался конный

топот, крики, стоны, визги, вопли людей, удары мечей, летели копья... Со стуком и звоном затряслись толстые стены, и я поняла, что в окна лезут захватчики.

Я лежала, как в страшном кошмаре, волосы вставали дыбом и пот ручьем стекал по телу.

В какой-то момент глаза открылись... Привидения носились по всей квартире, которую невозможно было узнать. Все изменилось — стены, полы, расположение комнат, стоял жуткий запах старья, пота и дерьма вперемешку с дымом.

Люди-тени пролетали сквозь меня, и в какой-то момент я от страха упала и больше ничего не помнила... Очнувшись утром, я обнаружила, что лежу на полу возле лестницы, ведущей в спальню.

Звон телефона вывел меня из жуткого воспоминания:

- Да, да. Мама, скоро буду.
- Обалдеть, кто у тебя так полы начищает? Неужели мама приходит? — я перевела взгляд со стен на пол из массивных темных каменных плит. — Аж в глазах рябит, он словно маслом намазан.
- Нет, не мама, это домработница.
- Как же мама теперь? Здесь и поворчать невозможно — совсем не к чему придраться, и полы, и вся мебель смотри как блестит. Это не квартира, а настоящий музей какой-то. Правда, я до сих пор не понимаю прелесть антиквариата. Сидеть на диванах и креслах с позолоченной резьбой неудобно — ни развалиться, ни облокотиться, сидишь, словно оловянный солдатик. Мебель в хозяйстве непрактичная — стакан нигде не поставь, смотри, как бы следа от него не осталось, не притронься, не дотронься, в шкафах места мало, да и запах там... фу... сундуки — сломаешь спину открывать, ящики от комодов весят по сто килограммов — можно мускулы качать, зато пыль без конца вытирай и мягкими тряпочками везде начищай, как будто делать больше в жизни нечего!

Непонятная мне антикварная мебель сохранилась от предков тетки Шурика, которая и являлась обладательницей не только мебели и квар-

тир в этой знаменитой башне, но и множества другой недвижимости, как во Флоренции, так и за ее пределами. Скорее всего, именно Шурику и должно было достаться это солидное состояние — собственных детей у тетки не было.

— Ты, что совсем больная?! — голосили в одно горло подружки. — От такого мужа уходить! Твой Шурик в один прекрасный день станет миллионером!

«Вот уж о чем я не думала, так это о миллионах... А может, стоило подумать?.. — я задумчиво вздохнула. — Да и уходила я не от него, а от его мамы».

Я подошла к изящному письменному столику на изогнутых ножках и открыла центральный, самый крошечный ящик. В него я когда-то положила «секретик», который с детства верно хранила. Станным образом, он был до сих пор здесь. Я взяла закрученную в трубочку бумажку, перевязанную красной лентой, и раскрутила ее...

— Хочу быть королевой! — замороженная, несмотря на ранний возраст (мне было лет десять), книжками Дюма и его любовными историями, особенно «Королевой Марго», я нарисовала себя с короной на голове и поставила надпись «Я — королева!»

«Это мой «секретик», и я закопаю его в землю».

«Секретик» был закопан, но потом раскопан и закручен в трубочку, которую я положила в коробку с другими безделушками и в результате привезла в Италию.

«Хм... Королева... и ведь хотелось «рыцаря», как Ла Моль — ухмыльнулась я. — Лошадь ты ломовая, а не королева, и окружена козлами, а не рыцарями...» Я положила записку в карман и направилась в уборную.

Туалет до сих пор был «средневековым», вернее, «послесредневековым» — не повернуться, не развернуться. Меня всегда удивляло, почему такому важному месту в те годы не придавалось никакого значения. Ответ я получила на курсах для гидов...

— Какать в средних веках, в отличие от процветающей Римской импе-

рии, стали в глиняный или железный горшок, который хранили под кроватью и выливали на улицу с криками «Осторожно внизу!» — пузатый профессор провел по шапке рыжих волос, смахивающих на одуванчик, а я с ужасом подумала, как было бы кошмарно оказаться на месте прохожего. — С приходом новой религии общественные закрытые и открытые туалеты стали считаться «гибелью души» и «вспышками порока».

— А какими они были? — кто-то выкрикнул из зала.

— Вас что, не было на прошлой лекции? Мы говорили о римских термах — общественных банях и туалетах. Просьба не пропускать занятия! — «рыжик» принял строгий вид и стер бумажной салфеткой пот со лба. — Кто из присутствующих выучил урок и хочет рассказать нам, как и куда

опорожнялись горожане великого города?

Встал молодой блондин в узких до неприличия джинсах, с покрашенными глазами и ногтями и явно женскими ужимками, каких, впрочем, можно встретить немало, особенно ночью в парке делле Кашине.

— Туалеты были великолепны! — он кокетливо прижал ладони к груди и развернулся к залу. — Просто невероятно, это была настоящая цивилизация с канализацией! Профессор, я правильно сказала? — блондин учащенно заморгал.

— Правильно, Рамульда, продолжай.

— Так вот, в туалетах стояли толчки в два ряда друг напротив друга. Они, конечно, отличались от наших, это были стулья с дыркой. Горожане спокойно сидели и общались между собой в хорошо продуваемом помещении — под потолком находились большие открытые окна, а посередине стояла длинная ванна с чистой водой и привязанной общественной мочал-

кой...

Вспомнив про мочалку, я громко засмеялась, смотря на крошечное окошко над унитазом: «Веселенькие же были времена у этих римлян. В таких туалетах, ха-ха, и заседания можно б было проводить, ха-ха-ха, например, наши примерки...»

Перед глазами пронеслась сценка утренних корректировок: на толчках дружно сидят стилисты и директора с блокнотами и чашками кофе. Манекенщица в новых образцах прохаживается вокруг ванны.

— Милочка, повернитесь боком. Так... По рукаву идут заломы... Дорогуша! — крик к секретарше. — Мне надо встать и подойти к этому образцу с дефектом, подай-ка мне мочалку!

Ха-ха-ха! «Жалко, что такие туалеты потом убрали...»

— Брава, Рамульда, по туалетам тебе зачет. Возвращаемся к средневековью... Итак, тело теперь считалось греховным и противостояло душе. Вода превратилась в моральную угрозу для церкви, и обнажаться для мытья осуждалось, а мыть отдельные части вызывало непристойные искушения. Женщин убедили, что «мыть внизу и касаться себя в деликатных местах» было греховным. Ученые заявили, что вода заставляет вещи гнить и распадаться, и поэтому ванны вели к болезням и инфекциям. Только одежда могла защитить и удержать тело в чистоте, поглощая в себя грязь. Здоровее был тот, у кого грязнее рубашка, — лектор понюхал у себя под мышкой.

Группа засмеялась.

— Да и вообще, крещеному человеку не нужен был никакой другой очищающий обряд. Таким образом, были объявлены два официальных мытья — одно до свадьбы, второе после смерти. Кто из вас уже женился, вышел замуж?

Зал вновь захохотал.

— Туалеты, как общественные, так и частные, были больше не нужны, и на смену креслу с дыркой пришел обычный горшок. Уборные появились вновь только во времена Возрождения.

Такое подробное объяснение удовлетворило мой интерес к домашнему туалету, и, присмотревшись получше, я поняла, что в нашей башне во времена средневековья этой комнаты не было вовсе, она находилась в пристроенной позднее части здания.

Не боясь греховного дела — «трогать себя в деликатных местах и мыть внизу» — я освежилась и, довольная, вышла.

Быстро пробежавшись напоследок по комнатам, я вошла в последний зал, длинное окно которого выходило на квадратную площадь. На самом деле это было не окно, а, казалось, выход на балкон, которого в реальности никогда не существовало. Проем был заблокирован железной перегородкой.

— Слушай, я до сих пор удивляюсь, как эти семейства переходили друг к другу из башни в башню по подвешенным мостикам, — сказала я подошедшему Шурику. — У меня голова кружится при одной лишь мысли поставить ногу наружу через это отверстие.

— Ну а что им оставалось делать? Влиятельные семьи часто воевали между собой, и особенно семья Донати. Спасением для родственников было строить дома рядом друг с другом, соединять их на верхних этажах мостами и сидеть взаперти во время междоусобных войн.

— Знаю, знаю, ты же помнишь, как меня напугали воюющие привидения!

— Ха-ха-ха! Ты опять про эту дурацкую историю?

— Я же ведь даже потеряла сознание тогда! И очнулась на полу возле лестницы!

— Ага... Ха-ха-ха. Привидения вылетали из многочисленных бутылок, которые вы с твоими русскими подружками тем вечером оставили пустыми. Ха-ха-ха!

— Фома неверующий, при чем здесь бутылки? Подумаешь, немножко посидели, посмеялись, поболтали... Да что толку с тобой разговаривать?! У тебя всегда черное, если у меня белое, и наоборот! Вот все же интересно, где же здесь стояла вторая крепость, в которую вел этот проход? — я вернулась к окну. — Ведь по описаниям, Джемма и Данте до свадьбы переглядывались друг с другом из окон, а дом Данте стоял вон там, почти напротив нас, наверное, где сейчас ресторан. Дом-музей был построен позже, и отсюда его почти не видно.

Я представила себя влюбленной Джеммой, смотрящей из этого окна на Данте...

«Вон он — мой любимый... ах, ах... ах... хотя, минуточку, какой, в тулуп его, любимый? Бедная верная Джемма всю жизнь посвятила семье и детям, а этот... песни слагал музе своей — Беатриче. Кобель — он и в средневековье кобель... Кстати, давно хотела спросить...»

Бывший муженек тем временем переместился на кухню и что-то смачно жевал.

— Алессандро, вот скажи мне только честно, почему ты на мне женился? Ведь не любил, изменял, только мамочку слушал.

Шурик подавился и аж в лице изменился — видать, вопрос застал его врасплох — но все же быстро спохватился:

— Как почему? Ха-ха-ха! От мамы хотел сбежать, ты разве не знаешь? Ха-ха...

«Шуточками хочешь отмазаться?... Но сдается, что ответил ты мне честно, а я-то ведь тебя любила...»

Кухня тоже вся сияла — тряпочки и моющие средства стояли на своих местах, вернее, на местах, где мама хотела. Я вспомнила, сколько званых обе-

дов я здесь приготовила, и не пойми почему подумала про итальянскую се-ледку, которая была сухая и соленая — то ли дело наша, сочная и жирная!.. У меня вновь обильно потекли слюнки, и я с ужасом подумала, что сейчас закроется булочная.

— Я побежала, булочную закроют!

— Я бы тоже съел пиццу сейчас, ты же знаешь, у мамы будет две спагеттины и лист салата. Может, после ужина в пиццерию заеду поесть.

Через три минуты — впрочем, две с половиной ушло на спуск по лестнице, — я оказалась на соседней улице и вошла в пекарню — она закрывалась.

Хозяин, обмотанный белым, испачканным в муке фартуком, потрошил кассовый аппарат, а продавщица с огненной шевелюрой, торчащей из-под белого чепца с козырьком, суежилась над почти пустыми полками и прилавками. Там грустно лежали несколько кусков выпечки — выбор лакомств закончился.

— Можно, пожалуйста, вот этот большой кусок «кватро формаджи»... потом вот этот, с помидором, моцареллой и сыром «Стракино» и еще... и еще... на десерт кусок «скьяччата алла фиорентина», только, пожалуйста, тот, что побольше.

Засунув в рот «кватро формаджи», я вышла из булочной и направилась к сказочной площади Синьории с ее многочисленными монументами, ресторанами и не поддающемуся никакому описанию Палаццо Веккьо, одному из самых красивых зданий Флоренции — мэрии города.

Здесь со сладостным биением сердца и с надеждами на счастливое будущее я входила целых два раза в «Красную залу», чтобы пойти под венец. Роскошный зал с красной мебелью, красным полом и такими же стенами, увешанными великолепными огромными картинами, служил для бракосочетаний.

Ах, какие душераздирающие воспоминания и какие впоследствии разочарования! Я остановилась возле фонтана со статуей Нептуна в созерцании Палаццо: «Бог любит троицу, а посему идти мне в эту залу в третий

раз...»

Расправившись с «кватро формаджи», все еще раздумывая о замужествах, я полезла за следующей пиццей. Моцарелла прилипла к упаковке и, растягиваясь, как жвачка, рисковала остаться на бумаге, обделяя собой так страстно желаемый кусок. Пришлось помочь сыру остаться на месте и отодрать его от пакета. В неудобном положении я занялась этим нелегким делом и в результате заляпалась жиром и помидором. Держа в руке злосчастный кусок, в зубах — пакет с десертом, стараясь не запачкать сумку, я попыталась двумя пальцами расстегнуть на ней молнию, чтобы достать салфетки, как вдруг:

— Какая встреча, Марияяя! — протянул знакомый голос, и резко повеяло дорогим мужским парфюмом. Освобождая рот от пакета, я подняла голову — возле меня стоял Шарль. В одну секунду лицо покрылось краской, как заляпанные помидором руки, но, по счастью, уже стемнело.

Шарль, по национальности курд, был моим старым знакомым и одно время даже... поклонником. Еще юнцом он эмигрировал из Ирака, и благодаря своей предприимчивости неплохо устроился в Италии. Преуспев в коммерческой деятельности, он открыл магазин, и уже лет двадцать пять как продавал кожаную одежду и аксессуары в районе площади Санта Кроче, знаменитой своими играми «кальчо сторико», старинным футболом в исторических костюмах, и францисканским храмом, выйдя из которого, Стендаль написал:

«Когда я выходил из церкви Святого Креста, у меня забилося сердце, мне показалось, что иссяк источник жизни, я шел, боясь рухнуть на землю... Я видел шедевры искусства, порожденные энергией страсти, после чего все стало бессмысленным, маленьким, ограниченным, так, когда ветер страстей перестает надувать паруса, которые толкают вперед человеческую душу, тогда она становится лишеной

страстей, а значит, пороков и добродетелей.»

Как и Стендаль, побывав впервые в этой церкви, я готова была рухнуть вместе с ним на землю...

— Ну разве можно такой синьоре, как ты, есть на ходу какую-то пиццу? Такой даме место только в ресторане!

Я покраснела еще больше.

— Хи-хи, Шарль, какая приятная встреча, — я засмузилась и, как идиотка, захихикала. Поздороваться за руку было невозможно, пришлось целоваться в щечки. — Я обычно пиццу вообще не ем, — вранье в три короба! — ведь я, как видишь...

— Ну, что ты, что ты, эти два килограмма тебя совсем не портят!

Этот галантный и всегда элегантный Дон Жуан знал, как обходиться с женщинами. «Два килограмма» на самом деле были как минимум тридцатью двумя со времен нашей последней встречи. С тех пор мы время от времени общались только по телефону. Я готова была провалиться под землю, стыдясь своей фигуры, а тут еще эта дурацкая пицца и пакет в зубах!

— Хи-хи, Шарль, ты, как всегда, настоящий джентльмен, — хихиканье продолжалось, — у меня просто в эти годы был сильный стресс.

— Еще бы! Наслышан, наслышан... добиться такого успеха, работаешь теперь на самые известные бренды, про наши скромные магазинчики совсем забыла.

— Ну как же можно про вас забыть?!

«Действительно, разве такое забудешь?.. Если бы не Шарль со своим магазином, возможно, и не было бы никакого модельера-конструктора, хотя он сыграл не самую главную роль, был еще один...»

— Ну а про нашего «стилиста» ничего не слышала?

— Фу, не слышала и слышать не хочу, «великий комбинатор», скорее всего, жульничает еще где-нибудь, если, конечно, за это время его не прибил кто-нибудь.

— Да... оказался гадкий тип... А ведь мог тоже добиться успеха, если бы хотел работать. Вот как ты, после всего случившегося — и ведь не упала ду-

хом, засучила рукава, закончила престижный институт, училась и работала без выходных, и вот результат!

— Да, Шарль, я ведь целых три года детей своих почти не видела. Тетя специально приехала смотреть за ними, пока я училась и работала. Ведь и долги сама все выплатила. Только ты и знаешь, как все на самом деле начиналось...

— Мария, ты особенная женщина, и я тобой восхищаюсь.

Слово «особенная» вывело меня из неприятных воспоминаний и переключило на Тодда. «Прав Шарль, я — Особенная, и Тодд это еще увидит!»

Мы еще пару минут поговорили о бизнесе, о том о сем. Собеседник пригласил меня в ресторан, я вежливо отказалась, ссылаясь на работу, пообещав поужинать в следующий раз. Так мы и расстались.

Откусив наконец-то злосчастный кусок, я направилась в сторону Rocellino — симпатичного фонтанчика в виде бронзового кабана с отшлифованным до блеска пяточком. Он стоял на площади Нового рынка. Здесь и по сей день находился базар сувениров и кожаных изделий. Туристы крутились возле фонтана, терли ряху кабана и засовывали в его рыльце монеты. Этот ритуал приносил удачу и исполнение желаний, правда, монета изо рта должна была провалиться под решетку, находящуюся под мордой борова. Я тоже когда-то засовывала монету, и... желание исполнилось — я вышла замуж...

Впереди показалась обширная площадь Республики, я присела отдохнуть на круглом основании колонны, вспоминая выездной урок с рыжим профессором.

— Итак, на месте этой просторной площади изначально находился форум античного castrum romano — римского военного лагеря, где на перекрестке «кардо» и «декуманус» находилась колонна, обозначающая центр лагеря. Кто нам расскажет, что такое «кардо» и «декуманус»?

— Я, я, профессор, можно? — заголосил Рамульда. — Ах... эти бесстрашные воины... — блондин с жеманством прикрыл ладонью рот и захихикал.

— Пожалуйста, без отступлений, мы ждем, Рамульда.
 — Простите, профессор, но я так люблю муску... хи-хи, молчу, молчу.
 Кардо и декуманус — это две основные дороги всех римских лагерей и городов. Дорога кардо шла с севера на юг, а декуманус — с востока на запад.
 — Хорошо, Рамульда, по римскому лагерю тебе зачет. И так, позднее на месте форума образовался рынок с множеством строений, колодцами и церквями.

— Профессор, а можно вопрос? — не угомонялся Рамульда. — Когда я приехала в Италию из Бразилии, бабушка моего флорентийского друга, — парень кокетливо покраснел и неоднозначно захопал глазами, — рассказывала, что в районе старого рынка жила известная ведьма, это правда?

— Не знаю, о какой именно ведьме рассказывала бабушка, но знахарки были, помимо лечения больных они готовили любовные зелья, а иногда и яды... Во времена страшных эпидемий наравне с братьями ордена Милосердия они помогали заболевшим, и, что удивительно, сами никогда не заражались, что вызывало страхи у обычных людей. Но это другая тема... И так, на площади стояла корродированная и опасная римская колонна. Ее решили заменить на гранитную, со статуей Изобилия, высеченной Донателло...

Мои воспоминания прервал телефон. Звонил сын, он ждал игру.

«Засиделась... а ведь хочется еще по виа Кальцайоли напоследок пройтись и съесть десерт».

Толпа туристов и гуляющих жителей текла по этой центральной улице сквозь многочисленных уличных музыкантов, художников-мадоннари, танцоров, чернокожих продавцов фальшивых брендов и разных безделушек, а также хиромантов и тароманов.

Зевая по сторонам, я принялась за «скьяччату алла фиорентина», наполненную нежнейшим кремом из взбитых сливок. С интересом разглядывая пеструю улицу с ее посетителями, я засмотрелась на воркующую, приблизительно моего возраста, парочку, и особенно на обширную — не меньше, чем у меня — попу «голубки». Я грустно с завистью вздохнула:

«Ну, вот везет же этой заднице!»

Невольно вспомнилась недавно услышанная на ютубе песенка, от которой хотелось и плакать, и смеяться: «Жопа растет». Я улыбнулась и вдруг наткнулась на что-то твердое.

Убрав взгляд с нижней части везучей счастливицы, я посмотрела на предмет столкновения — маленький столик, покрытый бордовой бархатной тканью. Хозяина рядом не было. На столе стояла плоская свечка, возле нее лежала колода карт, сбоку — рекламные листовки. Я взяла одну из них и прочитала: «Волшебная чайная мага Мерлина».

«Ха! Ну, что же, очень даже логично и кстати! К кому ж еще обратиться несчастной, страдающей, отвергнутой женщине, как не к магу и гадалке?» — усмехнулась я и собралась идти дальше, как вдруг ощутила жуткий, захватывающий прилив любопытства.

«Хотя... мне ведь действительно чертовски хочется узнать, смогу ли я вернуть обиженного новозеландца, и что он там себе обо всем этом думает?! И, главное... Я хочу узнать не нашел ли он себе за это время новую страсть, которая, — не дай Бог! (от пришедшей мысли меня пробили мурашки!) — полетит к нему в гости по моему билету?!»

От этой мысли уже не только любопытство, но и страх вперемешку с ревностью и негодованием стали распиравать меня, как кипящий пар закрытую кастрюлю. «Крышка» явно съезжала под этим напором. Надо было срочно раздобыть мага, черт бы его побрал, — куда он только смылся? — и удовлетворить любопытство.

Как какая-то дура, я простояла возле столика минут двадцать — Мерлин так и не появился. Злая как собака, я попыталась успокоить нахлынувшие чувства, решив записаться на сеанс по телефону, указанному на бумажке. Положив в сумку рекламный флаер, я поперлась домой.

Глава XII

Маг Мерлин и волшебный чаёк

«Кажется, пришла». Я стояла напротив здания с овальной нишей перед дверью. Вход был необычный, ничего подобного я еще не видела.

Войдя под арку, я оказалась перед деревянной дверью, вырезанной в форме индуистского храма. Верхняя часть была похожа на купол, а центральный узор состоял из разноцветной стеклянной мозаики с прожилками позолоченного металла. По обе стороны двери выстроились расписанные восточными рисунками керамические плитки.

«Странно... никакой вывески».

Я прижалась к стеклу, стараясь рассмотреть что-нибудь внутри, но ничего не было видно.

«Нет даже звонка!» — теряя терпение, я попробовала дернуть за ручку. Дверь не поддавалась. Постояв несколько секунд, я решилась постучать. Тут же, как по мановению волшебной палочки, дверь медленно отворилась, и меня обдало резким запахом курений, трав и восточных благовоний.

Боязливо я вошла в помещение и робко спросила:

— Добрый вечер. Я вам звонила...

В помещении был полумрак — висевшие на стенах тусклые красные лампы едва излучали свет. Я уже собралась попятиться, как раздался голос:

— Да, да,ходи и захлопни дверь за собой.

Внезапно где-то справа, в конце комнаты, зажегся свет. Я послушно закрыла дверь и пошла к освещенному месту.

— Добрый вечер. Я уже не надеялась вас найти. А когда нашла, то с полчаса простояла под дверью в поисках звонка.

— Ищущему да откроются все двери, — слышался загадочный ответ — по всей видимости, хозяина заведения.

Пройдя сумрачную комнату, я повернула направо и оказалась в помещении, похожем на кухню. На когда-то белых стенах висело множество полок разного цвета и длины. На них теснились разрисованные стеклянные,

керамические и металлические банки разных форм и размеров. В прозрачных виднелись сушеные травы, цветы и чай. Свободные места были увешаны рисунками разных растений с их описанием.

Комната казалась интересной и уютной, картину портил лишь спертый запах старого помещения, подтачивающий, как червяк яблоко, благоухание от трав и курений.

Возле стола, напоминающего стойку бара, со старым чайником в руках стоял мужчина, по всей видимости — сам маг Мерлин. Он что-то жевал.

— Чао! — маг радушно расплылся в улыбке и обтер свободную руку о запачканную майку и обвисшие штаны. — Милости просим в наш скромный уголок, забыл, как тебя зовут?

«Явный холостяк этот колдун, но, кстати, — очень даже ничего...» — ответила я, рассматривая мужчину.

Выше среднего роста и чуть старше среднего возраста, он все еще был красив, несмотря на потухшие черты и растрепанные, по плечи, серебристые волосы. Весь его вид говорил, что он дитя движения хиппи, прошедший все науки тех времен. Скорее всего, повзрослев, он уехал скитаться по всему белому свету, изучая оккультизм, шаманизм и тому подобные учения.

— Меня зовут Мария, и я хотела погадать.

Непонятно почему я смутилась и, наверное, даже покраснела.

— А что так застеснялась? Ты же погадать хочешь, а не в любви мне признаться, — засмеялся хозяин и блеснул пронзающими карими глазами.

«Остряк», — подумала я и почему-то расслабилась.

— Мария — красивое имя, а меня зови просто Мерлин. Садись, — он указал на табурет. — Чай пить будешь?

Я утвердительно кивнула и села, а маг, повернувшись ко мне спиной, стал наливать из-под крана воду в чайник.

— Давай, рассказывай, как жизнь, как дела?

— Ну... в общем-то все нормально. А вы и по руке гадаете?

— И по руке, и на кофейной гуще, и как тебе будет угодно, вот только никаких «вы», я тебе не князь и не граф — расслабься, — повернув голову,

ответил маг и продолжил:

— Это хорошо, что все нормально, но ты сказала, что погадать пришла. Обычно если все нормально, ко мне не гадать идут, а чай попить и на театральные вечеринки. Кстати, завтра у нас будет вечер танца живота, приезжает восточная танцовщица, приходи, не пожалеешь, — маг поставил чайник на огонь.

Я улыбнулась. В общем-то, Мерлин мне нравился, его непринужденное поведение и тон располагали.

— Я бы с удовольствием, но работа не позволяет, еле выкроила время на сегодняшний вечер.

— Ясно, раз ты занятая бизнес-леди, значит, что-то очень серьезное тебя ко мне привело. Не думаю, что это здоровье, так как вид у тебя, прямо скажем, замечательный — кровь с молоком! — он оголил ровные белые зубы.

«Издевается, что ли?! Кровь с молоком — это он точно про мой вес!» — я стыдливо прикрыла кофтой выпирающие складки на животе.

— Ага... страдаем комплексом неполноценности и стесняемся такого прекрасного тела? — неожиданно сказал тароман, чем смутил меня еще больше.

— Да вот... Все никак не удается похудеть, — я стала оправдываться.

— Могу тебе сказать одно: пока будешь себя стесняться — не похудеешь. Ты должна принять свое тело таким, какое оно есть на данный момент, а оно у тебя очень даже... хмм, хмм... сексуально привлекательное и красивое. Да, да, не смотри на меня так.

Как уж я на него смотрела, мне и самой было непонятно.

«Приставать, что ли, собирается, или что это еще за комплименты?»

— Спасибо, конечно, но что ж в жирах красивого и привлекательного?

— А ты не на жиры смотри, а на тело свое под жирами. Представь, какие у тебя линии... Они у тебя правильные, женственные, и все формы пропорциональные — это видно каждому нормальному мужчине. А я, хи-хи, поверь мне, не только маг, но еще и мужчина — самый очень даже нор-

мальный, — колдун звонко засмеялся.

— Кстати, — продолжал он, — есть у меня один хороший метод вычистить эту чушь из твоих мозгов, но об этом позже. Давай-ка на сегодня забудь о весе и отведай моих печенек с чаем. Я их целый день пёк для завтрашнего вечера. Они необычные... — он игриво подмигнул и показал на огромные керамические блюда с крышками, которые занимали полстола.

В этот момент закипел чайник. Маг взял несколько банок с полок и важно произнес:

— Такого чая ты нигде не попробуешь. Этому рецепту меня научили тибетские монахи много лет назад, и я держу его в секрете.

Мерлин вытащил из одной банки цельные сухие листья и положил их в плоский чайник, напоминающий лампу Аладдина. Затем взвесил на старых аптечных весах нужное количество трав из других банок и отправил их туда же. Залил кипящей водой, закрыл крышкой и поставил на небольшой приподнятый поднос с зажженной внутри свечой.

Казалось, процедура была закончена, но тут маг вытянул указательный палец вверх, поднял брови и загадочно произнес:

— А это для нашей успешной работы, — и, взяв щепотку из новой маленькой баночки, он бросил ее в чайник с заваркой.

Я сидела на высоком деревянном табурете и с интересом наблюдала за происходящим. Обстановка завораживала, и я подумала, что наткнулась на столик этого странного человека вовсе не случайно — это точно новый знак Земли.

Мерлин не обманул — чай действительно был особенный, на редкость вкусный и пахучий. А печенье просто таяло во рту. Через несколько минут я почувствовала, как все тело расслабилось, тревожные мысли ушли, и я в полном спокойствии могла наслаждаться моментом.

— Так с каким вопросом ты пожаловала на наш сеанс? — засунув в рот печенье, спросил Мерлин. — Хотя я сам отвечаю: у здоровых, еще не пожилых женщин почти всегда один вопрос — Любовь, — он широко улыбнулся. — Давай, рассказывай, что там стряслось?

— Даже не знаю, с чего начать... Развелась второй раз, дети выросли, кроме работы и забот ничего в жизни не видела. В один прекрасный день поняла, что пора все менять, и решила начать путешествовать. Познакомилась на сайте знакомств с одним новозеландцем, завязался роман, пригласил меня в гости, уже казалось, мечта сбывается и тут... все оборвалось.

— А почему?

— Сама виновата, написала ему дурацкое письмо, и он обиделся. Хочу узнать, что он там думает и смогу ли я его вернуть, и еще... не встретил ли он уже новую женщину?

— Все понятно. Ты правша? Дай-ка мне правую руку.

Я протянула ладонь, и маг, подтянув настольную лампу стал внимательно ее рассматривать.

— Пора менять мозги, — Мерлин в упор посмотрел мне в глаза. — Иначе так и состаришься вредной, злой, одинокой и без конца жалеющей себя.

«Ничего не скажешь — суперпредсказание. Может, пойти и сразу повеситься?» — язвительно подумала я, но не стала противоречить, так как знала, что он прав.

— А что там про прошлое написано? — меня одолело любопытство: может, этот маг обычный аферист?

— Что произошло, то и написано, рука не врет, — Мерлин помял мою ладонь. — Уууу, сколько любовных историй и страданий...

«Ну, это и без гаданий любая цыганка-шарлатанка скажет...» — не успела я додумать, как маг меня ошеломил:

— Вижу темный период в твоей жизни: сглаз, а скорее, порча от злой, ненавидящей тебя женщины.

— Кто же это может быть?!

— Пожилая синьора... возможно, мать одного из мужей.

— Это точно первая свекровь! Вторая была хорошая женщина. Но как же она могла это сделать?

— Очень просто — ненавистью и страстным желанием с ожиданием увидеть тебя в страданиях. И если человек не защищен чувством любви,

а это единственная защита от дурных людей, он впускает в себя страшный посыл противника со всевозможными драматичными последствиями.

— Какой ужас! А есть ли способ или какой-нибудь амулет, чтобы себя защитить?

— Есть — для срочной помощи, но самая главная, стопроцентная защи-

та — это перестать ненавидеть эту женщину и полностью убрать ее из своих мыслей, — маг на секунду задумался. — Принеси мне ее фотографию, я сделаю одну вещицу и научу тебя ею пользоваться. Так вот... Еще вижу большие финансовые трудности... почти смертельную болезнь... неродившегося ребенка и насилие... Кто-то сильно издевался над тобой, но от этих отношений ты приобрела что-то очень важное.

— Поразительно! — я взмахнула свободной рукой. — Это все правда! После развода с первым мужем я была одна, совсем без помощи. Вот тут-то и подполз ко мне, словно эдемский змей, один «добродушный и заботливый» проходимец. Как потом оказалось, этот нелегальный тунеядец был, как выражалась моя бабушка, настоящим издевателем: пил, курил дурь, спускал деньги, воровал, дрался, насильничал и совсем не хотел работать. Я залезла в долги, заболела туберкулезом, но, как ни абсурдно, именно благодаря этому знакомству я стала модельером-конструктором. Многие меня осуждали, да и я сама до сих пор не пойму, как такое со мной могло случиться...

— Пути господни неисповедимы и во всем есть смысл, никто не вправе осуждать тебя, — Мерлин вновь впился глазами в руку. — Вижу выбранный твоей душой урок для наивной, потерянной девочки с безумным страхом перед будущим. Урок для лечения чувства вины через наказание, которое ты и получила в описанных тобой отношениях.

— Какой вины?

— Ты не могла больше терпеть несносную свекровь, но разрушение семьи взяла на себя, испытав жуткое чувство вины перед мужем.

— Да, это правда, я долго мучилась и молилась за его счастье несмотря на ненависть к его матери.

— Еще урок для освобождения от страха жить, — продолжал маг, — через укрепление характера благодаря различным трудностям, нехватке денег и долгам. Урок для того, чтобы научиться принимать решения и брать на себя ответственность без ожидания помощи. Урок для самоуважения, повышения самооценки и доказательства себе и другим, что ты чего-то сто-

ишь. Девиз — я не позволю никому над собой издеваться и сделаю все сама! Вижу, что после отношений с проходимцем у тебя появился добрый, хороший мужчина.

— Все так и есть! — Мерлин удивлял меня все больше и больше. — Тот период был самый страшный в моей жизни, но я окрепла, изменилась, приобрела интересную, престижную профессию и чуть позже встретила моего второго мужа. Когда моя мама увидела, что я залезла по самые уши в дерьмо, она назвала меня дворником. С тех пор моей мечтой было доказать, что это не так. Когда я окончила престижный и дорогой институт, я первым делом позвонила родителям в Москву и закричала: «Мама, я больше не дворник!» Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

— Очень трогательно, — не скрывая заблестевших глаз, сказал Мерлин. — И что же она ответила?

— К моему разочарованию, она не помнила про дворника. Видно, ляпнула тогда от шока и негодования и напрочь об этом забыла, поэтому просто сказала: «Ты молодец!», что уже было большим достижением — с детства меня лишь ругали и критиковали, что бы я ни делала.

— Понятно... — протянул маг и вновь покрутил мою руку. — Вижу еще урок осуждения... Ты когда-то сильно кого-то осудила.

На глаза навернулись слезы.

— Одна моя подруга забеременела и решила сделать аборт, потому что у нее уже был маленький ребенок. Я долго ее осуждала и ставила себя в пример: несмотря на трудности в семье, я родила двоих детей. Когда я заболела туберкулезом, оказалось, что я беременна. Врачи строго-настрого запретили оставлять этого ребенка, он мог родиться неполноценным, с отклонениями. Только батюшка из православной церкви сказал, что раз бог дал, надо принять, потому что человек не знает божий промысел и не знает его путей к спасению и благополучию. Я долго мучилась и страдала, видела малыша во снах и отпечатки его ладошек на стенах, слышала детский голосок и как он кричал «мама!», — я вытерла слезы, — но охвативший меня страх был сильнее, и я... сделала аборт. Тогда-то я сильно раскаялась в том,

что осуждала подругу.

— Это очень грустный опыт, но хороший пример осуждения. Испытания даются для проверки силы духа. Никто не мог знать, насколько твоей подруге было трудно решиться родить второго ребенка. Чувство страха невозможно измерить в одинаковой мере для всех людей, каждый чувствует его силу по-своему. Ты молодец, что осознала это. Стремление осуждать — так же как и поучать — исходит от эго, то есть от гордыни... — маг взял «лампу Аладдина» в руку. — Чай еще будешь?

Я кивнула — чаёк успокаивал.

— Так вот... — подлив в кружки, продолжал тароман. — Осуждающих всегда ждет испытание, и горделиво поучающие будут держать ответ за каждое слово. И еще... — Мерлин звонко отхлебнул из чашки. — Все плохие люди, которые встречаются в жизни, на самом деле не плохие, а самые замечательные, прямо как эти бискотти (печенья), — хозяин улыбнулся и засунул печенье в рот, — потому что являются нашими ангелами и, кстати, не простыми, а ангелами высшего ранга. Да, да, не смотри так на меня, знаю, что трудно поверить, но именно они взяли на себя непростую миссию: их действия подталкивают к изменениям и делают нас лучше. Хочешь стать счастливой? Прими и осознай роль этих людей, с любовью прости их и с благодарностью отпусти. Только так произойдут изменения в жизни, — закончил гадальщик.

Я недовольно покосилась:

— Это шутка? Я не понимаю, как можно простить, поблагодарить да еще и любить стерву-свекровь, которая разбивает твой брак, наговаривает на тебя черт знает что, желает тебе всевозможных гадостей и даже смерти — представь, она мне сама такое сказала! Унижает, обзывает и меня, и всю мою семью, называет русской проституткой и проходимкой, нищесборкой, охомутавшей ее беденького глупенького сыночка, а я ведь его по-настоящему любила! Меня, оказывается, приютили, обогрели и накормили! Что за чушь?! Я выросла в нормальной, порядочной, трудолюбивой советской семье, мы всю жизнь жили в достатке и никогда ни в чем не нуж-

дались. Эта ведьма строит из себя культурную из чуть ли не высшего общества синьору, а на самом деле она обычная безграмотная сплетница и базарная баба! — от злости и возмущения даже эффект чайка прошел и кровь застучала в висках. — Они всю жизнь надеялись, что я не выживу и — цитирую — «приползу, как собака, на четвереньках и буду просить взять меня обратно». Кукиш! — я выставила вверх средний палец. — Не дождутся!

— Вот видишь, почему ты открыта для сглазов? У этой женщины... — начал было Мерлин, но я, не слушая, продолжала.

— Или как можно благодарить «стилиста» — афериста, который посадил меня по самые уши в дерьмо, да еще постоянно избивал до крови?! Эти люди сделали много зла не только мне, но и другим. Например, альфонс с жуткой, как сама смерть, фамилией Гроб начал жульничать, скорее всего, с пеленок, и в девяностом после очередной аферы, напав «не на тех парней», бежал через Карпаты из СССР в Европу. Мошенничая и воруя, «паломник» прошел пешком всю Европу, пока не осел во Флоренции. Притворившись чуть ли не святошей, «богомалец» нашел себе пристанище в русской православной церкви.

— Какая интересная история! — с непонятым мне энтузиазмом воскликнул маг. — Здесь пахнет настоящим детективом, можно книгу написать. Так, я не понял, почему ты этого парня назвала стилистом и как он повлиял на твою профессию? Еще чайку? Тебе надо успокоиться.

— Это долгая история...

— Ничего, у нас есть еще время.

Я подвинула чашку и принялась за рассказ...

— Я хочу посмотреть мультик про русалочку! — кричала четырехлетняя дочка. Толкая младшего брата, она вырывала из его рук видеокассету.

— Ыыыыааааа, Сашка дерется! Ааааааа! — заревел в ответ трехлетний Андреа: картавя, он называл сестру по-русски. — Отдай! Аааааа, от-

дай! Я хочу смотреть «Король Лев»! Ууууааааа!

— Нет, Андрюшка! Не хочу, не хочу! Хочу «Русалочку»!

«О боже, опять началось...» — я вошла в детскую комнату.

— Ребята, давайте смотреть по очереди, сначала один мультик, потом другой, — предложила я, но идея, по всей видимости, никому не понравилась.

— «Король Лев», «Король Лев», ыыыааааааа, — широко раскрыв рот, вновь издал жуткий рев сынишка и, размазывая сопли, плюхнулся на пол.

— «Русалочку», «Русалочку»! — настойчиво топала ногами старшая.

— Тогда давайте смотреть вместе «Кто подставил кролика Роджера», он же вам обоим нравится?

Магический мульт тут же примирил воюющие стороны, и оба быстро уселись напротив телевизора — первая с засунутым в рот пальцем, второй с довольной улыбкой.

«Как жить дальше? Как же страшно... — я пристроилась с детьми на пол. — На душе тяжело и беспокойно, мысли путаются, угрызения совести мучают... Надо поднять настроение и хоть что-то вместе с ними сделать... ну давай же, улыбнись, не сиди при детях с этой миной».

Буквально на днях я потеряла работу — закончился шестимесячный контракт. Она была тяжелая, но хорошо оплачивалась, и это было нашим спасением. Ночами, с восьми вечера до пяти утра, в огромной бронированной комнате вместе с другими работниками я подсчитывала деньги — ежедневные выручки больших супермаркетов. Часто приходилось оставаться до шести, а то и до семи утра. Пальцы были заклеены лейкопластырем — они были в кровотокающих трещинах от укладывания купюр в пачки, спина и левое плечо постоянно болели, и я мучилась от хронического недосыпания. Ночами за детьми за бесплатное проживание следила одна знакомая. Я возвращалась утром, отводила малышей в сад, делала домашние дела, ходила за покупками, спала три часа, потом шла забирать детей из сада и через пару часов уходила опять в ночь. Несколько раз, засыпая, я падала прямо лицом на рабочий стол. К концу шестого месяца от усталости

и психического расстройства меня можно было класть в дурдом. Контракт мне не продлили, да и по-любому возможности продолжать эту работу не было: девицу пришлось прогнать — как оказалось, чтобы не слышать плачущих детей она вставляла в уши на ночь затычки, а детский сад закрылся на летние каникулы. Отчаянные попытки найти хоть какую-то работу с находящимися дома детьми окончились провалом.

«Сейчас еще есть немного денег, а когда они закончатся, что мы будем делать?»

Звонок в дверь вывел меня из тревожных мыслей. На пороге с набитыми пакетами из супермаркета стоял худой, узкоплечий парень с аккуратно зачесанными волосами, длинным носом и искривленными узкими губами. Вчера вечером в гости заходили несколько русскоговорящих друзей, и этот незнакомец пришел вместе с ними.

— Привет! — он улыбнулся и сверкнул бегающими карими глазами. — Вчера я понял, что ты нуждаешься в помощи, и вот решил помочь. Могу войти?

От удивления забыв поздороваться, я посторонилась и распахнула дверь.

— Вот, разбирай, здесь продуктов на целую неделю, — он вошел на кухню и, поставив пакеты на стол, принялся вытаскивать их содержимое. — Где малые? Для них я много чего купил.

— Они у себя в комнате мультик смотрят, — еще не придя в себя, промямлила я.

— Эй, ребята! — закричал вошедший и бесцеремонно направился в детскую комнату. — Привет! Айда на кухню, я принес мороженое и много других сладостей.

— Спасибо, но им скоро ужинать, — опомнилась я, но было поздно. Дети с криками «мороженое!» уже летели на кухню.

— А... а мама сказала, ужинать скоро... тогда мороженое потом.

— Ну чуть-чуть, чуть-чуть! — заголосили оба.

— Мама, ну может совсем капельку, две ложечки? И обещаем — мы

все вместе тебе поможем ужин приготовить, — подыгрывая детям, просяще простонал нежданный гость.

Увидев веселых, радостных детей, я поддалась. Новый друг тут же нацепил на себя фартук, положил в две чашки по ложке мороженого и важным голосом спросил:

— Кто из вас двоих хочет стать шеф-поваром и будет помогать мне готовить ужин?

— Я шеф-повар!

— Нет, я шеф-повар! — заголосили наперебой малыши.

— Молодцы, только не ссорьтесь, работы хватит на всех, где тут еще фартуки? Мама, а ты иди пока поспи, ведь ты так устала! Мы сами здесь все делаем.

Довольные дети в фартуках залезли на стулья и приготовились к работе. От их счастливого вида на сердце потеплело, в горле запершило и там образовался острый ком. Я вдруг почувствовала жуткое переутомление, как будто где-то внутри распрямилась сжатая пружина и вместе с ней освободилась скрытая безмерная усталость. Ноги подкосились, голова закружилась, и мне пришлось действительно прилечь в зале на софе.

Царский ужин — равиоли аль песто и свиные отбивные с пюре — ушли на ура, и довольные дети с обещанным мороженым поскакали досматривать мультфильм. Мы остались на кухне одни.

— Спасибо за продукты, но не надо было, мы пока, слава богу, не умираем от голода.

— Ну, какие мелочи. Просто вчера я понял, как ты одинока и как ты устала. Я ведь тоже здесь совсем один...

— И что же ты здесь делаешь, как оказался в Италии? — особой симпатии парень не вызывал, но мне все же стало интересно.

— Я портной, подрабатываю на площади Санта Кроче в одном магазине по продаже кожаных изделий.

— Да ты что?! — удивилась я. — Никогда не видела портных-мужчин.

— Ну, я даже не только портной, а еще и стилист, сам придумываю

модели, черчу лекала, раскраиваю и шью.

— Ух ты, как интересно... Я тоже раньше шила, нас ведь в школе учили, да и хотелось хорошо одеваться, а ты же помнишь, что модную одежду можно было найти только у утюгов-фарцовщиков, вот и приходилось шить... ха-ха, вырезали выкройки по нашим журналам, ну а уж когда вышла «Бурда»!.. — мы все стали супер модницами.

— Да, были времена... Я ведь тоже, хе-хе, начал с варенок. Тогда открылись первые кооперативы, вот мы с соседом-портным закупили джинсовой ткани и засели шить и варить. А потом познакомился с еще одним портным, он заправлял кооперативом по пошиву кожаных изделий в одном приморском городке, вот там я и научился шить кожу, а потом решил бросить все и поехал в Европу... и вот я здесь, и, кстати, неплохо устроился, перспективы и новые идеи есть. А тебе, например, не хотелось бы шить?

— Да ты что, я ничего уже не помню. Моя мечта — стать гидом-переводчиком, но с маленькими детьми это пока невозможно. Сейчас мне нужна хоть какая-то работа на дому.

— Так это замечательно! У меня к тебе деловое предложение, слушай... Я сделаю хороший новый образец и предложу его по магазинам в центре — я их там всех знаю, и, вот увидишь, наберу много заказов. Я буду кроить, шить, а ты будешь мне помогать, выручку — напололам. Чтобы тебе было удобно сидеть с детьми, я выкуплю машинку у своего хозяина, перевезу ее к тебе и буду приходить сюда работать.

— Вот так он меня и уговорил открыть швейную артель. Если честно, идея пугала, и внутри было беспокойно, но возможность хотя бы попытаться работать на дому прельщала, ведь у меня не было другого выбора. «Друг» стал приходить каждый день, помогал по хозяйству, починил туалет и даже стиральную машинку, прибил полки, играл с детьми, читал им книжки, заваривал на ночь ромашку и казался чуть ли не ангелом, послан-

ным нам самим Господом Богом в помощь.

— И когда же ты поняла, что он негодяй?

— Ха! Он очень искусно, профессионально все сделал. Сначала влез в доверие и только потом начали происходить странности, но, что бы ни случилось, он был очень убедительным... Сначала оказалось, что хозяин разозлился за то, что тот его бросает, и не захотел продавать швейную машину. Пришлось ехать в специальный магазин, где они стоили дороже, и брать в рассрочку, но, «как назло», в предшествующую ночь квартиру, где «великий комбинатор» снимал комнату, ограбили и утащили все его деньги и даже документы. Первую оплату пришлось делать мне и брать на себя кредит. Кожу на образец и все необходимое для работы тоже купили за мои деньги. На тот момент у меня еще осталось три миллиона лир, которых при экономии нам с детьми хватило бы на несколько месяцев.

После этих неурядиц на «стилиста» никак не сходило вдохновение, чтобы создать обещанный образец, в результате идея пришла мне — скопировать мой единственный модный пиджак, который нравился всем подругам без исключения. По мнению «профессионала», оказалось, что для более удачного копирования его лучше распороть и полученные части перенести на картон. Больше я любимого пиджака не видела, но, по счастью, шить Гроб все же умел, хоть и был, как я со временем узнала, всего лишь самоучкой — шил он медленно, но качественно. Удачный образец под названием «Маша» действительно произвел фурор, и многие магазинчики его захотели. Мы набрали кучу заказов, но нужны были деньги на кожу, мои запасы со всеми растратами заканчивались. Шарль, один из клиентов, поверил в нас и дал нам деньги в счет заказанных пиджаков. Впоследствии этот благодетель стал нашим постоянным заказчиком и всегда помогал.

Уж не знаю, как без знаний наш «специалист» смог сделать лекала других размеров, но в конце концов мы все же занялись пошивом. Я накладывала флизелин, расклеивала и утюжила швы, вырезала и сшивала на своей домашней машинке подкладку, научилась делать петли, чем впоследствии заслужила от «учителя» кличку «Манька-петельщица». Работа кипела,

и я наконец-то стала расслабляться, видеть «свет в тоннеле» и верить в успех, а самое главное, дети находились всегда под присмотром.

Партнер по бизнесу изредка попивал лишь пиво — никаких других алкогольных напитков — и несколько раз в день выходил на улицу — размяться. Как я потом узнала, аферист выбегал курить дурь.

Все полученные деньги за первый заказ хитрец отдал мне, оставив крохотную сумму, на которую купил игрушки детям, чем окончательно поймал меня в свои коварные сети... Что-то я разболталась, наверное, волшебный чайк повлиял.

— Нет, нет, пожалуйста, продолжай! — Мерлин убрал чашки со стола и пригласил меня перейти в другую комнату. В маленьком, без мебели помещении с низким потолком по всему полу, застеленному ковром, были разбросаны разной величины подушки, а в углах тускло светили электрические подсвечники.

— Устраивайся, хочешь, ложись, хочешь, садись, как тебе будет угодно. Так что же было дальше?

— А дальше начался кошмар. Под предлогом, что квартиру, где партнер снимал жилье, больше не сдают, он переехал ко мне и вначале поселился в комнате, где мы работали, а потом залез ко мне в постель — сама, конечно, дура! Заказы увеличивались, пришлось открыть фирму, взять в долг деньги в банке. Только теперь я узнала, что он нелегал, и оформлять все пришлось на себя. Документов у него вовсе никаких не было, он бежал из СССР, а через год Союз распался, и паспорт его стал вообще недействительным. Вскоро мне стали звонить какие-то странные личности и хозяева квартиры, где он раньше жил, после того, как его выгнали из церкви. Оказывается, жулик одурачил этих людей, влез в доверие: они жили в Москве, а он собирал деньги с квартирантов и пересылал им. В результате прохиндей забрал себе аренду за шесть месяцев и скрылся у меня в квартире. Мне же он наплел про русскую мафию и что с ними опасно связываться.

Я начала понимать, что здесь что-то не то, но было поздно — долги и фирма были на мне, а в работе я полностью зависела от него, ведь сама

я не могла выполнять заказы. Дальше — больше. Оказалось, что проходец курит траву, а в дни некурения пьет алкоголь, и вообще не хочет работать. Заказчики звонили, а пройдоха кричал, что он великий стилист, а не швея-мотористка. Никаких лекал он делать не умел, мы выбирали (прямо как в юности) выкройки из «Бурды», и шарлатан по своему вкусу менял карманы или какие-то мелкие детали — в этом заключалось творение «великого стилиста».

Потом этот выродок без причины начал ревновать к бывшему мужу, и однажды меня избил, разорвав все наши семейные фотографии. На следующее утро насильник завалил меня цветами и подарками, стоял на коленях, просил прощения, клялся, что такого больше не повторится. Я боялась кому-либо рассказать, что со мной происходит, боялась позора, осуждения — ведь я была полной дурой даже в своих глазах! А больше всего я боялась, что муж захочет отнять у меня детей. Хотя — какая глупая — он ими почти не интересовался.

— Я как раз хотел спросить, а как же дети? Как этот — как ты его назвала? Издеватель? — вел себя с ними?

— Это была еще одна причина, которая меня удерживала вместе с ним. Даже в говне есть что-то хорошее, и оно приносит пользу, когда его используют как удобрение. Так же и здесь. Станным образом, но при детях никаких скандалов аферюга не устраивал и с ними был всегда игривый, добрый и ласковый, они его любили. Возил их в луна-парк на аттракционы, мы часто ездили на пляж, на озеро и в лес на шашлыки. Детям было хорошо.

Мерлин на мгновение закрыл глаза:

— Скорее всего, это чувство вины перед собственным ребенком. Уверен, у него он был.

— Ты прав, у него действительно была дочь, которую он много лет не видел и почти не слышал.

— Так как же ты от него освободилась?

— Я поняла, что есть один лишь выход — научиться работать самой и выгнать мучителя с полицией, потому что просто так он бы не ушел.

Стиснув зубы, я пошла учиться в школу кройки и шитья. Обучение было полезное, но недостаточное. Тем временем мы купили еще две машинки, и я сама постепенно стала шить одежду. Жизнь проходила как в аду: в постоянном страхе, нервотрепках, избиениях. Я плохо себя чувствовала, начала кашлять. Через шесть месяцев меня срочно забрали в больницу — оказался туберкулез в запущенной форме, плюс я была беременна. Моя мама срочно приехала и забрала детей, тогда-то она в ужасе сказала: «Куда ты влезла! Вы же оба дворники!»

После выздоровления началось все заново, и после очередного избиения я все же его выгнала. Кровь была по всей квартире. На следующее утро разбойник явился с отцом Григорием из нашей православной церкви. Кровопийца стоял на коленях в центре комнаты и, крестясь и плача, клялся Богом, что это в последний раз, что ни пить, ни курить никогда в жизни не будет, что займется всерьез работой и будет до конца дней своих носить меня на руках. Он так растрогал батюшку, что тот сказал, что так страстно просящего перед Богом надо обязательно простить, так как Господь прощал и нам велел, а если же он клятвы не соблюдет, то не будет ему больше прощения ни на земле, ни на небе.

Три месяца прошли как в раю, Гроб стал опять как ангел. Сделал полностью ремонт в квартире, взялся за работу, даже пива не пил. Вызвал нам на помощь друга-портного из приморского украинского города. Но перед приездом помощника он опять сорвался, вернее, как оказалось, все это время он просто притворялся. Каверзные планы мне раскрыл потом этот друг. Оказывается, ублюдок наговорил ему обо мне не пойми что и пригласил приехать поработать. В планах было обчистить квартиру, вывезти швейные машинки, кожу и все инструменты и начать работать самим. По счастью, этот дядька уже неплохо знал кидалу и, увидев меня, все сразу понял.

В одну страшную ночь Гроб чуть не убил меня бутылкой, благо, защитил портной. Они подрались, я вызвала полицию и, наконец-то освободившись от проходимца, начала работать сама. Через несколько месяцев чудом, по рекомендации двух моих клиентов, меня взяли модельером-кон-

структором с отличной зарплатой на одну большую фабрику по производству кожаных изделий, она работала на высокую моду. Я поняла, что за мое упорство и все пережитое мне был дан шанс, и я его не упустила — тут же пошла в самое престижное учебное заведение, вызвала мою тетю помогать с детьми и ушла полностью в учебу и работу без выходных и отпусков. Уже через год другая фабрика меня перетащила к себе с еще более высокой зарплатой. А через три года я смогла стать хорошо известной в нашем секторе и набрать достаточно клиентов, чтобы начать новое дело — Studio Modellistico (Студия по реализации лекал), которую мы и открыли с моим вторым мужем и которую я успешно веду уже десять лет.

— Да... История... — протянул Мерлин, — Даже у меня мурашки... Знай, что у тебя все всегда получится... на руке это написано... ну что, пошли гадать?

Мы прошлись по заведению — в основном оно состояло из маленьких комнат, как и та, в которой мы сидели. Затем перешли в первое, самое большое помещение, из которого был выход на улицу. Хозяин немного усилил свет красных ламп, и, пока он готовил столик для нашей работы, я с интересом рассматривала все, что находилось в этой комнате.

Справа был ряд из нескольких низеньких столиков с разбросанными вдоль стены подушками и малюсенькими табуретами. На столиках стояли свечи и благовония. Центральную и левую часть комнаты оставили свободными, наверное, для спектаклей и танцев. Местами проступали куски средневековой каменной стены — характерная отделка флорентийских квартир, находящихся в историческом центре. Повсюду висели картины с изображениями восточноазиатских божеств, а в углах стояли статуи почти в человеческий рост.

Мерлин позвал меня к столу. Он был покрыт той же бордовой бархатной скатертью, как и тогда на улице. Горела свеча и дымилось благовоние. В центре лежала колода карт. Я села напротив мага, лицо его находилось в тени.

— Расслабься, закрой глаза, полностью успокойся и сними карту.

После употребления «волшебного» чайка, спровоцировавшего исповедь, я и так уже была расслаблена и спокойна, поэтому, закрыв глаза, протянула руку и сняла карту...

Уже у двери маг произнес:

— Помни обо всем, что тебе поведали карты, все зависит от тебя. Действуй! Увидимся на церемонии Очищения, как договорились. Я тебе позволю. И не забудь фотографию свекрови.

Глава XIII

Шоколадный десант

«Действуй, действуй, все зависит от тебя... Итак, с чего начнем?» — облизывая рожок шоколадного мороженого, я шагала по набережной, повторяя слова Мерлина и вспоминая цитаты из книги Брэнсона.

Шоколад всегда «лечебно» действовал на меня в подобных ситуациях. Когда душа выворачивается от боли наизнанку — высаживается десантом шоколад, который волшебным образом притупляет желание вопить, скулить, рыдать и бросаться в депрессию, а затем и в кровать в тупом созерцании потолка с мыслями о своей несчастной жизни. И хотя высаживается он не в душу, а в желудок, все равно облегчение наступает быстро: настроение поднимается, хочется действовать, и мозги начинают энергично работать. Именно так мне всегда удавалось находить выход из сложной ситуации, поэтому я всегда держала в запасе несколько плиток шоколада. Главное в такие моменты не думать о набираемых за период «лечения души и подключения мозгов» килограммах, иначе двойной депрессии уже точно не избежать...

Вот и сейчас, после съеденной в мастерской плитки шоколада, мне захотелось размяться на легкой прогулке, подышать свежим воздухом и проветрить мозги. Выйдя на улицу, я почувствовала, что для более приятного времяпровождения и прилива новых идей необходимо держать в руке рожок с наивкуснейшим шоколадным мороженым, которое продавалось в двадцати шагах от моего дома.

Хозяин этого магазинчика-джелатерии — мороженщик в четвертом поколении — владел секретами изготовления необычного холодного лакомства, которое по достоинству славилось на всю округу, — никаких порошков, только натуральные продукты и настоящий шоколад!

Время подходило к полднику, и (редко такое увидишь, но здесь это было нормальным явлением) огромная пестрая, жужжащая толпа, состоящая из детей, родителей, бабушек и дедушек, хаотично заполнив магазин,

вывалила на улицу, образовав длинную очередь, ожидающую волшебную сладость. Болтая между собой о любимых чадах, взрослые, казалось, не замечали оголтелых отпрысков, которые, визжа, безостановочно носились в толпе.

При виде этого кошмара желание полакомиться мороженым поблекло, и я уже решила пройти мимо, как вдруг почти под самым носом появился большой хрустящий корнетто (рожок) с ореховой каемкой и с капающим шоколадным мороженым. Три огромных шарика, подтаивая, плавно стекли на золотистый рожок, который тут же попадал во власть ярко-розового носителя вкусовых рецепторов — широкий мясистый язык, смачно огибая корнетто, облизывал его по всей окружности и без остановки устремлялся наверх по шарикам. Под звонкое чавканье и причмокивание он заканчивал свое путешествие на верхушке последнего шарика и, брызгая слюной, уносил с собой собранный шоколадный нектар.

Моя голова не поддавалась никакому контролю и следовала за рожком. Шея почти перекрутилась назад так, что мне пришлось развернуться, но мороженое уже исчезло за головой седовласого тучного мужчины. Никакие сокровища мира не смогли бы сравниться в этот момент с увиденной сценой, поэтому, сглотнув слюну, я встала в шумную очередь.

— Ты же вроде худеть собиралась, ха-ха-ха, смотри... а то на острова не возьмут, и — боже упаси! — ты останешься здесь! Ха-ха-ха, — к моему ошеломлению, впереди стоял Шурик; увлеченная рожком, я его даже не заметила.

«Тьфу ты, какой же черт тебя сюда принес?» — нервозно подумала я и съязвила вслух:

— Очень смешно, ха-ха, а думаешь, тебя с этим брюхом куда-нибудь возьмут? — две огромные бульдожьих морды на его черной футболке еще больше подчеркивали выпирающий живот.

— Брюхо, брюхо! — повторил по-русски свое любимое слово бывший муж, и, довольный, потрепал свой «арбуз».

— Не возьмут — и не надо, мне — вон, — он качнул головой куда-то в сто-

рону, — одной поездки в Москву на всю жизнь хватило, ха-ха-ха. Лучше бы мы тогда с ребятами в Антарктиду или еще куда-нибудь подальше полетели, ха-ха-ха. Кстати, очередь в этот магазин такая же, как и... — речь Шурика оборвал зазвонивший телефон.

— Пронто! Да, да, мама. Я еду сейчас к детям, а потом...

«А ведь он прав, — подумала я, пока «дитя» разговаривал с мамашей. — И очередь почти такая же, и стоит он впереди меня, и мороженое тоже вкусное...»

Разговор с любимой мамой закончился минут через пять, и я, не удержавшись, хихикнула:

— А тебе мама разрешила есть мороженое?

— Ха-ха, очень забавно, только я не себе, а детям. Иду разговаривать насчет экзаменов, — Шурик принял важный вид и погладил себя по отросшей щетине.

— Правда?! И даже ни капельки не скушаешь? Верится с трудом. Я ведь помню «битву ложек» в коробке с мороженым.

— Ха-ха-ха, точно, — битва до последней ложки! У нас тогда ни одной нормальной не осталось, мы их все погнули!

Мы оба засмеялись и оказались у прилавка. Шурик выбрал самую большую коробку и, тыча пальцем в морозильную витрину, взял несколько видов мороженого. Мне стало ясно, что скоро придется менять домашние ложки.

Я же взяла огромный корнетто с шоколадно-ореховой каёмкой, наполненный долгожданнами коричневыми шариками, и, выйдя из магазина, сделала небольшой круг вдоль дороги, после чего направилась в сторону набережной.

На ландшафтной аллее под ветвистыми деревьями, сидя на лавочках, отдыхали пожилые люди, по газонам носились малокалиберные собачки и время от времени почти пролетали бегуны в спортивных костюмах. Их я старалась не замечать, зная, что двойная депрессия мне точно сейчас не нужна.

Я помахала проходящему мимо соседу, который гулял со своим пуделем, выслушала рассказ повстречавшейся почтальонши о трех ее кошках — наша любимая тема, увернулась от пары скейтеров и наконец-то вышла на набережную.

Рожок подходил к концу, а идеи насчет захвата Тодда так и не появлялись. Да, собственно, что здесь можно было придумать? Даже слабая надежда на нахождение его номера телефона, затерявшегося в дебрях скайпа, рассеялась, как дым. Прошло уже несколько дней со дня получения последнего сообщения, и мечта о том, что он одумается и напишет или хотя бы разблокирует почту, угасала на глазах. В эти дни я сделала еще несколько попыток выслать ему письмо, но... все безрезультатно.

Пытаясь отвлечься от грустных мыслей, я сосредоточилась на рожке — ведь совсем скоро я должна была достигнуть одной из самых лакомых его частей, хрустящего кончика, наполненного орехами и шоколадом...

От сильного удара в правый бок, я, не удержавшись, повалилась на цветущий газон, усеянный розами, острые шипы вонзились в тело. Но на этом жуткое приключение не закончилось: к великому ужасу, вслед за мной на клумбу полетел велосипед с его наездником — стариканом лет восьмидесяти пяти.

«Черт! Ну что же ты, дед, делаешь?! Тебя на каталке возить пора, а ты все еще крутишь педали! Вот так всегда в этом городе! Как весна, так все старикашки сигают на велики... Ух! Была б я мэром, вы б у меня тогда!.. — первый шок сменился беспокойством за упавшего. — Лишь бы шею себе не свернул или бедренную кость не сломал!»

Кряхтя и охая, запачканная мороженым, с разодранным локтем и порванной любимой розовой майкой я воспрянула из роз и принялась помогать пострадавшему.

— Как вы, не ушиблись? Осторожно, давайте помогу.

— Ой, ой, — проскрипел старик, с трудом поднимаясь на ноги, — спасибо, сара (дорогая), как же я тебя не заметил...

«Действительно... уж кого-кого, а меня-то трудно не заметить, как го-

ворится, старость не радость!» — подумала я и стала осматривать дедулю.

К счастью, хилый на вид дедок не пострадал и оказался «крепким орешком»: он, кряхтя, залез обратно на велосипед и вновь закрутил педали. Я же, смотря ему вслед, вспомнила про несъеденный кончик от корнетто и почувствовала страстное желание проглотить еще один рожок, а может, даже два.

«Какого лешего я зашла так далеко? Нельзя ли было погулять возле мороженицы?» — присев на скамейку, я уныло подумала, как было бы здорово, если б вдруг откуда ни возьмись появился бы рожок в моей руке. Мысли перебил звонящий телефон:

— Пронто!

— Дорогуша, это я! Привет! — звонкий голос Милки влетел в ушную раковину, словно бронебойный снаряд.

— О, привет, ты где?

— Мы только прилетели в Рим.

— Как прилетели в Рим? А как же Брэнсон? — неожиданно для себя самой выпалила я, уже порядком замороженная неординарной знаменитой личностью.

— Ричард тоже на время с островов улетел, но мы скоро опять увидимся. Дело в том, что мой милый везет меня в Австралию. А ты знаешь, чья это родина?

— Эээ... — я стала вспоминать знаменитых личностей. — Красавца Рассела Кроу?.. Хотя нет, он из Новой

Зеландии...

— Алё, гараж, проснись! Это родина Жорика! Наш Жорик там родился! Мы завтра приезжаем за малышом и заберем его с собой, я хочу показать ему, где жили его предки!

«Уму непостижимо! Даже Жорик по свету катается и смотрит на родину предков, а я сижу, как в заточении, в своей проклятой мастерской!» — возмущившись и почти разозлившись, непонятно только, на кого — то ли на себя, то ли на Милку, то ли даже на Жорика, — подумала я и, вздохнув, добавила вслух:

— Счастливец Жорик. Жалко расставаться.

— Ну не плачь, я тебе его обратно привезу. Ведь у нас весь год расписан чуть ли не по дням! План путешествий на целый год вперед! Ну что там, есть новости про новозеландца? Как продвигается поездка?

— Ой, лучше и не спрашивай, никаких новостей, одна тоска. Но я, правда, купила книгу Брэнсона и начала читать. Ты была права — просто невероятный мужчина, завораживает с первых строк...

— Я же тебе говорила! Такой удивительный путь к успеху, настоящий мачо! И подумать только, ведь начал с самого детства, со школьного журнала!

— Да... нет слов, нет слов. Сильно мотивируют его рассказы и высказывания, вот, например, я почти наизусть заучила:

«Я ставлю перед собой цели и затем думаю над тем, как их достичь. Все, что делаю в жизни, я стараюсь делать как следует, а не спустя рукава», — здесь все прямо про меня, а вот еще: «И самый главный урок, который я усвоил, — берись и делай...»

— Вот, вот! Берись и делай! — перебила Милка. — Ну сколько можно страдать в этом забытом богом подвале? — совершенно бестактно и оскорбительно высказалась о моем офисе подружка.

— Ты о чем? Это я-то мало делаю? Ночами не сплю, куда ж еще больше?

— Ты не то делаешь! Надо что-то новое, интересное, то, что изменит

всю твою жизнь! Можешь, например... тоже книжки начать писать.

— Ха! Ну и шуточки у тебя! Писать про что? Про ломовую лошадь и козлов? Ха-ха, ну ты как скажешь!

— А почему бы и нет? Отличная идея! С твоим-то богатым опытом в этой теме! Ха! Гарантированный стопроцентный успех, уж кто-кто, а ты-то все знаешь и про лошадей, и про козлов. И вообще, ты же говорила, что в детстве что-то там писала.

— Ой, не могу! Ха-ха-ха! Нашла писательницу, ха-ха-ха! Я в детстве просто много читала и стихи сочиняла, а еще прочитанных героев рисовала и выдумывала про них новые истории.

— Вот и начинай опять выдумывать истории, а еще лучше — сделай сама себе историю! Превратись из ломовой лошади в счастливую женщину, найди вместо козла достойного мужчину и напиши об этом книгу!

— Красота моя, ты там напилась, что ли, или так повлиял многочасовой перелет? Какую книгу? Какая счастливая женщина и достойный мужчина? Фантазерка! И вообще, я и трех слов-то по-русски связать не могу, родной язык совсем забыла, а ты — истории сочинять, ха-ха, кстати, прямо как маг мне вчера...

— Что еще за маг? — Милка тут же оживилась. — Такая новость, новые люди, да еще и волшебники, а я только сейчас об этом узнаю! Что за дела? Кто такой, откуда взялся, давай рассказывай быстрее!..

— Да вот, прошлась после работы по виа Кальцайоли, наткнулась на столик таромана и одолел меня жуткий интерес, записалась на прием, ну и... он мне тут нагадал...

— Так что? Что нагадал-то?!

— Не пытай, все равно не скажу. Он строго-настрого запретил кому-либо что-либо говорить, иначе не сбудется. Могу сказать только одно — нагадал хорошие, большие изменения в жизни.

— Вот! Вот! Я же тебе сколько лет твержу, что надо все менять! Кстати, а как твоя диета, результаты есть?

Вопрос застал меня врасплох. Рассказывать Милке о шоколадно-моро-

женой «диете» совсем не хотелось, и я, оправдываясь, ответила:

— Ой, я в такой сейчас депрессии, что не до диеты. И вообще, ты же знаешь, что после туберкулеза вес как замороженный, только и растет.

— Ты все еще про эту болезнь? Столько лет прошло! Тебя просто тот ненормальный доктор напугал: «Слишком худая, надо есть, надо есть!» Вот ты до сих пор и ешь.

— Конечно, я испугалась, он говорит: «Кожа да кости, мы тебя с того света вытащили, пока не скажу: «Хватит!», чтобы не переставала есть!»

— Ну, доктор этот был старой закалки и уже лет сто как на пенсии сидит, а ты давно вылечилась и совершенно здорова, и в этом году даже похудела, так что продолжай! У тебя все получится. И запишись обязательно в спортзал!..

Милка дала еще пару указаний, и мы распрощались до завтра.

Наставления насчет диеты, как оказалось, на меня не повлияли, и, как только телефон отключился, навязчивая идея по поводу повторного рожка вернулась с новой силой, прилипнув, словно жвачка к подошве.

«Да... как же было б здорово, если б появился новый рожок в моей руке, — заново пронеслась оборванная Милкой мысль. — Как жалко, что это полный бред, такого не бывает. Хотя... где-то мы с моим бывшим мужем Риккардо читали, что даже такое возможно...»

Мысли убежали в прошлое: что же это была за книга, которая рассказывала о мгновенной материализации желаемых вещей?

В этот момент мимо пробежала тьявкаящая рыженькая собачка. Она была копией Зевса — тибетского спаниеля Тодда. Вслед за ней шла статная пожилая синьора, элегантно одетая и с королевской осанкой. На крупноватом, немного вздернутом носу красовались очки в дорогой оправе.

Сердце забило: «Глазам своим не верю! Возможно, существует связь между спаниелями и вздернутыми носами?»

Я улыбнулась. В голове пронеслась мысль, что началось еле заметное движение в сторону исполнения желания, иначе не появились бы ни спаниель, ни его хозяйка со вздернутым носом.

Я вскочила с лавочки, и, впившись глазами в пса, медленно пошла за элегантной бабулей. Картина напоминала наши совместные с Тоддом мечтания:

«...Берег моря, черный песок, Тодд, я и Зевс... Мы шагаем, нежно держась за руки, Зевс радостно бежит впереди нас, весело дергая своим крученым хвостиком, время от времени он останавливается и поглядывает на своих хозяев...»

Комико-трагично я переживала похожую сцену:

«...Берег реки, асфальт, бабуля, я и спаниель... Мы шагаем очень близко друг от друга, песик радостно бежит впереди нас, весело дергая своим крученым хвостиком, он время от времени останавливается и поглядывает на свою хозяйку...»

«Интересно... но ведь сейчас происходит какая-то полуматериализация моего желания», — подумала я, наблюдая за происходящим и сравнивая обе сцены. Сцену прогулки с собачкой мы с Тоддом описывали каждый раз при нашем общении, плюс я сама ее представляла каждый день перед сном.

Внутри меня нарастало ощущение, что происходящее — это исковерканная версия моего представления, но тем не менее эта версия *существует!* Это осознание вызвало состояние взрыва бомбы в моей голове.

«Это явно работает! Я просто должна что-то усовершенствовать! Любое представленное желание может произойти в реальности!»

Вдруг мне стало ясно, с чего нужно начинать любое затеянное дело — с визуализации конечного результата! Сконцентрироваться на этом, а не ломать себе мозги, ища выход из сложившейся ситуации. Все произойдет само по себе!

Теперь мне было даже странно, что я не дошла до этого сразу. Ведь я терроризировала моего бедного итальянского мужа, постоянно ставя в нашем офисе «Секрет» на русском языке! Чтобы не умереть от постоянной работы, мы без конца слушали фильмы, ибо смотреть их и заниматься делом было невозможно. За десять лет в мастерской скопилась целая

видеотека, и «Секрет» занимал в ней особое место. Я слушала его каждый божий день по несколько раз в течение пары лет, знала фильм почти наизусть, но никогда не применяла в жизни то, что там рассказывалось. И вот сейчас в меня вселилась уверенность, что все обязательно получится.

— Настал момент перейти от теории к практике! — решила довольная я, и тут же добавила: — Слава Шоколаду, он опять сработал!

Глава XIV

Соус из воспоминаний

Влетев в мастерскую, я нашла фильм «Секрет». Ободранный локоть ныл, но желание вернуться к магическому фильму, чтобы лучше разобраться, как же правильно представлять желаемое, было слишком сильным. Решив, что локоть может подождать, я вставила диск в DVD-плеер и бросила взгляд на еще не развернутую шоколадку. К моей великой радости, я ее больше не хотела: душа излечилась и была готова к новым открытиям, подвигам и рывкам. Я ощутила, как желание быстрее приступить к действиям рвется наружу с энергией пружинного из-под земли бурьяна.

«Как же хорошо, что лечение шоколадом на этот раз продолжилось всего лишь несколько дней, — довольная, подумала я. — Я быстренько справлюсь с парой набранных килограммов, и теперь уже точно, как пикирующая ракета, пойду на снижение веса!»

Внезапно в офис вошла дочка.

— Мама, я возьму пару фильмов. Мы решили посмотреть что-нибудь вместе с папой.

От вновь обретенного вдохновения я даже не испытала неприятного ощущения от такого длительного присутствия первого мужа в моей квартире. К собственному удивлению, я обрадовалась: «Хм... интересно... он, кажется, начал исправляться...»

— Да, конечно, почему бы ему не остаться на ужин? Нонна (бабушка), надеюсь, не умрет, если он пропустит один вечер. Там в холодильнике есть все для болоньезе.

— Мы уже думали заказать пиццу, но я могу приготовить соус. А ты что здесь смотришь?

На экране шли первые сцены «Секрета».

— О... это очень интересный фильм, он рассказывает о Законе Притяжения. Создатель фильма — вот эта блондинка, — на экране как раз промелькнула Ронда Берн, — после пережитых трудностей, доведших ее

до полного отчаяния, прочитала одну старинную книгу, в которой повествовало о «Великом Секрете» — Секрете Жизни. Благодаря ему она смогла изменить всю свою жизнь и решила поделиться этим открытием со всем миром.

— Ну, тогда и ты давай изменяй свою жизнь! — сказала Алессандра и принялась шуршать на полках с дисками. Я же взялась за работу и навестила уши на фильм.

Все выступающие завораживали разговорами о Законе Притяжения и об исполнении желаний. Рассказывали о чем нужно думать и куда направлять внимание, как себя при этом правильно чувствовать и вести и многое другое. Все они вызывали во мне самые положительные и теплые ощущения, но, как всегда бывает, кто-то нравится больше и становится любимчиком. Таких у меня было трое.

Вот он, красавчик — Джон Ассараф. Ах, какой мужчина! Хммм... Молодой, красивый, с мощной шеей — само воплощение мужественности. Он так интересно, на собственных примерах, рассказывал про доску визуализации и как ее использовать, что я загорелась желанием сделать такую же и даже приступила к ее созданию, но кроме красивого стройного тела так ничего туда и не приклеила. А все потому, что я долго не понимала, чего я вообще хочу... Зато теперь-то я точно знала, что хочу получить и куда стремлюсь. А стремилась я в Новую Зеландию — к Тодду!

А вот симпатюля Джо Витале. Что-то магическое в этом приятном мужчине. Привлекательное лицо, очаровательная улыбка. Его история жизни меня покорила — из полного бедняка в миллионеры! Ух! Ну где же они — такие Мужчины?!

Джек Кэнфилд. Я покосилась на однодолларовую купюру, к которой по его примеру приписала пять нулей. Джек после этого достиг успеха и богатства, моя же бумажка не принесла мне ни копейки. Но, собственно, откуда было взяться миллионам, если бедняжка одиноко висела уже несколько лет безо всякого внимания с моей стороны?

По окончании фильма, я решила: «Завтра же приступаю к оформле-

нию доски. А еще надо раздобыть и изучить книгу Женевьев Беренд “Ваша незримая сила”. Эта современница Коко Шанель, — я посмотрела на висящую на стене фотографию любимого дизайнера, — опубликовала пособие по визуализации, цитаты из которого приводились в фильме. Ох, где бы найти время на все дела!..

Зазвонил телефон.

— Мама, поднимайся, спагетти готовы.

— Хорошо, Андрей, сейчас приду.

Аппетита не было, но очень хотелось побыть со всеми вместе — в кои-то веки еще такое случится! Я прервала работу и пошла наверх.

По всей квартире разносился аппетитный запах болоньезе, а по кухне явно пробежал Мамай.

«А всего лишь один соус приготовили... — подумала я, но странности продолжались, и на удивление, я совсем не разозлилась и не издала обычных жутких воплей. — Ну... да ладно, потом уберут».

В куче наваленной посуды стояла опустевшая коробочка из-под мороженого с тремя ложками внутри. Я посмотрела на орудия битвы: «Ха! А столовые приборы за двадцать лет стали, оказывается, намного прочнее!»

Быстро забежав в ванну, я наконец-то помыла локоть и заклеила его пластырем. В зале, на мягком кожаном диване, с тарелками в руках удобно развалились сын, дочка, а между ними и их папаша. Они энергично накручивали спагетти на вилки и тащили пасту в рот, а затем, смачно хлюпая, затягивали туда же ее длинные хвосты.

— Всем привет! Не забудьте посуду за собой помыть.

— Садись и чувствуй себя как дома, — захихикал, всасывая спагеттину в наполненный рот, Шурик.

— Благодарю за гостеприимство, — я скривила ядовитую гримасу. — А где же твой слюнявчик? Смотри, бульдогов на футболке не запачкай, а то получишь потом от мамы, — обычно во время еды он закладывал за воротник большую сервировочную салфетку.

— Давай быстрее, паста уже остывает! — прервала наши глупые пере-

палки Але и протянула мою порцию.

— О... нет-нет, она на диете, ей скоро на острова, дай-ка я себе чуток отложу, — Шурик перехватил мое блюдо и, зацепив двумя вилками прядь макарон, умело перенес их в свою тарелку. Я уже приготовилась разозлиться, но подумала, что, хоть он и придурок, но в этом случае спасает меня от лишних килограммов.

— И что же вы здесь смотрите?.. — я пристроилась рядом. — О! Да это же мой... вернее, наш, — я покосилась на Шурика, — любимый фильм «Назад в будущее»!

В телевизоре разыгрывалась сцена, в которой главный герой Мартин меняет ход всей семейной истории... Вот его юный папаша-вуайерист, сидя на дереве, наблюдает через окна в бинокль за будущей женой и вдруг падает на дорогу перед проезжающей машиной. Мартин бросается на помощь и, отталкивая неуклюжего предка, сам попадает под колеса.

— Ха! Вот было б интересно хотя бы одним глазом взглянуть, как вы оба познакомились! — весело засверкал серыми глазами Андреа, переводя взгляд с одного родителя на другого. Еще малышом он всегда был мечтателем и фантазером. — Мам, оставайся с нами фильм смотреть.

— Я бы с удовольствием, но не могу, мне еще работать... а встреча наша, как вы знаете, была необычной, можно сказать... мистической... Не так ли? — я посмотрела на Шурика.

— No comment. Этот день, вернее вечер со своей... — бывший муж сделал наигранно-серьезное выражение, — мистикой... сломал всю мою оставшуюся жизнь, лучше б меня понос тогда пробрал.

— Жуй давай, остряк, как бы тебя понос сейчас не пробрал. Благодаря той встрече смотри, какие у тебя дети выросли! — я ласково

посмотрела на дочку и сына.

— Шучу, хе-хе, шучу, — Шурик виновато погладил обоих чад по головам, — ради них я бы еще раз тебя стерпел, ха-ха.

Я внезапно вспомнила один момент и залилась от смеха.

— А ведь тебя и вправду пропоносило, помнишь, как ты в московскую больницу попал?

— *Forca miseria* (черт возьми)! Это был кошмар! — Шурик округлил глаза и в ужасе схватился за свои кудряшки. — Это было во второй мой приезд... и поперся же, дурак, еще раз после нашего знакомства! Сходили мы на ужин к какой-то подружке, а утром!.. Рвота, понос! Ужас, я думал — умру! Повезли меня в советскую больницу, — Шурик аж перекрестился, — а там дают стеклянную банку из-под огурцов или помидоров и отправляют помочиться, затем какой-то железякой палец колют — кровь берут, а потом

вообще кошмар! — огромным стеклянным шприцом, неизвестно, стерилизованным или нет, укол решают сделать... Я кричу, упираюсь, тут появляются еще две мощные медсестры, каждая размером с этот диван, они меня скручивают и колят шприцом с толстючей иглой... Я уже и не надеял-

ся вернуться в Италию! Стены в той больнице были просто жуть, койки вообще не поддаются описанию, не то что лечь на них — близко подойти невозможно! В общем, приключение хуже, чем в фильмах ужасов. Вот чего пришлось натерпеться ради вашей мамы.

— Ой, бедняжка... я с детства по таким больницам каталась с ревматизмом сердца, и, как видишь, жива и здорова. Советская медицина, между прочим, была сильнее, несмотря на банки из-под огурцов, чем ваша европейская!

— Вот видите?! Она опять! Ну да, ха-ха, конечно! Куда же нам, отсталым... Ваша мама, — Шурик посмотрел на одно чадо, потом на другое, — все еще страдает коммунистическим синдромом.

— Да уж, помню, помню, как ты на меня всегда кричал: «Коммунистка ди мерда!¹ Зомбированная дура, ничего другого не видишь и не понимаешь!»

— Так хватит, хватит, вы прямо как дети... — дочь взяла разговор в свои руки. — Меняем тему. Так значит, вы оба любили смотреть «Назад в будущее»?

— Да, и, кстати, этот фильм мне сильно помог выучить итальянский язык, — я засунула накрученные на вилку спагетти в рот.

— Как? — удивилась дочка. — Ты же уже разговаривала на итальянском, когда вы с баббо (папой) познакомились.

— Ну... «разговаривала» — это слишком круто, — Шурик старательно соскреб оставшийся фарш, — но, к моему несчастью, и тех ее знаний хватило, чтобы завязать знакомство...

— К тому времени я закончила первый год итальянских курсов и могла кое-что понимать и кое-как объясниться.

— Что-то я не припоминаю... а зачем ты вообще пошла учить итальянский язык? — Алессандра внимательно на меня посмотрела и поставила фильм на паузу. Еще в детстве она отличалась удивительным любопытством, и воспитатели уже в яслях не раз мне об этом говорили.

¹ Переводу не поддается.

- О, это интересная история, но долгая...
- Расскажи, расскажи! — заголосили дети.
- Я уже все знаю, но... раз слушатели просят... — Шурик развел руками.
- Хорошо, дело было так... В школе, в девятом классе, к нам пришла одна новенькая, вот из-за нее-то я и пошла учить итальянский язык. Причем меня в этом девятом классе вообще не должно было быть. Мне потом всегда казалось, что все, что произошло тогда, было запланировано свыше...
- Правда? А почему тебя не должно было там быть? — Але поставила пустую тарелку на столик и, удобно устроившись на подушках, поджала под себя ноги.
- О... это было мое первое потрясение и разочарование в нашей советской системе... До девятого класса я хорошо училась и всю жизнь мечтала стать, как и моя мама, торговым работником, заведующей отделом, а потом и директором промышленного магазина. Родители хотели, чтобы я закончила десять классов и пошла в институт, но я мечтала сразу после восьмого поступить в один торговый техникум, на то время одно из самых известных и престижных учебных заведений в Москве. Так, без разрешения родителей, я забрала документы из школы, сдала их в техникум и устроилась на подготовительные курсы. Все лето я тайно готовилась к экзаменам и успешно их сдала. Проходной балл был восемь, и я его получила. Вот только, к моему великому разочарованию, меня не взяли... Коррупция в советские времена была похлеще, чем сейчас. На мое место по блату взяли кого-то другого, а мне вернули документы, выдумав байку про то, что многие абитуриенты сдали хорошо экзамены, и администрация решила отсеять тех, кто территориально живет дальше. Когда родители узнали о случившемся, их это потрясло не меньше, чем меня, и вместо того, чтобы отругать, они меня похвалили. Мы поехали разбираться к директору злосчастного техникума... Он выкручивался и кричал: «Не давите на меня!» Потом мама приказала нам с папой выйти... После ее разговора наедине с директором она мне

объяснила, как работает система в нашем СССР — подростку без протекции трудно пробиться в такие известные заведения, и в большинстве случаев необходимо платить. Она сказала, что мы можем дать взятку, и в таком случае директор обещал устроить меня на продфакультет — это где готовили торгашей для продовольственных товаров, потому что на промфаке, куда я успешно сдала экзамены, все места уже заняты. Мама же страшно боялась продовольственной торговли, это были «жирные» места, но и риск был великий. В те времена многих сажали за взятки и хищения, а несколько лет до этого даже расстреляли директора самого известного в Москве университета — Елисеевского. Еще она сказала, что мы могли написать жалобу в министерство, но какая жизнь меня ждала после этого в том техникуме? В результате родители мне дали выбор: раз я такая взрослая и делаю все сама, то я должна решить — или подкупить директора, или пойти учиться дальше в школу, а после десятого класса они обещали мне помочь поступить в любой институт, какой бы я только захотела. В неполных пятнадцать лет этот случай стал для меня сильным потрясением и горьким разочарованием в стране, которую я считала самой честной — во всяком случае, нас так с детства учили. Я вдруг почувствовала полное безразличие: учиться больше не хотелось вообще нигде, и от перенесенного стресса у меня начался подростковый невроз и гипертония, это дало осложнение на сердце, и меня положили в больницу на целых четыре месяца. Вот так я не стала торгашкой, — я невесело улыбнулась. — Хотя... когда мы поженились с вашим баббо, мы открыли видеопрокат, и там я проработала четыре года, так что все желания все равно сбываются! Когда же я вернулась в школу, то познакомилась с Динкой, которая пришла к нам в девятый класс. В результате после выпускного ни в какие институты я не пошла, а закончила училище, где выучилась на секретаря-машинистку и стенографистку.

— Бедная моя мамочка, столько пережить, — участливо проговорила Але и подошла ко мне, нежно обняв. — И как же эта Динка повлияла на твой итальянский?

— Динкин папа был партийным работником и крутой шишкой. Он

всю жизнь ездил по разным заграницам и с детства вдавливал своей дочери в голову, что жить в СССР плохо и надо обязательно оттуда валить. Вот поэтому Динка уже в шестнадцать лет мечтала об иностранце. И когда мы закончили школу, она случайно познакомилась с итальянцем, потусила с ним по ресторанам, покурила «Мальборо», получила фирменные подарки и после этого потеряла окончательно голову — ее единственной целью стало уехать в Италию. К сожалению, тот бойфренд по возвращении домой забыл о нашей московской красавице, и для воплощения своей мечты Динка решила выучить итальянский язык. Чтобы не скучать одной, она позвала меня и еще одну подружку составить ей компанию. Здесь опять произошел странный случай — очередь на курсы итальянского была на несколько лет вперед, так как курсы эти были единственные на всю Москву, но по непонятным причинам в тот год освободилось именно три места и взяли именно нас! Вот так я и начала *parlare in italiano* (говорить по-итальянски) — не по желанию, а просто за компанию. В первый год мне было неинтересно и даже скучно, я подумывала бросить курсы, как вдруг познакомилась вот с этим... — я ткнула пальцем в Шурика, — с ним... ну... в общем, с вашим папой, и поэтому второй год отучилась на пятерки с плюсом.

— Какая интересная история! — воскликнула Але.

— Так эта Динка уехала в Италию? — поинтересовался Андрей.

— Да, я тоже давно хотел об этом спросить, — увлекшись воспоминаниями, поддержал вопрос сына Шурик. — Ведь она была девица видная: стройная, высокая, красивая, но слишком уж неестественная, чувствовалось, что хочет лишь кого-то охомутать. А вот она, — он ткнул в меня пальцем, — вот эта... ну... в общем, ваша мама, вот она была естественной, совсем не притворялась, поэтому я, дурак, и повелся...

— Ой, вы оба такие смешные, прямо как дети! Расскажите лучше еще раз, как вы встретились.

— Да, да, расскажите! — согласился с сестрой Андрей и вытянул ноги на диване.

— Динка в результате осталась в России. А вот мы — ее подружки

по итальянским курсам — обе вышли замуж и уехали... Очень странно все получилось... А насчет нашей встречи... — я взглянула на бывшего мужа, — расскажешь ты?

— Нет уж, давай лучше ты... — баббо почему-то глубоко вздохнул. — Кстати, ведь это был день моего рождения.

— Да ты что?! — воскликнули оба, уставившись на отца.

Я тоже посмотрела на Шурика и вдруг вместо поседевшего, обрюзгшего и растолстевшего дядьки увидела симпатичного, молодого, веселого парня с атлетической фигурой и аккуратно подстриженными кудряшками, так сильно напоминающего нашего сына Андреа:

— Да, мне было восемнадцать, тебе исполнилось двадцать два... Шел конец восьмидесятых, и после долгого застойного периода «лед» в стране уже как пару лет «тронулся», и «процесс пошёл»... — я выразилась известными фразами последнего Генерального секретаря ЦК КПСС и задумчиво почесала в затылке. — Страна, по благословию всеми любимого как в СССР, так и на западе Горбачева, бодро шагала под лозунгами перестройки. Правда, первый ее эксперимент под девизом «Пьянству — бой!» пришлось отменить, зато в хорошо заквашенное общественное сознание, словно лечебный эликсир, вливалось новое модное слово «гласность».

Метро и наземные общественные перевозки все еще стоили пять копеек, и в час пик из полуоткрытых дверей раздутого, смердящего потом и перегаром транспорта, почти вываливались прилипшие друг к другу, словно шпроты в банке, пассажиры.

Комиссар Коррадо Каттани из любимейшего всей стране сериала «Спрут» уже как второй год покорял сердца советских мечтательниц всех возрастов.

Летом — а мы встретились, кстати, в августе, — все еще толпились очереди в автоматы с газированной водой, которую пили все подряд из единственного граненого стакана.

— Как это — из единственного стакана? — перебила дочь, и ее голубые глаза округлились.

— Ха-ха-ха, вот так! — Шурик оживился и опередил меня с ответом. — Устройство для настоящих экстремалов! Стаканчик ополаскивался под маленьким фонтанчиком, находящимся справа от подачи водички. Помню, как мы с ребятами долго рассматривали это чудо-агрегат, но пить из стоящего стакана так и не решились, по счастью, у нас были наши одноразовые бумажные, — комментирующий сделал ударение на слове наши и покосился в мою сторону. — Ну что? И насчет стаканов будешь спорить, как насчет медицины? — ехидная, довольная ряха расплылась в широкой улыбке, образовав две солидные складки на подбородке.

— А что здесь спорить? И у нас были бумажные стаканы, например... — я на пару секунд задумалась. — Под мороженое, например! Вкусное фруктово-ягодное за семь и девять копеек. И уж поверь мне, стаканчики эти по прочности были совсем не хуже ваших!

— Так, хватит, хватит, не отвлекайтесь, — строго приказала дочь. — А вода эта вкусная была?

Шурик с отвращением скривил губы, выпятив тем самым еще больше двойной подбородок.

— Фу... — начал было он, но тут же осекся, увидев, как я полоснула его огненным взглядом. — Хи-хи, шучу, шучу... Если честно, водица с сиропом была неплохая, ну, конечно... не кока-кола...

— Ой, нашел с чем сравнить! Наш сироп был натуральный, а вашей кока-колой можно крыс травить! И вообще, вода с сиропом из автомата был одним из самых любимых напитков многих граждан, и моим, кстати, тоже, и стоила она дешево — всего три копейки.

— Вот поэтому ваша экономика и развалилась, потому что у вас все было дешево! И вы наплевательски относились к вашим ресурсам — и к воде, и к газу, и к электричеству. Ты только через несколько лет стала везде свет выключать! А сколько нервов мне это стоило!

В ответ хотелось выпалить что-то омерзительно-злое, но он был прав — не ценили мы ресурсы, не ценили!.. На помощь пришла Але:

— Так, быстро заканчивайте! Мы рассказ о вашей встрече слушаем,

а не политический и экономический доклады!

— Так вот, вы даже не представляете, в каких комфортных условиях вы живете, — продолжила я, увильнув от неприятной темы, и углубилась в воспоминания. — В те времена у нас почти везде были очереди, и порой ожидание длилось годами, как, например, запись в автошколу или покупка автомобиля. А вот бензин хоть и стоил дешево, но купить его чистым было почти невозможно, потому что его разбавляли.

— В смысле? Кто разбавлял? — удивился Андрей.

— Те, кто работал на бензоколонке. Каждый помимо зарплаты старался «срубить» еще хоть какую-то копейку, и люди тащили всё, что могли, со своих рабочих мест — или на продажу, или себе в хозяйство, а кто-то придумывал дополнительные возможности заработать. Вот, например, помню, — я засмеялась, — во времена училища подрабатывала мужским парикмахером на работе у одной подружки. Только их заведующая за дверь, домой, — я надеваю халат, ножницы в руки, и иду клиентов принимать, правда, таких, которые совсем ничего не соображают, потому что пьяные, ха-ха, бедные мужики... Хотя я ведь неплохо подстригать за то время научилась.

— Вот такая веселенькая страна была... — развел руками Шурик, — а наши итальянские коммунисты еще...

Я не дала комментатору договорить и продолжила:

— Или вот, например, Динкин Вовчик, он же дядя Вова, работал в кафе швейцаром и контролировал нескончаемую очередь в это заведение. Завсегдатаи и знакомые давали дяде Вова рубль и спокойно проходили. Как говорила Динка, Вовчик мог бы жить и на одних лишь взятках. Кстати, нас он пропускал бесплатно.

— А какие мы видели жуткие очереди в магазины... — вновь вставил Шурик. — Кстати, защитница коммунистов и СССР, расскажи-ка лучше ребятам, какая истерика с тобой приключилась, когда ты впервые вошла в наш супермаркет...

— Во-первых, я не защитница СССР и уж тем более коммунистов,

и я первая рассказываю о всех несправедливостях, которые там творились, но при этом ведь было что-то и хорошее...

— Ха-ха, сироп, например, — не успокаивался противник.

Я грустно посмотрела и, понизив голос, сказала:

— Во всяком случае... мне все еще хочется в это верить...

Я на мгновение замолчала. В голове пронеслись воспоминания детства.

— Как бы там ни было, — воспрянув духом, я повысила голос, — я не позволю никому и никакому... — «иноСранцу», проговорила я про себя, — ...никакому приезжему оскорблять свою родину! Я там родилась, там живут мои родители и всегда жили мои предки — добрые, достойные, работающие люди! Страна не состоит из правителей, страна состоит из людей, и вам, чужеземцам, никогда не познать все, что пережил наш народ, и не понять, почему это прекрасное место докатилось до такого жуткого состояния! — горячо закончила я свою речь.

Все молчали.

— Да, выбора на прилавках было мало, — продолжала я, — но никто не умирал от голода...

— Можно подумать, здесь кто-то умирает, — вновь перебил Шурик. — Бездомные у нас кормятся в «Каритасе», между прочим.

— Нам «Каритас» был не нужен, все имели всё необходимое, пусть даже и по минимуму. И, кстати, бездомных у нас вовсе не было, в отличие от вас! Всем выдавали собственный угол, пусть даже и маленькую конуру в коммунальной квартире. Конечно, несправедливости было много, например, для иностранцев и избранных советских сословий существовал совсем другой сервис — фирменные магазины «Березка», куда обычному смертному вход был строго-настрога запрещен, и даже постоять рядом могло привести к серьезным последствиям — комитет безопасности все еще зор-

ко следил за всеми согражданами. Такой же запрет касался и гостиниц для интуристов. А насчет истерики все верно — это было в самом начале моего приезда в Италию. Мы поехали с его, — я ткнула пальцем в Шурика, — друзьями в Пизу, вот там я и вошла впервые в супермаркет, и да, у меня был настоящий шок. Когда я увидела столько свободно лежащего изобилия, мне стало до боли обидно за нашу страну. Я смотрела и спрашивала себя: «Чем эти люди лучше нас? Почему мы живем настолько хуже?» Гнев от пронзающего разочарования в системе и во всей этой идиотской политике партии нарастал с каждой секундой. Особенно было жалко наших стариков, моих бабушек и дедушек. Я-то начинала только жить, а вот они!.. Меня тошнило от воспоминания об обшарпанных, вонючих, полупустых советских гастрономах с жутким сервисом и скотским отношением к клиенту. От увиденного порядка и чистоты, от аккуратно расставленных разнообразных продуктов, вежливого обращения и красивого оформления все мои внутренности выворачивались наизнанку, и мне хотелось бежать прочь. Душевная боль перешла на физический уровень, и слезы хлынули из глаз, тошнота взвилась к горлу, и я выбежала вон из супермаркета.

— Да... Она потрясла нас своим переживанием и ничего целый день не ела и даже не пила, мы не знали, как ее успокоить, — на удивление, Шурик смотрел участливо и его голос звучал серьезно и с сочувствием.

— Ну да ладно, не всё уж так было и плохо, — я улыбнулась и, изменив тон, взбодрилась. — В стране, хоть и подпольно, но всё же существовали поставщики фирменных напитков, сигарет, модной одежды, обуви и других иностранных вещей. Модниц и модников спасали бесстрашные рыцари-утюги, или, проще говоря, фарцовщики. Эти нелегальные бизнесмены на свой страх и риск скупали у иностранцев новые и поношенные вещи, а затем перепродавали их (а за это сажали надолго!) любителям модно одеться. Сервис этот стоил дорого, и такая роскошь не всем была по карману.

— Точно! Помню, помню! — почти воскликнул Шурик. — Помню, подошел ко мне модно одетый парень, предложил поменять валюту и попро-

сил продать ему...

— Подожди, не перебивай, давай все по порядку, — осекла я бывшего мужа. — На помощь утюгам-фарцовщикам пришли перестроечные бизнесмены. Как только закон разрешил предпринимательство, ушлые граждане повалили в эту сферу, и вскорости открылось много новых заведений и магазинов. Швейные артели продавали на рынках скопированные с западной одежды вещи, которые сильно отличались качеством от оригиналов, но тем не менее позволяли более-менее прилично одеваться. В государственных же магазинах свободно висело только бабское тряпье. Зато у кооперативщиков можно было найти все — варенки любых мастей, джинсовые куртки и юбки, цветные лосины, штаны-«бананы», кофты и блузки «летучая мышь», вечерние платья, кружевное нижнее белье, колготки с узорами и в сеточку, широкие ремни, спортивные костюмы, кроссовки, дутики, стеганые пальто, «луноходы»... Правда, и там цены не баловали, поэтому дырки на колготках все еще приходилось замазывать лаком для ногтей. Люди старшего поколения подозрительно косились на весь этот ширпотреб, молодежь же яростно стремилась любыми путями модно одеваться, поэтому мы шили одежду сами или с помощью мам и бабушек.

— Я как раз сегодня одну фотографию нашла, — перебила Але. — Ты там с какими-то подружками где-то вечером, и вы такие чудные, ярко размалеванные, сейчас принесу посмотреть.

— Да, макияж был в моде серьезный, — я засмеялась, увидев старую, забытую фотографию. — Кстати, это как раз день нашего знакомства — а вот это та самая Динка, — я показала на подружку в удлиненной, с сиреневыми разводами блузке «летучая мышь», черной юбке выше колена и колготках с узорами. Дикий высокий начес под «Бон Джови», связка пластмассовых браслетов и такие же длинные клипсы. Наряд дополняли яркие тени, жуткие стрелки, красная перламутровая помада и конечно же, румяна. Модница стояла в позе победителя с двумя растопыренными пальцами на обеих руках.

— А вот эту зовут Алькой, она старше меня на два года и в то время работала на бензоколонке. Мы, кстати, в тот вечер с ней собирались совсем в другое место...

— Привет! Ну, ты что еще не готова? Опять лицезрела любимого комиссара Каттани? — По коридору яростно разлился запах «Poison».

— Привет, хммм, какой красавчик этот Микеле Плачидо, но, к сожалению — нет. Вчера принесли кулинарную книгу перепечатать, а там такие истории интересные оказались про помидоры, огурцы и другие овощи, так я не могла оторваться. Кстати, а ты знала, что помидоры, или как их там еще называют... томаты из Америки привезли, и вначале они считались ядовитыми декоративными растениями?

— Какие еще на фиг томаты?! Сегодня пятница и мой заслуженный выходной! Я и выспаться уже успела после ночной смены на заправке, а ты от помидоров «не могла оторваться», стахановка, давай соберись быстрее, — Алька подтолкнула меня в спину. Разуваться она напрочь отказалась: мол, тогда будешь собираться не час, а целых два.

— Здравсте, дядя Толя, — бросила подружка моему папе, который в майке и семейных голубых трусах, разрисованных яркими подсолнухами, старательно прокручивал на кухне мясо для фарша.

— Ой! Это кто?! — отец оторвался от мясорубки и, раскрыв рот, застыл с очищенной луковицей в руке. — Алька, ты, что ль?! А это что еще за петушинный гребень? «Я упала с самосвала, тормозила головой»? Ха-ха-ха!

— Дядя Толя, так сейчас модно! — Алька остановилась в дверном проеме и встала в позу фотомодели, крутя жутким начесанным разноцветным творческим бардаком, переходящим из натурального каштанового в желто-оранжевые и красные тона.

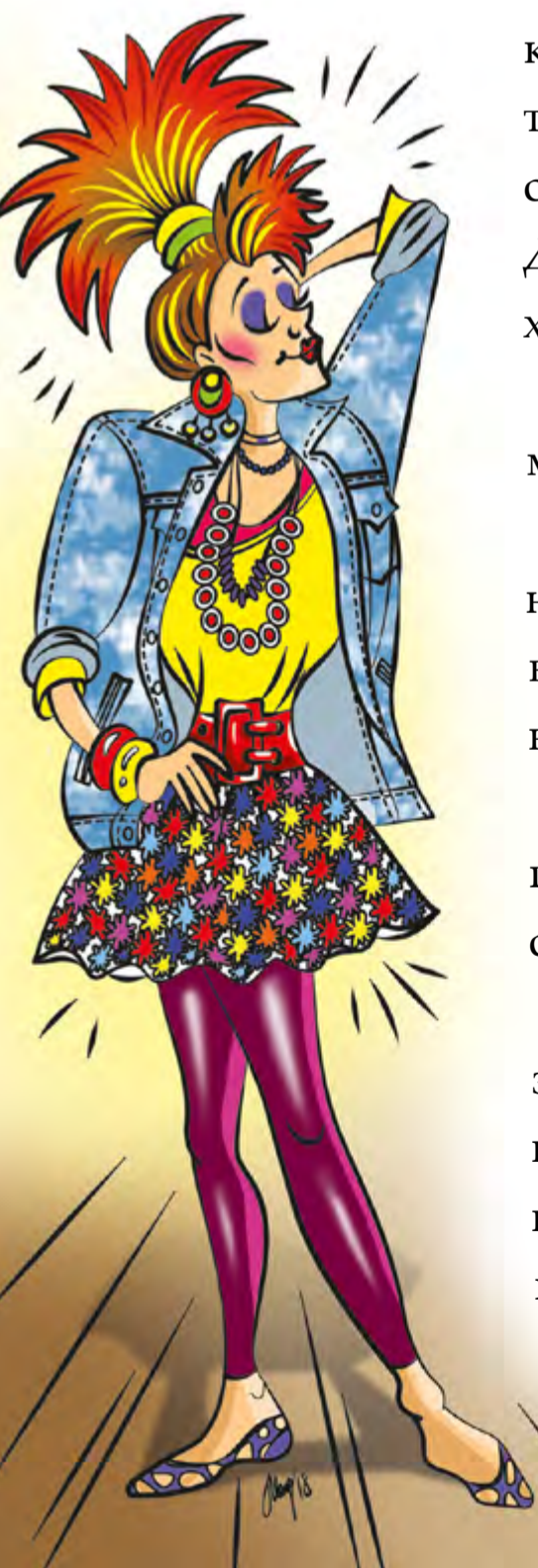
— Тьфу ты! Модница! Такой прической людей только до смерти пугать! А лицо-то, лицо-то как размалевала, у тебя что, температура? Щеки-то, щеки-то какие красные! И эта, и эта туда же, вон пошла раскрашиваться, щас замулюется и выплывет, как павлин иль хохломская роспись, ха-ха-ха! — отец покрутил пальцами возле своего лица, потом у виска и в конце безнадежно покачал головой. — Интересно, куда ж вы намылились? Лучше б на дачу с нами поехали. Я вон фарш кручу, котлеты и шашлык будем жарить, там у нас огурчики и помидорчики свои. А у тебя, кстати, наряд как раз под огород: треники, — отец посмотрел на Алкины ярко-малиновые лосины и опять засмеялся, — только зачем же ты юбку поверх этих рейтуз надела? Да еще и калоши резиновые нацепила, как раз грязь месить, ха-ха-ха!

Подружка нарочито крутанула модными фиолетовыми мыльницами, мол, ничего-то ты, отсталый, не понимаешь.

— А куртка-то, куртка-то какая заляпанная, — никак не желал угомониться «дядя Толя», — вся в непонятных разводах... Ужас! Место тебе, девка, не гульки гулять, а с нами на огороде копать!

— Это варенка, так сейчас модно! — поджав губы, почти простонала модница и покружилась, демонстрируя джинсовку.

— Ээээ-эх, совсем с ума посходили, одежду в кастрюлю засовывают! Лучше б борщи варить научились! Клушки вы, а не модницы! У вас чем чуднее, тем моднее. То ли дело в нашу молодость, девушки как девушки были, в красивых платьицах и в туфельках, аккуратно причесанные ходили...

а вы... тьфу, черт знает что, как шалавы какие-то, прости господи!

— Дядя Толя, ничего-то вы в моде не понимаете, а на дачу я к вам приеду, и сама борщ сварю, только настоящие треники захвачу.

— Дождешься вас, помощницы... Давай лучше разувайся, заходи и садись чай пить, я бутербродов сделаю. Вон у нас сколько всего, — довольный отец стал хвастаться забитым холодильником.

— Нет, спасибо, мне только водички попить, сегодня душно на улице. Алька все-таки разулась, налила воды и с кружкой пошла ко мне.

Из «Электроники 322» стремительно разливалась «Secret Land», и звонкий манящий голос Сандры так и заставлял ерзать задницу, где бы она ни находилась: «...Anybody knows what I am, Maybe you would understand...»

Алька закрутила бедрами и задергала раскрытыми, как крылья, руками, расплескивая на ковер воду из чашки.

— Ну и папа у тебя, ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля... — подружка, извиваясь в танце, подхватила мелодию песни, — настоящий приколист, веселый дядька, мне бы такого! Ля-ля-ля... Говорит, на дачу собирается, показал мне холодильник, а тот аж трещит.

— Да, они хорошо затарились. Он сегодня с Колькой, моим младшим братом, уезжает, а мама завтра, сразу после работы, так что... надо срочно что-то придумать — квартира пустая! — я крутанула звук на всю катушку и забила вместе с Алькой в танце, прыгая и размахивая от счастья руками.

— Да вы тут, совсем, что ль, рехнулись?! — грозно рявкнул родитель из раскрытой двери. Он стоял, напустив на себя разъяренный вид, с большим куском мяса в одной руке и огромным столовым ножом в другой. — А ну-ка сделайте потише, а то щас дам обеим по заднице, и не посмотрю, что уже выросли!

Недовольная, я убрала звук, подумав: «Ничего, ничего... зато завтра — свобода!..», и села краситься за маленькое трюмо.

— Это из «Ванды»? — покосилась Алька на мою косметику. — Оставляй свою польскую фигню и держи вот это! — подружка достала из объемистой сумки красную коробку с закругленными углами, напоминающую

шкатулку.

— Рира, — прочитала я. — Ух ты! Откуда такой шик?! Сколько теней! Четыре блеска для губ! Разноцветные карандаши! Обалдеть, да тут даже сиреневый есть!

— Вчера на бензоколонку знакомый фарцовщик привез, так я ползарплаты отвалила. Если бы не левые, не представляю, как можно было б жить! Так это еще не все! — Алька умело выдвинула из-под теней другие ячейки. — Четыре вида румян, кисточки, а вот здесь — тушь! Ресницы длинные-предлинные получают. Давай красься и пошли уже быстрее, курить охота.

— Даже не верится, что еще недавно приходилось в тушь плевать, — я раскрутила тюбик для ресниц и зачем-то понюхала щеточку.

— Кстати, а как по-итальянски тушь? Рира ведь итальянская марка.

— Спроси что-нибудь полегче, — я полезла в словарь. — Mas-ca-ra. Я вообще не понимаю, что я на этих курсах делаю. Правда, если все же закончу, попробую в институт иностранных языков поступать. Я ведь раньше любила учиться.

— Как завещал великий Ленин — учиться-учиться и еще раз учиться! Студентка, комсомолка! — хихикнула Алька и подошла к печатной машинке. — Ну и как продвигаются дела в индивидуальной трудовой деятельности? Лучше, чем на плодоовощной базе было? Хотя если б не та твоя база, хрена с два бы мы с тобой в автошколу попали, ведь у тебя там такие классные знакомства появились! Пятьдесят рублей, и «дело в шляпе», а ведь об этом можно только мечтать, тем более в нашем возрасте! А я вот теперь мечтаю, как я сама сижу за рулем на собственной тачке и подъезжаю к заправке, — Алька закатила глаза и, имитируя рев машины «уррыыы, рррыыыы», присела на стул и закрутила невидимый руль, нажимая на такие же педали, — а потом выхожу вся такая... такая... крутая, как наши покупательницы. Сердце так и колотится, когда я вижу, как они заправляться подъезжают!

— А мы тут с папой поехали тренировать меня водить машину. Так

я сначала автобус справа стала обгонять, а потом влетела прямо в помойку, ха-ха, так бедный родич весь побелел, а потом как заорет: «Какой же идиот тебя до автошколы допустил?!» А насчет работы и сравнивать нечего... Как тебе тени? — я развернулась к Альке. Толстый слой фиолетово-розовых теней с блестками ярко выделялся на фоне бледного лица. Подружка одобрительно выставила большой палец.

— Так вот... сама теперь даю объявления в газету, клиентов куча, звонят, привозят заказы, ночами уже почти не сплю!

Черная подводка скользила как по маслу и легко наводила длинные нижние стрелки.

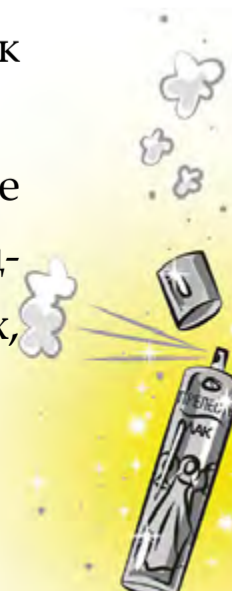
— Какой чудо-карандаш, и даже слюнявить его не надо!.. Так что получаю теперь раза в четыре больше, чем на прежней работе. Кстати, в центре открыли крутой платный оздоровительный центр — любые доктора, анализы, фитнес, массажи, душ шарко и даже иголки какие-то по всему телу вставляют. Так вот, прикинь, один массаж стоит пять рублей за раз! А делает его такой, хе-хе, симпатичный, молодой, мускулистый... массажист, он как начнет, как начнет, а у меня аж все тело заходится и даже кости трещат! Два, а то и три раза в неделю бегаю и сама все оплачиваю! И еще хожу на шарко, и на фитнес тоже.

— СтудЭнтка, комсомолка, и даже спортсмЭнка! — с кавказским акцентом засмеялась Алька.

— А где же — «и просто красавИца»?! — делая мягким «ВИ» и улыбаясь, в тон подружке спросила я. — Спасибо родителям, машинку купили, она хоть и портативная, но электрическая, строчит, как пулемет. А вот осталась бы я после распределения в Белом доме, не было бы сейчас ни автошколы, ни массажей, ни этой кормилицы.

— Ну ты как скажешь! Там у тебя было бы вообще все! Только дурак мог отказаться от такого престижного места!

— Что?! — я вновь развернулась. — Машинистка машбюро в Доме Правительства Российской Федерации? Зарплата восемьдесят рублей, подписка о невыезде на пять лет после увольнения, и не то что о капстранах,

даже о социалистических мечтать невозможно! А я не хочу сидеть, как собака на привязи, я хочу жить свободно! Так что все правильно я решила, и благодаря этому уже смогла скататься на моря в Румынию и Болгарию! — выплеснув свои эмоции, я приступила к ресницам. — Обалдеть! Эта пуповская тушь просто что-то с чем-то!.. Да, конечно, внутри Белого дома совсем другой мир и другая жизнь, один ресторан с его изысканными обедами чего стоит! У них ведь свои мясные, молочные, агрокультурные производства. Там тебе любые каталоги, мебель, книги, одежда, да все что угодно! Свои парикмахерские, кинотеатр, бассейн, и специальные детские лагеря — все только для избранных! Знаешь, что я тебе скажу? Меня тошнит от этого места и ему подобных! Посмотри, лучше, как я глаза покрасила.

— Еще чуть стрелку загни наверх, давай-ка я подправлю, — подружка взялась за карандаш. — Еще чуть-чуть... вот так. А как ты вообще на этот Олимп взобралась?

— Как, как, — я закартавила, рисуя на губах бордовый контур, — мама позаботилась, вот меня туда и распределили. Бедная, неизвестно сколько денег отвалила или подарков сделала, а я «финт ушами» выкинула, там все в шоке были, и учителя, и те, что в Белом доме нас тестировали. Помню, собрали нашу группу на линейку и говорят: «Практика, девочки, закончилась, но зачислим мы не всех». И начинают фамилии неудачниц объявлять, а те в слезы, в сопли... Вот и губки, ля-ля-ля, готовы... — я удовлетворенно чмокнула воздух яркими перламутрово-розовыми губами. — Может, контур еще чуть поярче?

Алька отрицательно покачала головой.

— Короче... — я принялась за румяна. — А потом с поздравлениями речь толкают, мол, так и так, остальных берем и поздравляем с удачным окончанием испытательного срока и будем рады работать вместе. Я тут руку поднимаю и говорю: «Спасибо, конечно, за доверие, но я у вас не останусь». Там так все и сели. Тетка самая главная, заикаясь, спрашивает: «Маша, а ты хо-о-оть понимаешь, от чего т-т-ты отказываешься?» Я говорю: «Да, я все отлично осознаю и нахожусь в полном понимании и здравии». Она разводит

руками и говорит: «Вот т-т-такого мы здесь е-е-еще не видели!» Ха-ха. Вот так я после этого и оказалась на плодоовощной базе, где меня еще и на телетайпистку выучили. Да... хорошее место было, а прямо напротив — мясокомбинат, так мы туда на обеды бегали, там так вкусно готовят, почти как в Белом доме! И коллеги мне нравились, и телетайп — крутая штука, и за границу по путевке съездила — спасибо родителям, оплатили, и директор наш, армянин, классный оказался, баловал меня подарками и не особо часто заставлял чаек носить... Кстати, — я перешла на шепот, — поговаривали... что у него столько денег, что он дома сделал золотыми даже дверные ручки в туалете!..

Я закончила с косметикой и встала со стула.

— В общем, неплохо мне там жилось, но свобода есть свобода, и индивидуальная трудовая деятельность — это как раз то, что мне нужно! Слава Перестройке, слава Горбачеву! — я засмеялась и посмотрела на свое отражение в большом зеркале на дверце гардероба. — Ну вот, теперь можно одеваться.

На кровати лежала белая шелковая блузка с большими подплечниками, джинсовая юбка и широкий ремень.

— Это та рубашка, которую ты сама себе сшила? Ух ты, отлично получилась! — оценила Алька. — А сейчас что шьешь?

— Черную юбку с клиньями, но только потом покажу.

Пока Алька начесывала мою «рваную» челку и легкую завивку по плечи и заливала все это бронебойным лаком «Прелесть», мы обсуждали предстоящий вечер: сначала поедем на рынок за нижним бельем — давно уже собирались, потом на встречу с новыми ребятами — несколько дней назад мы с ними познакомились.

Закончив укладку под названием «Мадонна отдыхает», надушенные и разряженные мы, как сказал бы папа, «выплыли» из комнаты.

— А ну-ка, покажись, — родич выглянул из кухни и вновь засмеялся. — Ой, не могу, еще одна слетела с самосвала! Да вы как две матрешки! Это тебе Алька, что ль, по харьке надавала? Глазищи-то, глазищи-то, как будто

кто фингалов понаставил, ха-ха-ха! А чего чулки-то нацепила рваные?

— Папа! Хватит дурака валять! — от отцовских шуточек я потеряла терпение. — Они не рваные, они в сеточку. И не чулки это вовсе, а колготки! Всё, мы пошли гулять, пока!

— В сеточку-ууу? — у шутника вытаращились глаза и поднялись брови. — Так значит, ими рыбу можно ловить, ха-ха-ха! Ну и чудики, как понапридумывают! Ладно, модницы, идите, идите... хорошо вам погулять, только чтоб не допоздна! — заботливый родитель погрозил своим толстым, как сарделька, пальцем и закрыл за нами дверь.

Как оказалось, на улице прошел хороший ливень — увлеченные беседой, мы его даже не заметили. Алька раскрыла рот и, будто запасаясь кислородом, глубоко вдохнула влажный воздух.

— На, держи, вчера разжилась вместе с косметикой, — она протянула мне зеленую пачку с надписью «Salem».

— А чего так странно пахнет? — я покрутила сигарету.

— Деревня, они ж с ментолом! — затянувшись, сумничала «городская», и мы направились к остановке.

Циферблат на модных миниатюрных пластмассовых часах подружки показывал ровно два пополудни.

— Сколько можно ждать этот дурацкий автобус?! — Алька нервно зажгла еще одну сигарету и, подойдя к бордюру тротуара, встала возле огромной грязной лужи. — Давай на тачке, хотя бы до метро?

Не успела она протянуть руку, как внезапно, бороздя со свистом воду, пролетел старый бордовый жигуль, и стоящая модница в одночасье превратилась в нимфу, воспрянувшую из просторов океана. Обтекая, русалка зарделась, будто от потухшей в руке сигареты, и выдала вслед бордовому засранцу отборную трехэтажную нецензурную тираду. В этот момент подъехал долгожданный автобус, я схватила разъяренную подружку и силой затащила ее в транспорт.

— Какой гандюк! — плюхнувшись на сиденье, не успокаивалась мокрая щеголиха, соединяя воедино «индюк» с синонимом слова «презерватив». —

Теперь не только трусы, а всю одежду придется покупать! Не идти же мне в таком виде на свидание!

Шипя колесами по мокрому асфальту, желтый ЛиАЗ-677, раскачиваясь и ревя, катился в сторону метро «Коломенская». Приятное влажное дуновение влетало через открытые окошки, нежно лаская измученный транспортным зловонием нос, и наполняло ноздри свежим, вкусным ароматом.

«Остановка «Диспансер», — мужским баритоном объявил голосовой автоинформатор, недавняя новинка московского автотранспорта.

Я тут же почувствовала, как покрылась мурашками, и что-то неприятное разлилось по всему телу:

- Ты знаешь, я как здесь проезжаю, у меня сердце уходит в пятки!
- Почему? — удивилась начинающая подсыхать Алька.
- Да я и сама не знаю... Это туберкулезный диспансер, а моя прабабушка Маша, в честь которой меня назвали, умерла за два года до моего рождения как раз от этой болезни. Мама так сильно ее любила, что чуть ли не каждые выходные возила меня с собой на кладбище — прабабушку похоронили здесь, в Москве, хотя сама она была из Брянской области — и мама постоянно мне рассказывала о том, какая она была хорошая и добрая, прожила трудную жизнь, много работала, всегда всем помогала, жертвовала собой и поэтому заболела и умерла. Я эту прабабушку очень люблю, хотя никогда ее не видела, но вот почему-то... мне всегда жутко, когда объявляют эту остановку...

— В наше время от туберкулеза не умирают, нам всем прививки делали, ты что забыла? Так что успокойся. На-ка вот лучше ириску пожуй, только смотри, без зубов не останься, — Алька, вернувшись в свое нормальное состояние, засмеялась и протянула мне «Кис-кис» — эти зубные присоски опасней всяких недугов и болячек.

Пока мы неслись по подземным туннелям московского метрополитена, погода на счастье, разгулялась. Рынок, окутанный яркими лучами, словно могучий океан, клокотал под музыкальное сопровождение новинок советской и зарубежной эстрады и аппетитно благоухал жареными шашлыками,

чебуреками и пирожками. Залитая солнцем серая одноликая человеческая масса как будто окрасилась в разноцветные тона и, гудя, толпилась возле прилавков, плавно перетекая в многочисленные ларьки и магазинчики-палатки. Здесь же, выстроившись в линейку, с товаром на руках или на какой-нибудь подстилке, стояли продавцы-одиночки: бабульки в подвязанных платочках, пожилые женщины и, конечно же, мелкие спекулянты.

— Смотри, я уже почти высохла, — довольная Алька потерла о себя руками. — Правда, лосины все грязные, надо новые купить, но давай сначала как хотели — за бельем.

«Бойс, бойс, бойс...» — закричала из проходящей мимо палатки Сабрина — новая итальянская поп-рок звезда.

— Бойс, бойс, бойс... — пританцовывая, подхватила я. — Ты даже не представляешь, как мы с Катькой забивались под этот музон в Болгарии. Боже, как же там было классно! Море, солнце, а какие бары, дискотеки! Когда-нибудь облечу и увижу весь мир!

— Мужик хороший для этого нужен. Я его хочу с деньгами!

— А как же любовь?

— Вон, моя мама влюбилась и в результате растила меня всю жизнь одна. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда... — задумчиво-грустно процитировала народную мудрость подружка.

— Нет, для меня все не так! Я хочу любви! Хочу любить и быть любимой — с милым рай может быть и в шалаше! И вообще, если есть любовь, неважно, сколько денег, мы их вместе заработаем, вдвоем все сделаем и всего добьемся!

— Ну и дура, — сделала короткое заключение подружка и спустилась в небольшую подвальную «будку», продающую нижнее белье и аксессуары.

Кавказский товар с сомнительным качеством все же заставил сердце учащенно колотиться, покоряя обширным выбором и красивым видом: трусы «неделька», белье кружевное, вышитое, разноцветное, с наклейками, и даже прозрачное! А какие пеньюары! Глаза, округлившись, разбегались,

душа, вырываясь наружу, скакала от витрины к витрине и готова была оставить в этом подвале все до последней копейки. По счастью, где-то в глубине серого вещества блюло недремлющее око, и, неустанно перебивая скачущие мысли, твердило: «Трусы по пять рублей и массажи — по пять! Выбирай!» После долгой битвы победили все же массажи, и где-то часа через полтора, замучив вконец продавщиц, я купила «недельку», вышла на улицу и побрела искать подружку, которая раньше меня благополучно закупила кучу белья (а работа на заправке ей это позволяла!) и улетела за лосинами.

— Дочка, возьми платок, — почти вековая, вся сморщенная бабулька с яркими не по годам глазами протянула кусок белого полотна, когда я проходила мимо.

— Спасибо, бабушка, но мне платок не нужен.

— Нужен, милая, нужен. В церковь с непокрытой головой неподобающе входить.

— А я не собираюсь в церковь, — сказала я и с сожалением подумала: «Эх, возраст! Из ума выживает бедная женщина...»

— Собираешься, хорошая моя, собираешься, — ласково настаивала старушка. — Собираешься свечку поставить святому Николаю Угоднику.

Мне вдруг стало не по себе и я испугалась: «Что еще за предсказанья такие?» Дрогнув голосом, я спросила:

— Зачем же мне свечку ставить?

— За исполнение желания, детка, за помощь и удачу. Встреча у тебя сегодня будет... бери платок и быстрее беги в...

— Машка! Ну ты где таскаешься?! Я замучилась тебя искать! — Алькин рев заставил меня обернуться.

— Да тут я, чего кричишь. Видишь, с бабушкой разговариваю.

— С какой еще бабушкой? А это что за тряпка? — подружка указала пальцем на мою правую руку, в которой, к моему удивлению, находился старухин платок. Я тут же повернулась, но старушки рядом не оказалось.

— Алька, ты не поверишь... короче, пошла я тебя искать... — я с возбуждением принялась рассказывать о произошедшем.

— Ага, — не дослушав, перебила Алька. — Давай, давай, надевай белый платочек. Встреча у тебя точно сегодня будет... и знаешь где и с кем? В Кащенко, с главным тамошним психиатром. Скоро не только белый платочек, но и белую смирительную рубашечку наденешь... — смеясь, съехидничала подкольщица.

— Да я тебе говорю — точно старуха была, ну откуда у меня этот платок в руках взялся?

— Ой, у тебя все одна чертовщина — то духов она вызывает, то в космос ночами летает, то теперь бабок-невидимок встречает.

— Вот же неверующая Фома! Бывают ведь всякие ведуньи, феи, наконец, колдуньи! Мне в детстве, например, одна такая заговорила ухо, врачи столько месяцев чем только не лечили и ничего не вылечили! А она за пару дней одними молитвами боль сняла, и с тех пор по сей день никакое, тьфу-тьфу, ухо не болит! Я — верю! И говорю тебе, что мне надо срочно в церковь, свечку поставить!

— Да ты с ума сошла?! Какая свечка?! У нас же встреча через два часа! Да и где ты вообще открытую церковь сейчас найдешь?

— Я знаю где! У нас, в Коломенском! Моя московская бабушка, мама папы, ходит туда молиться по вечерам каждую пятницу.

Алька недовольно скрежетнула зубами, и мы помчались к метро. Давка в смрадном вагоне заставила подружку выразиться совсем не по-божески, после чего начался разговор:

— А вот моя бабушка всю жизнь была партийной — ни о каких церквях разговоров никогда у нас не было.

— Правда? Знала бы ты, как там интересно, и запах такой необычный, свечки везде горят. А моя всю жизнь верующая и меня в детстве часто с собой брала, и я даже причащалась, подходишь к попу, он тебе сначала чего-то попить дает, а потом кусочек белой булочки.

— Делать больше нечего... Вон тебе рогалик за три копейки в булочной.

— Рогалик простой, а вот эта — освященная.

— Освященная, просвещенная, крещеная — все одна ерунда, — Алька надела скептическую мину.

— А мне так нравились бабушкины рассказы про бога, про рай...

— Ха! Ты, может, еще и в ангелов веришь? Сказочница...

Рассказы бабушки действительно были похожи на сказку, но как же я, первоклассница, их любила!..

— Красавишка моя, иди же, я тебя потискаю, — упитанная пятидесятилетнелетняя бабушка, завязав фартук, принялась жмякать меня, как плюшевого мишку, и чмокать в щеки, — поди, устала в школе? Помой ручки и садись за стол, скоро кушать будем. А пока я тебе вот про эту книжку расскажу, она очень интересная.

— А это сказка, бабушка? — пухлыми ручками с ямочками я потрогала толстенную, в красной обложке, книгу.

— Нет, лапочка, все, что там написано, это правда, ты, главное, верь... — она поставила кастрюлю и сковородку на плиту и начала рассказ.

— Жил-был Бог, и решил он сотворить мир...

— А кто такой Бог? — я ерзала на табуретке в ожидании обеда.

— Бог — это наш создатель, он создал всё, что ты видишь.

— И тебя создал?

— И меня, и тебя, и маму, и папу, и всех людей на свете, — сковородка зашипела, и по кухне разнесся аппетитный запах котлет.

— А какой он, бабуля?

— Он мудрый и всеведущий, знает про всё и про всех, от него ничего не утаишь... а еще он добрый и хочет, чтобы мы, люди, были счастливы. Ух, какой борщичек... — рассказчица приоткрыла кастрюлю и потянула носом.

— А на кого он похож?

Бабушка взяла половник и на секунду задумалась.

— А похож он... на Деда Мороза с длинной белой бородой.

Разлив борщ по тарелкам, повествовательница принялась красноречиво описывать сотворение мира: как Бог создал небо и землю, воду и свет, растения, птиц, разных животных и людей, и как он после этого отдыхал в последний, седьмой день.

— И нам, людям, Бог наказал в воскресенье отдыхать, а кто работает, тот делает грех.

— Бабушка, а что такое грех? — я вяло крутила ложкой в тарелке.

— Машенька, первое обязательно нужно кушать — оно для желудка полезно, ты же послушная девочка, давай еще сметанки подложу... А грех — это когда человек делает что-то плохое, неудобное Господу, и поэтому, когда грешник умирает, он отправляется под землю, в ад, где живут бесы, а еще их называют черти — но так говорить нельзя, боженьке неудобно это слово.

— Бабушка, я не хочу в ад, к бесам, — поежившись, я заработала ложкой, чтобы боженьку не рассердить.

— Ну что ты, милая, ты же хорошая девочка, для таких уготовлен боль-

шой цветущий сад на небесах, с озерами и реками, он называется Раем. Там живет и сам Бог, и все его ангелы, и разные животные, птицы, рыбы и хорошие люди. Там никто никого не обижает, не убивает и не ест, никто ни с кем не ругается, и все всегда живут веселые и счастливые, в мире и в радости, в любви и наслаждении.

— Я в рай хочу, к Богу! Там у меня будет котик и собачка!

— Ты обязательно попадешь туда, и около больших расписных ворот встречать тебя будут ангелы господние и все мы — твои родные: бабушки, дедушки — хотя... — бабуля, понизив голос, задумалась, — насчет дедушек я не знаю... навряд ли они туда попадут... негодяи эдакие, издеватели...

Быстро спохватившись, она продолжала:

— Так вот... и родители, и все мы будем тебя встречать и счастливо там жить. Так что люби Боженьку, Машенька, но пока не думай об этом, жизнь тебя ждет еще очень длинная...

Глава XV

Путешествия былые и грядущие

В самый неподходящий момент затрещал ненавистный телефон, и тут же райские небеса рассеялись вместе с поблекнувшими детскими воспоминаниями.

В такое позднее время мог звонить только один из заказчиков по поводу какой-нибудь срочной работы.

— Ребята, очень жаль, но мне пора спускаться, — объявила я, ответив на звонок.

— Уффа! — недовольно фыркнула Але. — На самом интересном!

— Обещаю, завтра будет продолжение.

В объятиях любимых подушек я оказалась уже поздней ночью. Вдохновенная прослушанным еще как минимум два раза «Секретом», я горела желанием действовать, и поэтому, несмотря на поздний час, приняв удобное положение, я закрыла глаза и решила заняться визуализацией. Тут же вспомнился сюжет из фильма, где актер, сидя в кресле, разыгрывает сцену за воображаемым рулем своей солидной тачки. Срабатывала, оказывается, не столько сама фантазия, сколько эмоциональные ощущения реальности этого развлекательного представления. Меня вдруг осенило:

«Кстати! А ведь и Алька это делала! И хотя она просто постоянно дурачилась, крутя руль и нажимая на педали, но машину-то она действительно быстро тогда купила, причем, несмотря на все трудности!» Восторг породил жгучие мурашки, вызвавшие испарину, и уставшее тело окуталось приятным расслаблением и сладостной негой.

«Только не спать! — сказала я сама себе, пытаюсь держать контроль над начинающими путаться мыслями. — Ну, давай...»

Я попыталась представить просмотренные фотографии Новой Зеландии и пейзажи, о которых читала...

«Вот они — зеленые поля, прозрачные озера, скалистые заливы, подводные пещеры, белоснежные горы, — сюжеты прокручивались, как в кино-

ленте, — а вот — неопикуемой красоты просторы... торы... торы...»

Я почувствовала, что засыпаю, но усилием воли постаралась взбодриться.

«А это стадо шерстяных овечек... а еще бескрылые киви с клювом как иголка, а вот совиный попугай какапо, а вот... от... от...» — сон все больше овладевал сознанием, и воображение начало путаться, переплетаясь с впечатлениями прошедшего дня.

«Красота-то какая! Так где же это я? Ах да, я в Новой Зеландии! А кажется, что в Раю... — внезапно перед глазами появилась моя московская бабушка. — Бабуля... а вот и тарелка борща — а первое надо кушать, я же хорошая девочка и к бесам не хочу, а хочу в Рай... Рай... Рай... или подожди, я ведь хочу не в Рай, а в Новую Зеландию хочу...»

Перед взором неожиданно встали высокие расписные ворота, а по обе стороны — два человека в длинных белых туниках необычного роста и неопределенного пола и возраста.

«А это еще кто такие? Оказывается, в этой чудо-стране не только звери и птицы, но и люди живут необычные...» — подумала я, как вдруг из-за спин этих странных существ расправились огромные белые крылья.

«Обалдеть, это же Ангелы Господни!»

Возле ворот толпился народ, и я подумала, окончательно проваливаясь в сон:

«Эта очередь наверное ведет ко входу в Окленд, я же туда лечу на встречу с Тоддом... или... на встречу с... с... вкусным сливочным мороженым за семьдесят копеек, политым шоколадом и посыпанным орешками... и имя его... не Тодд, а... «Космос».

— Совсем офигели, очередина в этот «Космос» занимает всю улицу Горького! — преувеличила Алька и, свернув наискось мину, полезла в сумку за сигаретами. — А все ты со своей дурацкой свечкой! Ничего не скажешь:

выходной выдался на славу! Покаталась в вонючих автобусах и затхлом метро и еще постояла, как дура, возле церкви, пока набожная молиться ходила за успех сегодняшней встречи, ха! Хочется плакать!

— Ну тебе же смотрительница платок давала. Ты сама ведь отказалась, — оправдываясь, перебила я.

— Ага... сама такой надевай, да и моя прическа?! Во что бы она превратилась?! — Алька потрогала свой ерш и глубоко затянулась.

Платок точно не смог бы испортить цветной ерлаш подружки, но спорить не хотелось — я все же чувствовала себя виноватой. Выскочив из церкви и рискуя содрать обе пятки новыми, купленными недавно у фарцовщика лодочками, я помчалась с подружкой на встречу. Увы, это свидание не смогла спасти даже самая лучшая в стране машина — «Волга». За целых три рубля эта не первой свежести призерка, словно кляча Дон Кихота, реванула мотором и, завизжав колесами, помчалась на улицу Горького к центральному телеграфу. Старанья старушки были напрасны — ребят там уже не оказалось.

— Ну что, довольна?! Классно ж твоя свечка помогла! — Алька широко раскрыла рот и разразилась, словно стадо овец, пятиминутным неумолкаемым бляением.

Закончив, она спросила:

— Что будем делать?

— Есть мороженое с шоколадной глазурью, пить коктейль, а если денег хватит, что-нибудь покрепче. Выбирай — в «Московское» или в «Космос», оба кафе на другой стороне улицы.

— В пятницу очереди везде часа на два... В «Космос», ведь там дядя Вова Динкин на дверях... — пробурчала недовольная Алька и направилась к подземному переходу.

— Привет, красотки! — перед нами как из-под земли выросла Дин-

ка. — Давно стоите? Жалко, не смена Вовчика сегодня. Чего меня с собой не позвали? Я звоню одной, звоню второй, а они уже убежали.

— Потому что у нас теперь новые развлечения... — с ядовитой улыбочкой косясь на меня, начала Алька. — Ты же ведь любишь бегать по интуристам... а мы вот теперь... любим бегать по церквям.

— Совсем, что ль, спятили? В монашки собрались? — Динкино и без того длинное лицо вытянулось, и изо рта вылетело совсем неприличное конское ржание.

Впереди стояли пятеро ребят в фирменном прикиде. Услышав гогот, они оживились.

— Маремма бухайола ке белла...² Из длинной фразы мы с Динкой уловили только слово белла, что в переводе означало красивая. Жеребица тут же поубавила звук и, кокетливо улыбаясь, покосилась в сторону ребят, одновременно заговорщически нашептывая:

— Это же итальяшки... вы что, их даже не заметили? Сколько в очереди стоите, могли бы уже познакомиться! Ну что за лохушки такие!

— Да прямо тебе — итальяшки, это наши утюги, прикидываются иностранцами, а то мы не видали таких, одно слово-то и знают — белла, — по-знатоцки высказалась я.

— А вот мы сейчас и проверим... У меня глаз-алмаз, заточен на интуру, — заявила Динка и полезла в сумку. Через секунду она усердно зажигала сигарету, но противная зажигалка никак не выпускала огонек.

— Да чего ты мучаешься, на, возьми... — я попыталась протянуть ей свою.

— Убрала быстро!.. — со стиснутыми зубами промычала Динка. — Для таких случаев я всегда ношу с собой сломанную зажигалку.

— Per favore avete ascendino? — Аферистка развернулась к группе и, старательно изображая итальянское произношение, хоть и не совсем грамотно, но довольно сносно спросила: «Пожалуйста, не найдется ли у вас зажигалка?»

² Непереводимый флорентийский народный фольклор.

— Ma tu parli l, italiano!

Начались восторженные восклицания по поводу Динкиного итальянского:

— Мы еще в этой стране никого не встречали, кто бы говорил по-итальянски!

Полилась болтовня, и за шуточками, хихиканьем и хахаканьем время пролетело быстро, мы даже не заметили, как подошли к долгожданной входной двери кафе.

— Слушай, а на тебя все время пялится вот тот с кудряшками, — Алька толкнула меня в бок локтем. — Ага-га! Да я смотрю, и ты аж глаз с него не сводишь... ну и дела... вот тебе и свечка! Завтра лечу на рынок вылавливать твою бабуся с платочком, пусть меня тоже в церковь отправит!

Ночную глушь разодрал свирепый мотор мотоцикла и, вздрогнув, я вышла из полудремы.

«Ну как же эти ночные гады надоели!» — телефон показывал три часа. Я с досадой вспомнила, что когда легла в постель, собиралась заняться визуализацией, которая так и не получилась. Поерзав и покрутившись с боку на бок, я ощутила, что сон прошел, и решила опять попробовать — села удобно на кровать, облокотилась на спинку и начала...

Вот она — Новая Зеландия...

Вновь пронеслись фотографии и пейзажи.

А это Окленд...

Я тут же представила оклендскую телевизионную башню, торчащую над городом.

А теперь я смотрю на фото дома Тодда. По счастью, я знаю, как называется самый богатый район Окленда, где он и живет. Ловлю такси и еду...

Впереди замелькали роскошные особняки. Таксист замедляет ход... я смотрю по сторонам, но нужной виллы не вижу. Выскакиваю из машины и со страстью полицейской овчарки начинаю бегать по кварталам. Тоддов-

ского дворца не видно... я почти теряю надежду, как вдруг!.. Боже мой! Вот он! Вот он — трехэтажный дом моей мечты! А вот она — любимая лужайка! Словно гончая с высунутым языком, я подбегаю к железному забору и врезаюсь лицом в решетку. Не могу поверить своим глазам — я его нашел! Сердце колотится от возбуждения и радости!..

Ух ты! И ведь действительно колотится!

Так, стоп! Стоп! Не пойдешь же ты на встречу в мыле после часовой пробежки на каблуках? Срочно сигай в такси и дуй в гостиницу приводить себя в порядок. Адресок только не забудь записать!

Отлично! Отлично! Продолжаем...

Наичистейшая, разодетая, разукрашенная и благоухающая, я вылезая из такси. Жму на звонок...

Сердце стучит так, что я его даже слышу! Да, я реально его слышу! Лежу сейчас в кровати и слышу, как оно колотится. Ощущения, как наяву — в действительности! Ура! У меня получается!

Дальше...

Из домофона раздается голос: «Кто там?»

«Это я — почтальон», — первое, что приходит в мою головушку, видно, под воздействием любимого в детстве «Простоквашино».

Очнись! Ну какой еще почтальон?!

«Сюрприз», — переигрываю я. Ведь я действительно сюрприз.

Через мгновение открываются ворота, и я вхожу. На крыльце стоит ожидающий «сюрприз» Тодд, одетый в свой утренний наряд. Под его ногами крутится Зевс. Направляюсь в их сторону и вижу, как ветвистые брови мужчины поднимаются, глаза округляются, а лицо вытягивается.

Неожиданно воображение заупрямилось, и вместо желаемого счастливого конца получилось что-то совсем непредвиденное.

— Ты зачем сюда приехала?! — гневно заорал Тодд. — Что тебе здесь надо? Не хочу я тебя видеть! Ты меня обидела, и я не собираюсь с тобой разбираться!

Зевс в тон хозяину забился в тьяканы. Я со слезами на глазах попыта-

лась промямлить:

- Тодд... ну я только хотела...
- Уходи отсюда, я тебе говорю!

И я, несчастная, содрогаясь от рыданий, вышла за ворота. Открыв глаза с текущими от жалости к себе слезами, я возмутилась:

«Я тебя зачем визуализировать отправила?! Откуда эта чушь взялась? Быстро обратно к воротам!»

И вот я опять у ворот. Жму на звонок.

- Кто там? — из домофона.
- Я заблудилась, не могли бы вы мне помочь?
- Хорошо, минуточку, я сейчас выйду.

Через пару минут появляется Тодд и удивленно смотрит на меня. Зевается у него под ногами.

- Чем я могу вам помочь?
- Тодд, я вот... проездом... — пытаюсь улыбаться.
- А, собственно, вы кто? — не понимает Тодд.

«Вы кто?! Это как же прикажете понимать? Я, как последняя дура, лечу через всю планету, а он — вы кто? Ну нет уж! Этого я просто так не оставлю!»

— А ты, оказывается, действительно, подлец! Как это «вы кто»? Это я, та, которая самая *Особенная*, и прилетела с другого конца света, между прочим!

- Успокойтесь, и попрошу не беспокоить...
- Я тебе сейчас покажу «не беспокоить!»

Руки в боки, и понеслась душа в рай... Ругань, крики, визги, в ход пошли пощечины, и непонятно откуда в руках оказалась швабра. Сцена закончилась надеванием наручников на мои белые запястья и усаживанием в полицейскую машину. От нелепой картины пробил холодный пот и стало жутко.

Дубль три, и я опять у ворот. Жму на звонок, но вижу табличку: «Уехал в командировку, буду через месяц».

Почти разочаровавшись, я все же решила попробовать в последний раз.

И вот я уже у крыльца... Но вместо Тодда появляется длинноногая молодая блондинка, изящная, как Наоми Кэмпбелл, и красивая, как победительница конкурса красоты. С восточнославянским акцентом она произносит:

— Вы к кому?

Мой рот категорически отказывается открываться, и я не в состоянии даже промычать что-нибудь.

Она непонимающе смотрит и кричит куда-то в дом:

— Любимый! Здесь какая-то Пышка возле дверей. Ты в гости никого не ждал?

«Пышка?! Да что ж за чертовщина?! Все! Хватит с меня этих визуализаций! Во всяком случае, на сегодня! Сначала почитаю умные книги, а потом только за дело!»

Глава XVI

Доска визуализации

На следующий день, расправившись со срочными делами, я вытащила из подсобки начатую когда-то доску визуализации и улыбнулась. На ней до сих пор висела фотография длинноволосой брюнетки в купальнике на фоне бирюзового океана. Словно родившаяся Афродита, богиня, окутанная таинственностью, выходила из моря и покоряла взгляд своей женственностью и изящными очертаниями.

Я выловила эту nereиду на просторах Интернета и, влюбившись в ее сексуальное тело, распечатала несколько копий красоты, наложив, для большего эффекта, поверх ее лица собственную мордашку. Один коллаж я прикрепила в центре доски, а остальные развесила по всей мастерской.

Взгляд пробежался по помещению... Запылившиеся картинки до сих пор висели на своих местах.

Раздался стук в дверь.

— Ну привет, дорогуша! — Милка с распростертыми объятьями впорхнула в офис и, расцеловав меня в обе щеки, бесцеремонно плюхнулась в рабочее кресло. Рыжая, завязанная в конский хвост грива взметнулась волной за плечами. — Что нового? Вау! Ты вновь вытащила доску, какая молодец! Правильно — лучше поздно, чем никогда! С ума сойти, как действует на тебя книжка Ричарда!

— Да... я вот тут подумала, что... — начала было я, но энергичная голубоглазая Дюймовочка продолжала трещать, словно саранча, без остановки:

— А эта милашка с твоим лицом тебе так идет! Ты только посмотри — ведь еще совсем чуть-чуть, и ты станешь прямо как она!

Милка вскочила с кресла и, схватив меня за руку, потащила к зеркалу. Не успела я подумать: «Ну что за чушь она несет?..», как сценаристка стала ставить меня в позу:

— Так... Тебе надо создать загадочный вид. Смотри, как эта девица соблазнительно склонила головку, — подружка настойчиво толкнула мой затылок, — ее лицо едва лишь видно.

— А теперь... — Милка задумалась и безнадежно закачала головой. — Ты стоишь ну прям как бабка!..

Она тут же схватилась за плечи и потянула назад несчастный захрустевший хребет.

— Не кряхти, баба Маруся, не кряхти, мы выправляем стойку! Смотри, какой здесь стан, какая грациозная осанка! — продолжала, тыча в доску, подружка. — Голову только не поднимай... Не поднимай! Стой так! Теперь... где твои очки от солнца?

— На полке возле стола, — проговорила я, боясь пошевелиться. Милка тут же сунула мне их в правую ладонь.

— Отлично, прямо как на фото... теперь слегка размахиваешь вот этой рукой и выставляешь правую ножку вперед, ну... давай же! Давай грациозно, как она, будто выходишь на берег, — подружка нетерпеливо схватила мою ногу — от неожиданности я чуть не завалилась на пол — и, сделав усилие, переставила ее вперед.

— Вот... Теперь замри, замри вот так, — режиссёрша обошла мой силуэт. — Жалко только, что больших сережек кольцами у тебя нет, а то получилась бы настоящая копия этой фотографии! Сууу-пер!

Я приподняла брови и посмотрела в зеркало. Сравнить увиденное изображение с любимой фотографией можно было так же, как гадкого утенка с лебедем, или, как в моем случае, поросенка со стройной газелью.

— Ну что за чушь ты здесь несешь?! — я все же не выдержала и, выплеснув мысль в голос, вышла из позы. — Какая копия?! Ты вообще о чем?!

— А... ты про длинные черные волосы? Так мы парик тебе найдем.

— Ты издеваешься, что ли? Про какие волосы?! Какой парик?! Я про сорок лишних килограммов! Ты хоть рассмотрела ее точеные ножки?! А тонкую талию?! Здесь сравнивать можно лишь сиськи! С той разницей, что у нее сексуально пышная грудь, а у меня — коровье молочное вымя!

— Фу! Ну как же ты себя не любишь, Маша! У меня нет больше слов! — глубоко вздохнула Милка и тут же разразилась еще большим словесным поносом. — Ты что, забыла, какой ты была после развода всего лишь год назад? Напомнить?! Ведь ты за это время сильно изменилась: постройнела и похорошела! Сколько в тебе было килограммов?

Я нервно отвернула голову.

— И не надо, и не говори. Я сама все помню, ведь это я тебя тогда на весы поставила! В тебе было сто десять килограммов, сто-де-ся-ть! — отчеканила Милка. — А в гардеробе пара старых маек-размахаек и двое безразмерных джинсов. А сейчас ты весишь не больше девяноста пяти, и у тебя забитый отличными вещами шкаф! И хотя в последнее время ты перестала худеть, все равно нужно летать от счастья и быть благодарной, позитивно настроенной, и постоянно видеть себя стройной и красивой!

Я вздохнула: все равно в Милкину речь слова не вставишь.

— Неужели непонятно? — Милка подошла к одной из развешанных фотографий и, ткнув в нее пальцем, продолжала. — Скорее всего, именно эти картинки тебе помогли. Твой мозг, видя постоянно на них твое лицо стал воспринимать тебя худышкой и притянул нужную ситуацию, чтобы ты закрыла рот и перестала есть!

— Да уж, — усмехнулась я, — а кроме развода с мужем он ничего другого притянуть не мог?

— Притянул то, что для тебя было лучше всего, и результат налицо — больше десятка килограммов ушло, и ты наконец-то вновь расцвела! Но вместо радости я слышу только жалобы и нытье! Лучше бы входила в роль и изображала сценку с фотографии, вот так, как я, — Милка схватилась за очки и сама встала в позу девицы. — Представляла бы себя сексуальной стройняшкой, забавлялась бы этим и поднимала себе настроение! Но что с тобой разговаривать... — подружка сбавила пыл и обиженно закончила, — толку-то все равно нет. Я пошла наверх за Жориком, приятно оставаться, нытик.

За Милкой захлопнулась дверь, а я почесала в затылке:

«И действительно, и чего я все время ною? Она ведь права, я уже и так хорошо похудела, даже страшно вспоминать, что было год назад...»

— Ой не могу, сейчас упаду! Как можно работающего человека оставить без личного транспорта?! Техосмотры придумали только для того, чтобы усложнять людям жизнь! — сурово пробурчала я и, задыхаясь, остановилась возле витрины магазина. Ноги ныли и дрожали от непривычной нагрузки, ляжки пылали, натершись даже через обтягивающие плотные джинсы. Банк находился метрах в семистах от дома, но мне казалось, что я ввязалась в непреодолимое кругосветное путешествие. Идти дальше сил не было, пришлось опереться о «проходящую» мимо стенку.

— Женщина, вам плохо? Помощь нужна? — возле меня вырос дедок в спортивном костюме, годков под восемьдесят. Он явно собирался на пробежку.

Я удивилась:

— Да, нет, ну что вы? Спасибо, я в порядке.

— Точно? А то у вас вид уж больно нездоровый, — заботливо проговорил доброжелатель и затрусил мелкой рысью в сторону парка.

«Вид уж больно нездоровый?» — вопросительно повторила я и посмотрелась в стекло витрины. Бесформенная глыба с оплывшим лицом сутуло стояла на тумбообразных, плотно прилипших друг к другу «ножках». «Это кто там стоит?» — пронеслось в голове, и тут же охватил дикий ужас. «Боже мой! Да это же я! Как такое со мной могло случиться?!»

Прошло два дня, как ушел второй муж, и я с утра до вечера спасалась «волшебными» психотропными пилюлями, которые, по счастью, хранил у себя мой сосед. Тем вечером он вошел в мастерскую и увидел печальную сцену: я лежала на полу с расплывшимися, как у Иисуса руками, и мне казалось, что весь мир, включая меня, медленно и тихо угасает... Привычной истерики не было, была лишь подозрительная, гробовая тишина, напол-

ненная болью, такой же тихой и ядовитой, как и все вокруг.

Спасатель не стал вызывать скорую, а сам «прописал» мне лекарство. С первыми петухами я глотала чудо-таблетку и, как ежик в тумане, продолжала жить три-четыре часа, не чувствуя совсем ничего — и даже голода. Ни есть, ни пить не хотелось, мысли, словно затупленные ножи, больше не резали истерзанную душу, и в этом сладостном состоянии я наконец-то могла продолжать работать.

Созерцая, как в страшном сне, свое отражение, я вцепилась в ненавистную витрину, издавая дикие вопли.

— Так как же такое могло случиться?! — заорала я во все горло и тут же поняла, что эффект транквилизатора подошел к концу. Меня заколотило...

Жуткое воспоминание оседло ноющее, недовольное состояние, и я вприпрыжку понеслась наверх вслед за Милкой.

— Милусик, ну прости, ты права, — раскаиваясь, тихо сказала я. — Я все прекрасно помню, хотя до сих пор не понимаю, как такое могло со мной произойти? Я ведь все эти годы даже не замечала, как превращаюсь в бегемота... а ты же помнишь, после первого развода мне предлагали даже подработать фотомоделью! С ума сойти...

Я закрыла лицо руками и закачала головой.

— Ну, о том, что ты отказалась от того предложения, жалеть не стоит. Тип был омерзительный, и еще неизвестно, в каких сомнительных журналах появились бы твои фотографии...

Милка увидела выскочившего из-за софы Жорика и, тут же изменив голос на «уси-пусный», защебетала:

— И где же мой малыш? Вот он, моя конфетка. И куда же этот зайка завтра полетит?

Она взяла ящера на руки, ласково чмокнула и засунула в приготовленную клетку.

— А насчет «как такое могло с тобой случиться», — продолжала подружка. — шутка ли, волочить на себе такое хозяйство? Двоих детей, мужа и его детей, бизнес, счета, да и вообще все, все на своих плечах!.. — Милка на мгновение застыла на месте. — Девочка моя, ты просто очень сильно хотела выжить, совсем забыв... про жизнь.

Я убрала руки от лица, слезы медленно стекали по щекам — как же она была права!..

— Давай не плачь, а быстрее тренируйся быть красивой секс-бомбой, как на фотографии. Только не откладывай, как ты это всегда делаешь из-за работы.

— Да! Обязательно буду! — со страстью пионерки выпалила я. — Мне вот только бежать сегодня срочно...

При этих словах лицо Милки угрожающе изменилось, отчего мой пыл поутих, и я, промямлив, закончила: — на... фабрику... в «Этрурию»... там новая коллекция...

— Ну вот, а я что говорила? — подружка уперла руки в боки. — Это та, что по разработке изделий из кожи? Где твоя любимая дизайнерша Франческа? Ну, значит, тебя до ночи дома не будет, и сегодня ты точно ничего не начнешь.

— Почему же? Если не попросят сделать что-то внеурочно...

— Хм, — Милка недоверчиво скривилась, — как же, не попросят... Ну надо же найти рано или поздно какой-то баланс между работой и твоим собственным временем! Я все понимаю — чрезвычайные обстоятельства заставили тебя пахать как лошадь, чтобы выучиться, расплатиться с долгами и начать новую жизнь. Но сколько же можно эту новую жизнь начинать? Я понимаю, что пережитый психический стресс породил в тебе аномалию, и ты вместо того, чтобы возненавидеть мучающую тебя работу, просто страстно в нее влюбилась! Ты у нас можешь повиснуть на целый час на своих манекенах и в обнимку с ними, рыдая, слагать романсы своим юбкам и пиджакам! Лучше бы с мужчинами так обнималась!

— Кстати, насчет мужчин и романсов, — усмехнулась я. — Лежу я тут

рано утром, вставать так не хочется, и размышляю... Вот, думаю, сколько же времени человек может прожить без секса? Особенно с таким темпераментом, как у меня... Начинаю вспоминать свою былую бурную сексуальную жизнь, и вдруг понимаю, что в последнее время я не испытываю почти никакого желания. И знаешь что?.. Мне вдруг стало страшно... «Как же так? — думаю. — Ну почему?» Тут, откуда ни возьмись, утренний свет швыряет мне в глаза солнечных зайчиков, и вместе с ними происходит озарение и рождается стих...

— Маэстро, на сцену! — Милка шмякнулась в кресло, и провалившись в мягкие подушки, закинула ногу на ногу. — Заинтриговала! Я вся внимание.

Подыгрывая подружке, я встала в позу в центре зала и почти запела:

«Неудержимая, как извергающий вулкан «Pasión»,
 Пылала, растекаясь, словно лава,
 И я в постели (упс... пардон),
 Что было сил, давала жару.

Потом влетела ты, как ураган,
 Схватив меня со всею страстью,
 Мужчины отошли на задний план,
 А я раскрылась пред тобой со сладостью.

И с тем же пылом за конструкторским столом,
 Не покладая рук, я ликовала,
 Творя линейкой и карандашом
 Индустриальные лекала.

Секс постепенно отошёл
 В былые — с меньшим весом — времена,
 Теперь в моих объятьях осталась только ты,

Любимая профессия моя.

Нам хорошо с тобой вдвоем,
Ты мне и поцелуй, и страсть, и ласка,
И без мужчин переживем,
Нам не нужна ничья колбаска!»

Ожидаемого взрыва хохота и аплодисментов не произошло — Милка сидела с замороженной миной.

— И ты думаешь, это смешно? А мне хочется плакать! Променять мужчин на работу! У тебя крыша окончательно съехала: «Нам не нужна ничья колбаска!» О чем с тобой можно после этого разговаривать?!

— Ну это же шутка... — растерянно пробормотала я.

— Нет, это не шутка! Это твоя реальность. Лучше бы тебе в то утро вместо зайчиков что-то другое влетело... и не в глаза! В общем, делай что хочешь, а мы полетели отдыхать, наслаждаться и заниматься настоящим сексом!

Сборы Жорика продолжились еще несколько минут, Милка, поворчав, все же успокоилась, и даже рассмеялась, потом наказала в сотый раз делать упражнение перед зеркалом, и мы вышли из квартиры на лестницу. Распрощавшись с любимой агамой, я пожелала обоим счастливого пути и спустилась на цокольный этаж, в офис.

Посмотрев еще раз на фото с сексуальной фигурой, я подошла к зеркалу и вновь изобразила красотку, выходящую из моря.

«А может, Милка права? И не такая уж и заоблачная моя мечта?» — очередная взбучка с жутким воспоминанием подняли настроение и окрасили реальность в розовые цвета.

— Талия просматривается... — отметила я, зажав обеими руками заметный изгиб. Затем, повернувшись спиной к зеркалу и едва не свернув шею, я внимательно оценила свой зад:

— Да и ляжки с задницей уже хм... хм... получше...

Удивительным образом настроение улучшалось со скоростью света. Хихикая и дурачась, я нагнулась, желая просунуть голову среди согнутых ног, чтобы покривляться перед зеркалом в перевернутом виде, но многослойный живот, словно пружинистый батут, отталкивал верхнюю часть тела и не позволил закончить акробатический трюк. Пришлось отказаться от образа женщины-змеи. Потрепав свой пузень, я подумала: «Надо срочно с чего-то начать, как и тогда, год назад...»

Отражение в стекле потрясло меня, но после бурного выплеска эмоций пришлось взять себя в руки: прохожие косились, сторонились и даже переходили на другую сторону улицы, а когда наружу с телефоном в руке выскочил и сам хозяин магазина, я поняла, что скоро буду рассказывать о своих несчастьях врачам из скорой помощи или, того хуже, полицейским из ближайшего отделения. Пришлось перестать лезть на витрину и продолжить кругосветное путешествие в банк...

По возвращении, чуть не задыхаясь, я приняла чудо-таблетку и завалилась на кровать. Хотелось наглухо и навсегда закрыть все окна и зеркала и больше никогда себя в жизни не видеть.

«А жизнь ведь закончилась... — думала я. — Вот так внезапно взяла и закончилась... И ничегошеньки я в ней не увидела... только беспросветную усталость, работу, тысячи лекал и кучу проблем. А теперь и подавно... В таком жутком виде, да еще в сорок лет, ждать мне больше нечего... Я никогда не похудею и никому больше не буду нужна... И в один ужасный день от грусти и одиночества я просто умру... завалюсь, как мешок с дерьмом, на свои лекала, и сдохну на них, как последняя бездомная собака... и все — песня спета... — в мозгах ярко нарисовалась леденящая кровь картина смерти «бездомной собаки», отчего мне захотелось умереть не откладывая, прямо сейчас. — И зачем было только жить?.. Да и зачем продолжать жить и ждать? Лучше сразу... пойти и рухнуть на рабочий стол как раненое, ис-

терзанное животное и...»

— Батюшки! Да что с тобой?! — в дверях неожиданно появилась Милка. — Звоню на телефон — не отвечаешь. Мчусь сюда — никто не открывает, хорошо хоть, захватила запасные ключи.

Подружка подошла к окну и подняла жалюзи.

— Ну нельзя же так убиваться, — продолжала она, — ушел — и хорошо, что ушел, наконец-то твоя жизнь начнется заново! Ты у нас вон какая красавица! Найдешь себе еще достойного мужчину!

В ответ послышался стон умирающего. Сил отвечать на идиотскую реплику про красавицу и достойного мужчину не было.

— Ну-ка давай не стони, а лучше поднимайся. Будем думать, с чего начинать...

«И начали мы с весов, — продолжала вспоминать я. — Потом я понеслась по парикмахерским, салонам красоты, нашла журналы для пухлых дам... и даже записалась в спортзал, но заниматься при таком весе было очень трудно».

Я вспомнила как, держась за перила, еле шла по беговой дорожке, и это было невыносимо. А вокруг все такие энергичные, стройные и спортивные, мне было жуть как стыдно, и через пару недель моя спортивная деятельность закончилась, спасло лишь то, что я почти ничего не ела, поэтому все же похудела.

Закончив с воспоминаниями, я решила: «А сейчас я начну с доски визуализации! Взвешусь и напишу на доске желаемый результат...»

С колотящимся от страха сердцем я побежала наверх и встала на весы. По счастью, розовые очки благодаря взбучке и воспоминаниям еще не слетели. Не особо расстроившись, я нарисовала на белом листе огромную цифру «60» и повесила ее на доску. Потом нашла фотографии спортивных, занимающихся фитнесом дам и прикрепила их туда же, а еще массажи,

сауну и даже... бассейн. При одной только мысли, что придется раздеться, кровь в жилах превращалась в ледышку, но я все же пересилила себя и повесила плывущую спортсменку.

Труднее было с диетой, так как рот в связи с последними событиями просто не закрывался. Я нашла картинки диетических блюд и тоже развесила их по всей доске. А мороженое и шоколад перечеркнула толстым красным фломастером так, что их почти было не видно, и прикрепила туда же.

На минуту я присела посмотреть на проделанную работу. В середине все также висела стройная красотка, но уже не в одиночестве, а в хороводе разноцветных бодрых картинок. «Как же я хочу стать такой же стройной, как она!» — почти взмолилась я и покрылась захлестнувшими от возбуждения мурашками. Вдруг перед глазами встала картина: я четко увидела себя в купальнике — стройной, молодой и красивой, выходящей из воды на берег моря. От неожиданности у меня перехватило дух, и, оцепенев, я старалась как можно четче рассмотреть сладостное видение.

Внезапно прямо под моим окном заревел мотор канализационной машины.

— Ну что за черт?! — раздраженно воскликнула я. — Вот именно сейчас им надо высасывать дерьмо?!

Я с возмущением захлопнула окно.

«Нет, нет, нет! Срочно мотать отсюда! Здесь то понос, то золотуха! Не спрятаться от шума никуда! И днем и ночью визжат мопеды и скутера! То телефон звонит, то канализация трещит, то ремонтируют дорогу! То раздаются крики каких-нибудь уродов! В деревню!»

Как следует поворчав, я в сотый раз сказала себе, что пора переезжать за город, но все же, решив не портить себе настроение, принялась доделывать доску.

Осталось изобразить поездку в Новую Зеландию. Я выбрала огромный «боинг», летящий в небе. Потом появились чемоданы, на которых я написала: «Лечу в Новую Зеландию». Затем я добавила несколько красивых фотографий самой Новой Зеландии. Пляж с черным песком. Дом Тодда и, наконец, снимок самого Тодда. Потом, вспомнив Милкино внушение про секс, я нашла картинку со страстной парочкой и прилепила ее между мной и моим героем. Рамкой для всего этого стал орнамент из евро и новозеландских долларов.

Я удовлетворенно улыбнулась — доска притягивала внимание и заряжала еще большим желанием. Я бы так и просидела целый день, рассматривая ее, но нужно было срочно бежать на фабрику за новой коллекцией, а затем вихрем в книжный магазин за учебником по визуализации.

Глава XVII

Отпуск для Золушки

Длинная парковка, украшенная распустившимися мимозами, оказалась сплошь забита разноцветными автомобилями разных марок и габаритов. Пристроить машину удалось только в дальнем конце, у входа в швейный цех, пропитанный запахом фритюрного масла так, что казалось, здесь подают утку по-пекински с жареной лапшой «Чоу мейн».

— Чао, Малия. Наконец-то! Фланческа тебя заждаться, — мелкий китаец, выскочивший из раскрытых дверей, тут же испортил настроение.

— Чао, Алессио, — на самом деле его звали каким-нибудь Сянцзянем или того похлеще, но чтобы не сломать язык, всех китайцев на фабрике окрестили по-свойски. — Что случилось?

Тревожная чуйка нашёптывала, что Милка была права и запланированные два-три часа растянутся хорошо если не до ночи, а ведь мне так хотелось купить сегодня книжку!

— Проблема там, — китаец махнул куда-то вовнутрь. — Нам завтла утлом шить слочно!

«У них проблема, а я-то тут причем? — я нахмурилась и вошла в двери. — Опять сейчас завалят внеурочной работой! Ох уж эта Франческа! Кто только этих дизайнеров придумал?!» Ворчала я, конечно, не всерьез: и работу, и компанию, и старину Энцо, ее владельца, я обожала. «Этрурия» стала моим счастливым билетом: когда им понадобился модельер-конструктор, Энцо выбрал из всех кандидатов (а конкуренция в нашей модной индустрии огромна!) именно меня. Много позже я спросила, почему — ведь он отлично видел, что я еще не вышла на нужный уровень. Ответ был таков: «Ты горела, хотела идти вперед, учиться, добиваться...» Комплимент приятно пощекотал мое эго, и я сложила его в копилку лучших похвал... А уж с Франческой после первых притирок мы и вовсе мыслили в унисон.

Цех, словно поле битвы, был наполнен трудовым хаосом. Он гремел, дребезжал, грохотал и даже издавал национальную поп-рок музыку. Бес-

численное множество китайцев разного пола и возраста, подпевая своим артистам, безостановочно производили «пулеметные очереди» из стоящих в несколько рядов швейных машин. Не меньшее количество желтокожих трудяг громыхало кожевенными молотками, клеило, резало, утюжило, пришивало пуговицы, бегало туда-сюда и трещало на своем писклявом непонятном языке.

Я заткнула уши, но пальцы непослушно перескочили на нос. Исходящий со стороны кухни смрад жареного масла слился в рвотном дуэте с необычной вонью от только что привезенной новой партии кожи, которую скидывали прямо на пол с грузовика. Тошнотворный аромат ресторана в сырмятне что было сил погнал меня вон из помещения. Подпрыгивая, как блоха, я поскакала молодой антилопой через груды наваленных пластов кожи, спотыкаясь об обрезки шкур и скользя по атласным ошметкам подкладки. Чудом устояв на ногах, я почти вкатилась в распахнутые двери, ведущие в центральный зал компании.

Влетев, словно вихрь, я тут же захлопнула «райские ворота», спасающие фирму от китайского кошмара, и, пройдя по небольшому коридору, наконец-то вошла в зал, где царил не меньший хаос, но к счастью, не было вони.

Сотрудники, кто с бумажками, кто с коробками, кто с образцами в руках, ловко ныряли между скользящей по подвешенным рельсам одеждой и разбегались в разные стороны по всему зданию.

Одни лишь контролёры, как оловянные солдатики, стояли возле своих рабочих мест, заваленных горами изделий, и проверяли качество нового товара, привезенного с зарубежных дочерних фабрик.

Оценив ситуацию, я постаралась незаметно проскользнуть между рядами подвешенной одежды — авось не заметят и разберутся без меня, — но не тут-то было...

— Мэри... — привычно растягивая слова, проговорила Франческа, неожиданно появившаяся из-за длинного пальто от «Emporio Armani» из крокодиловой кожи.

«Ну ёлки-палки!» — с досадой подумала я и, расплывшись в улыбке,

сказала:

— Чао, аморе мио, я сегодня тороплюсь...

Такое приветствие явно говорило о том, чтобы ко мне не приставали с побочными вопросами, но умная и всё понимающая Франческа имела уникальную способность «прикидываться веником» при необходимости.

— Мэри... — заискивающе улыбаясь, ещё раз повторила хитрюга, сверкнув единственной свисающей до плеча серьгой, — мы как раз думали о тебе...

В экстравагантном дизайнере всё, начиная от причёски и заканчивая педикюром, отличалось эксцентричностью.

Моего имени это тоже коснулось. Франческа окрестила меня заново, и из Марии я превратилась в Мэри, но не сопротивлялась: новое имя мне понравилось.

— У нас возникла небольшая проблемка, — она явно занизила значимость произошедшего, чтобы ненароком меня не спугнуть, — и кто, если не ты, сможет ее разрешить? Пойдём в кабинет.

— Но у нас же сейчас встреча с...

— Ничего, ничего, подождёт.

В помещении находилась манекенщица, одетая в приталенный пиджак.

— Это работа нового конструктора, ты же знаешь, что заказы прибавляются, а рук не хватает, — оправдываясь, начала Франческа, зная мое ревнивое отношение к любому вновь появившемуся коллеге.

Я нахмурилась и осмотрела пиджак. Баланс явно был нарушен, короткая спинка тянула изделие назад.

— Мэри, завтра вечером этот прототип должен быть выслан заказчику, надежда только на тебя — выручай. Только ты, и я даже не представляю, как ты это делаешь, способна молниеносно и хорошо откорректировать этот кошмар. Кстати, что скажешь об этом, — она ткнула манекенщице в подмышку.

Движение рук было заблокировано глубокой проймой и неправильно

выкроенным окатом.

— С таким узким рукавом я бы сделала аккуратную небольшую ластовицу.

— Вот и славненько, — с облегчением выдохнув, Франческа запустила пальцы в длинную асимметричную чёлку. — Завтра к утру ждём, чтобы Алессио смог пошить до вечера. Ты тогда давай поднимайся, я сейчас подойду.

В большом зале для корректировок за столом сидел Энцо и рассматривал какие-то документы. Работники прозвали его Баббо, что в переводе с флорентийского диалекта означает «папа», за его добродушие и человеческое отношение. Баббо все любили, и я в особенности...

— Чао, Энцо, как дела?

— Могло бы быть и лучше, но не будем жаловаться, привет, — он оторвался от бумажек. — А как твои дела? Работы много? У нас появилась новая фирма, и нам надо быстро сделать коллекцию для неё. Так что готовься, необходимо срочно доделать всё, что уже в процессе, приступить к корректировкам и сконцентрироваться на новом заказе, — Энцо в упор смотрел вверх съехавших по переносице очков.

— Ну... что сказать? — протянула я. — Новость радует. Новые заказы — это всегда хорошо, — я не понимала, радоваться мне или нет. Разговор с Милкой заставил задуматься: надо же было когда-то начинать жить... Вот только дальше начинались сплошные «но». Сон дольше четырех часов и так казался роскошью. Однако поездка в Новую Зеландию грозила проделать немалую дыру в кошельке, так что еще одна работа была кстати. Безусловно, Земля опять помогла и Закон Притяжения продолжал действовать. «Деньги, конечно, не помешают, но когда же спать?» — мысленно прикинула я. А еще крупный заказ мог солидно укоротить мой отпуск. Лучше сразу все обсудить! Я зашла издалека...

— Энцо, а ты был в Новой Зеландии?

Этот небольшого роста с серыми волосами и пронзительными глазами итальянец объездил в свои пятьдесят пять весь мир.

— Да, но я там был пару дней проездом, и только в Окленде, когда летел на Фиджи. Я ничего почти не видел и не помню. А чтой-то ты Новой Зеландией заинтересовалась?

— Да вот... тут передача интересная про эти острова была, — непонятно почему я смутилась и соврала.

— Неплохо бы ещё разок туда слетать, хотя когда? График мой забит на год вперёд, да и слишком далеко. Устал я.

— А вот я, наоборот, хочу! — не удержавшись, выпалила я.

— Когда?! Во время отпуска в этом году? — быстро отреагировал Баббо, вновь уставившись на меня из-под очков. — Туда лететь надо как минимум на три недели, потому что слишком далеко.

— Вот и я как раз... о трёх неделях... — промямлила я, не зная, как закончить фразу.

— А работать будет кто? — сделав ударение на «кто», Энцо наигранно принял строгий вид и продолжил уже более мягко. — И какого числа ты собираешься?

Я тут же взбодрилась и затараторила:

— Хотелось бы как можно раньше — в начале августа. Я, конечно, понимаю, что всё зависит от планов и сроков сдачи. Но ты же знаешь — я вас не подведу, не беспокойся.

Лицо собеседника расслабилось:

— Хорошо, если справишься к началу августа — кати на все четыре стороны.

Он вновь принял строгий вид, погрозил указательным пальцем и по-директорски закончил:

— Но чтобы всё было сделано на отлично!

По всему телу прокатилась возбуждающая волна предвкушения поездки. Хотелось запрыгать и хлопнуть в ладоши, а ещё подскочить к Баббо и расцеловать его в щёки. Но я, подумав, сдержалась: «Ура! Насчет отпуска договорилась, это уже поддела! А вот как с остальным справиться? Работа, визуализация, Милкино упражнение, да еще и диета!»

История напоминала известную сказку: помой, начисть, убери, отдели просо от мака, а потом, если успеешь, приведи себя в порядок и можешь появиться на балу у принца. Но ради путешествия и встречи с Тоддом я была готова даже на роль Золушки.

